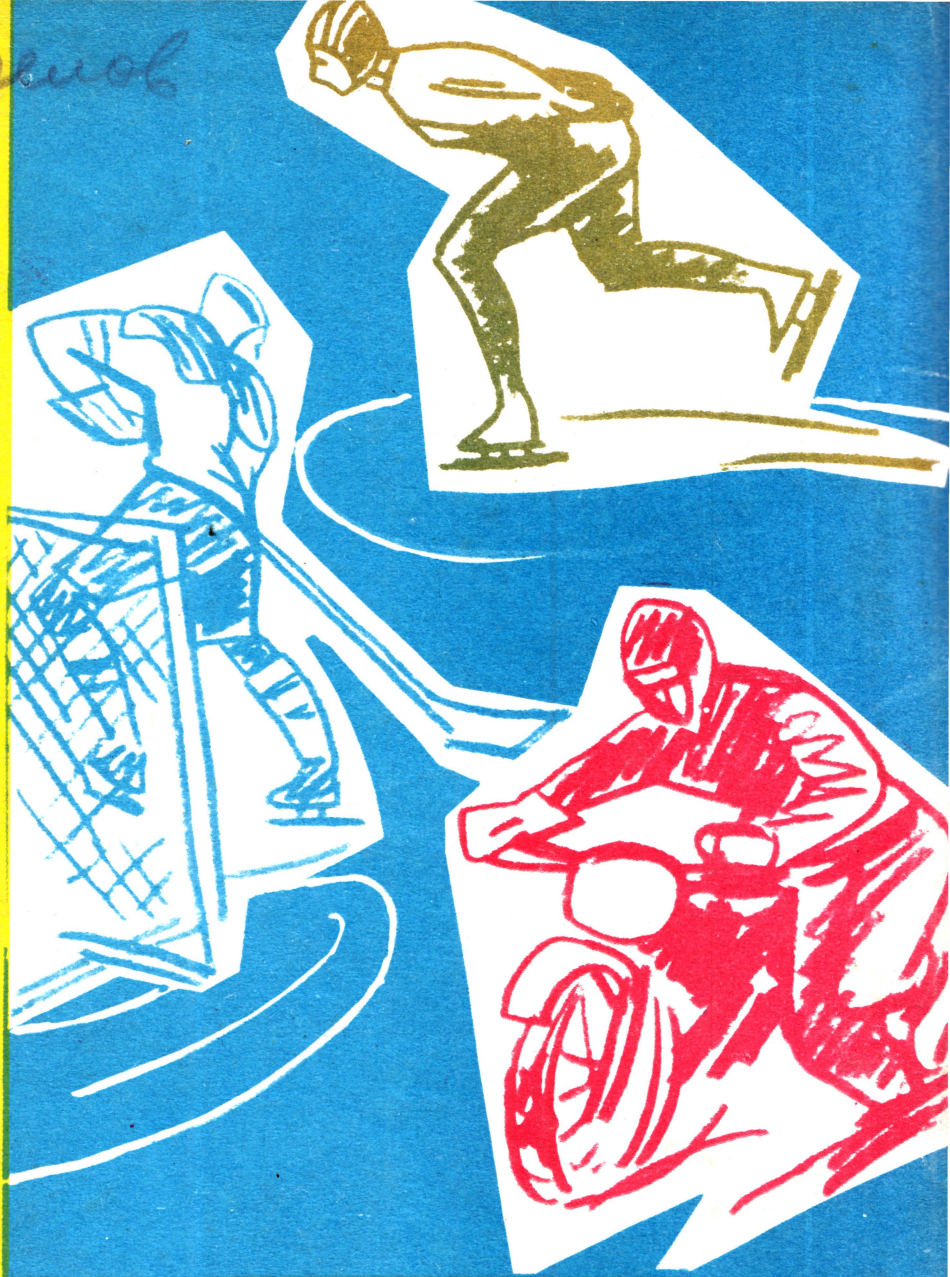

Рисунки 3 Гусов

С

УРАЛЬСКИЙ

Опыт

12
ДЕКАБРЬ
1959

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

12 · ДЕКАБРЬ · 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

ОСТРОВ НЕФТЯНЫХ РОБИНЗОНОВ

Е. Ананьев. Поиски в семилетке

СЛЕД ВЕДЕТ В БОЛОТО

Б. Захаров. Приключенческая повесть

НЕДЕЛЯ ПЕТРА ТАРАСОВА

Э. Нуриджанов.

Вдоль границы ЕВРОПЫ И АЗИИ

В. Егоров.

НОВЕЛЛЫ О КАМНЕ

А. Малахов.

НА ГОРИЗОНТЕ — ФОБОС

Ф. Овчаренко. Рассказ

СНОВА В КРАЮ КЕДРА И СОБОЛЯ

Г. Бабаков. Записки охотоведа

ПЛАНИДИН КЛАД

П. Истомин. Следопыты разоблачают

МОЙ АКБАР

Б. Рябинин. Записки бригадмилца

БУРЯ В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

Жюль Верн

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА!

Окончание игры читателей

На второй странице обложки рисунок В. Бубенщикова.

Свердловское Книжное Издательство

1959

Мороз ледяные мосты перекинул
Сквозь дебри тайги, через топи болот.
Парнишка-шофер грузовую машину
Впервые по зимней дороге ведет.

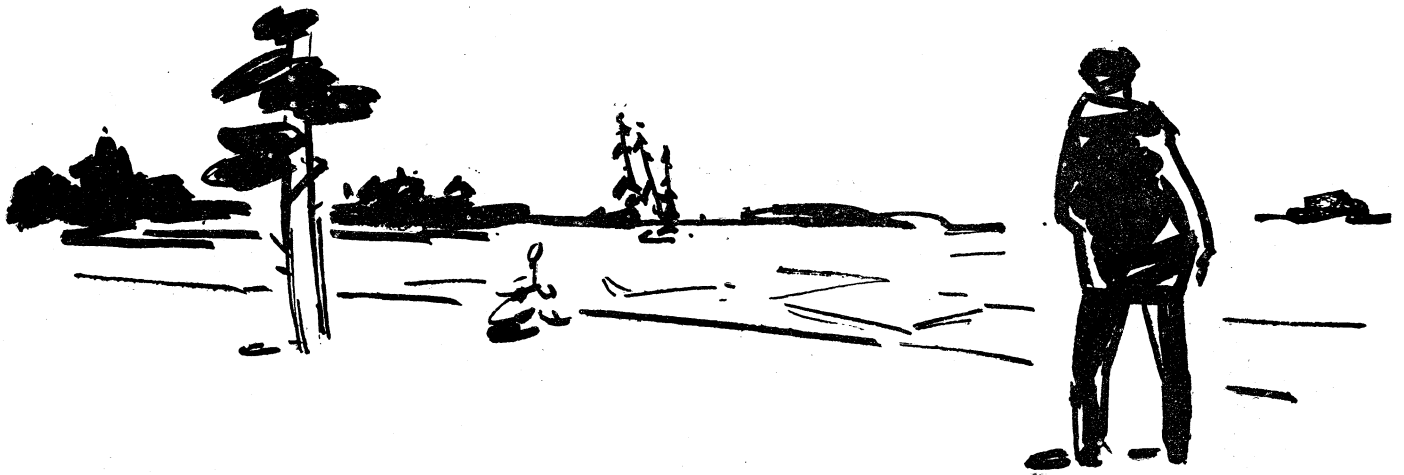
На каждом пеньке снеговая подушка,
Петляют следы незнакомых зверей.
Все будто бы в сказке.

А вот и избушка,
На ножках без окон стоит, без дверей.

Еще впереди снеговые заносы,
Студеные русла кипящих ключей,
Опасные спуски, речные торосы,
Озноб и усталость бессонных ночей.

Здесь скоро другая дорога проляжет.
Высокие насыпи, каменный грунт...
По древнему следу оленьих упряжек
В таежный поселок машины идут.

П. Митин

ОСТРОВ НЕФТЯНЫХ РОБИНЗОНОВ

Евгений АНАНЬЕВ

Рисунки М. Брусиловского

Их было пятеро. В конце мая прошлого года они высадились на безымянный остров в устье обской протоки Солкино.

Прошел ледоход, но окраинные льдины еще ползли, вспахивая острыми боками берега. Из-под осевшего снега выглядывала пожухлая прошлогодняя трава, мятые хмельные ягоды перезимовавшей брусники. Поздняя весна напоминала о себе всем: и особым, неповторимым запахом тающих снегов, и не уходящим на покой солнцем, и первыми птичьими головами, только появившимися в тайге.

Буровой рабочий Вася Голев привистнул, помаргивая прищуренными, словно всегда ищущими что-то глазами:

— Вот так бурова-ая! Вроде Робинзона, — на необитаемый остров попали.

Начальник разведки Петр Васильевич Терещенко засмеялся. Его грубоватое, ислестанное морщинами лицо оживилось, даже помолодело:

— Буровики-разведчики — похлеще Робинзонов. — Он весело развел руками и пошутил, обращаясь к остальным: — Про-

шу знакомиться: Пимская разведка глубокого бурения. Здесь будет город заложен, как сказал поэт. А мы добавим: и нефтяная скважина. Верно, Кривошеев?

Худошавый, невысокий рабочий спокойно ответил:

— Нам, Петр Васильевич, не привыкать. Нефть, она не смотрит, стоит рядом хата или нет.

Только недавно эта бригада закончила бурить скважину на юге Томской области. И вот — далекий скачок на север, в Ханты-Мансийский округ. Почти все — люди опытные, лишь Вася Голев, недавно отслужив в армии, совершает с новыми товарищами по профессии свой первый переход. Сколько их будет еще на его пути — пути искателя сибирской нефти?..

— А почему Пимская разведка? — спросил Голев.

Терещенко объяснил. Неподалеку от острова впадает в Обь таежная речка Пим. Недавно открыт Пимский вал — града подземных холмов, где может скап-

ливаться нефть. Есть и одноименное стойбище охотников и рыбаков северной народности ханты, но они скоро покидают глухую тайгу: в селе Тундрино, на водной магистрали, для них строится новый жилой поселок.

— А нам здесь,— закончил Терещенко,— самим обустраиваться. Скоро остальная бригада соберется. Имейте в виду,— с семьями приедут. Надо встретить по-хорошему.

И каждый занялся своим делом. Терещенко осматривал сжатый половодьем остров, выбирал место для будущей вышки, котельной, жилого поселка. Плотник Достовалов примерялся к лесу — как его пустить на строительство. А Вася Голев побежал с сеткой к озеру, занимавшему самый центр острова. Ему, заядлому рыбаку, не терпелось познакомиться с достоинствами нового места.

Вскоре он вернулся, еще издали крича:

— Петр Васильевич! Рыбы здесь — видимо-невидимо!

— Вот и хорошо,— отозвался Терещенко.— Проверим, какова она на вкус. Ну-ка, заваривай ведерочко.

День прошел в хлопотах, без которых не обходится ни одно подобное новоселье. Ночевали в наскоро сооруженном шалаше — шутники сразу окрестили его гостиницей «Красный Пим». И уже говорили об острове, как о своем новом доме. Так повелось у разведчиков — кочевая профессия приучает ценить тот уголок земли, который им предстоит заселить и освоить.

На буровую

Жизнь на острове Нефтяных Робинзонов началась.

Через несколько дней пришли суда с лесом, машинами и буровым оборудованием. Приехали и другие члены бригады. Привезли двадцать два новых, похожих на вагоны, домика передвижного геологического городка. Остров сразу приобрел обжитой вид.

Как раз в то время отправился в эти тихие, богатые рыбой и дичью места парень из села Тундрино Володя Завьялов. Вертячая лодка-долбленка ходко шла навстречу мерному течению разлившейся Оби.

Вдруг в заповедную тишину ворвались звуки тракторного мотора, визг пил,

оживленные голоса. Володя прислушался. Уж не померешилось ли?..

Безлюдный прежде остров встретил охотника оживленной рабочей суетней, горами теса и металлических труб на берегу, приветственными возгласами:

— Вот и пополнение нам!

— Откуда путь держишь, дружок?

Володя растерянно осматривался. Что делают в глуши эти веселые люди? Зачем так много машин? Откуда столько новых домов?..

Словно поняв не высказанные вопросы юноши, Вася Голев важно произнес:

— Разведчики мы. Нефть ищем. Понимаешь?

Конечно, о рыбалке и охоте Володя в тот день даже и не подумал. Он бродил около новых знакомых, вслушивался в такие непонятные, но уже заманчивые разговоры о долотах и нефтяных структурах, о вышечном «фонаре» и многометровых «свечах» из труб. Володя втайне завидовал Василию Голеву — ненамного старше его, а уже нефтеразведчик. Вот бы самому!..

К концу дня он набрался храбрости. Терещенко внимательно выслушал слегка бессвязную от волнения речь паренька.

— На буровую хочешь? Что ж, рабочие нужны. Толькс дело наше нелегкое. В любую погоду, мороз или дождь, буровик на посту. У нефтяников и смена называется, как на море — вахта. А вахта не ждет. Подумай. Завтра ответишь.

Так в списке пимской бригады появилась еще одна фамилия. Володя Завьялов был первым местным жителем, ставшим нефтеразведчиком. А за ним потянулись и другие.

На первых порах приходилось трудно. Не хватало транспорта. Володя Завьялов возил продукты для буровиков на своей утлой лодке-долбленке из самого Тундрино, за пятьдесят километров. Не поступала почта. Даже адреса еще не было у маленького поселка, не отмеченного ни на одной карте. Чтобы встречать суда с грузами, начальнику приходилось выезжать им навстречу в районный центр Сургут.

А тут еще наступило лето с полчищами комаров и мошкеры. Укрыться от них было невозможно. Они забирались в дома и палатки, проникали под марлевые пологи, мешали работать и отдыхать, спать и есть. Маленькие ребятишки плакали, искусанные комарами, и жались поближе

к дымокурам. Расстроенные матери ругали комаров, тайгу, мужей, которые завезли их в эти «гиблые» места.

Но постепенно все стало выравниваться. К концу лета остров уже нельзя было узнать. В центре растянулась улица, рядом бульдозер корчевал лес, срезал кустарники для второй. Трактор, глухо урча, развозил по площадке будущей буровой тяжелые грузы — к его радиатору липли свежие березовые листья. А по зеленому лугу степенно бродили коровы, словно понимая свое значение символа обжитого места.

Осенью дети начали занятия в школе. На обском плесе появилась стоянка речного трамвая: Пимская разведка. Справлена первая свадьба: Вася Голев привел в свою новую квартиру молодую хозяйку.

— Первая свадьба — наполовину поселок. Первый ребенок появится — тогда уж поселок настоящий, — шутили буровики. Кто-то предложил назвать остров именем первого родившегося на нем ребенка. И все согласились.

„На вожжах“

Трудным было первое лето на острове, а зима не легче. Хорошо хоть успели утеплить домики-вагончики, иначе не сдержали бы они напора ветров и морозов. Но кирпича не хватило, пришлось собирать по окрестным селениям железные печки.

Строить зимой, выламывать лес из льда, копать отогретую кострами мерзлую землю — дела не из простых. Однако все выдержали, одолели. Точно в срок подготовили фундаменты под дизеля и насосы, котлованы для глинистого раствора, склады и пристройки. Приезжие монтажники собрали буровую вышку.

Высота ее — сорок один метр. Вышка горделиво поднялась над заснеженной тайгой. Провожал монтажников весь поселок.

Трактор, на котором они уезжали попутным рейсом, шел в Сургут за лесом и буровым оборудованием. Механик Василий Сергеевич Васякин наставлял тракториста Николая. Даже не зная, можно было сразу определить, что они братья: оба плечистые, чернявые, медленные на слова и быстрые на работу.

— Значит, учти, в Сургуте не задерживайся. Весна прихватить может, а нам

без грузов и трактора — зарез. Ну, давай, — и он протянул сильную, с несмываемыми масляными штрихами руку.

Трактор тронулся. За ним заскользили по снегу массивные, с полозьями из отработанных буровых труб сани. Крутой спуск с берега на лед. Перевалка через Обь. Вскоре путешественники скрылись за ближним лесом.

В Сургут пришли без приключений. Но пока получили материалы, пока погрузили, заметно потеплело. Снег стал рыхлым и мокрым. Деревья продышали у стволов черные воронки. В середине дня с крыш бойко стучала капель, по ночам замерзая ледяными сосульками.

На обратном пути следы от гусениц сразу заплывали водой. Только бы опередить весну!

Вот и Обь. На другом берегу — остров, поселок, буровая. Осталось каких-то полкилометра.

Но по реке шла вода. Она выплескивалась мелкими речками, текла торопливо, покрываясь лишаями пены. Ступили на лед — вода по колено.

— Застряли, — мрачно отметил грузчик. — До лета куковать.

Николай Васякин молча нахмурился. «Нам без грузов и трактора — зарез», — вспомнил он слова брата.

— Рискнем? Под водой-то лед крепкий.

Николай привязал к рукояткам управления трактором длинные бечевки.

— Пойдем «на вожжах», — скупое объяснил он.

Трактор пошел через реку, вспарывая неуклюжим брюхом надледный поток. Пошел без водителя, как живой, медленно, с опаской, чтобы не угодить в полынью или трещину. А за ним, метрах в десяти, двигался тракторист.

Ледяная вода захлестывала ему сапоги, добиралась до полушубка. Но он, держа в руках бечевки, действительно похожие на вожжи, то отпускал одну из них, то тянул к себе. Послушная воле хозяина даже на расстоянии машина приближалась к заветному берегу острова Нефтяных Робинзонов.

А там собрался весь поселок. Сдвинув брови, но оставаясь внешне спокойным, стоял механик Васякин, сильные руки мяли неведомо как попавший к нему кусок замазки. Начальник разведки Терещенко то пытался надеть шарф, то снова машинально клал его в карман.

Вася Голев, приоткрыв рот, замороженными глазами смотрел на приближающийся трактор.

Было очень тихо. Ни одного звука, кроме рокота мотора.

Вот и берег. Николай Васякин снова сел в кабину, подъехал вплотную к толпе. Весь мокрый, лицо посиневшее, умученное. Но — удивительно! — Николай, молчаливый Николай, улыбается широко, открыто, словно приглашает всех разделить его радость!

Как же назвать?

12 сентября 1959 года. Как добрая примета, солнечный, приветливый день. Лес светится яркими красками осени. Прозелень елей оттеняет поблекший убор тала. Березы роняют пестрые листья — от искрасна-желтых до зеленовато-розовых. Легкий ветер разносит их по всей округе, укрывает привядшую траву, приплавляет к голубым озеркам, осыпает на свежий дощатый помост буровой установки.

Как на праздник оделись жители поселка. Лишь бурильщики смены Валентина Белогирина в брезентовой спецодежде. Но они-то и есть настоящие герои сегодняшнего дня — им доверили начать бурение первой на острове скважины. На три с лишним километра в глубь земли!

До начала — считанные минуты. Уже наращивают обороты прогретые моторы. Уже мощный насос прогоняет по шлангам первые партии глинистого раствора. Уже стоит у своего рабочего места — тормоза лебедки, нахлобучив шапку на лоб, опытный бурильщик Валентин Белогирин, вместе с этой бригадой он бурил скважину еще в Пудино. Помощник дизелиста Кривошеев, один из пяти первых новоселов острова, торопливо осматривает машины. Приплясывает от нетерпения Вася Голев.

Терещенко стоит у наклонного настила для труб, подзывает к себе Василия:

— Вот сюда вода весной подходила. Помнишь? — показывает он под ноги. — Просто море разливанное.

Мощный рокот мотора заглушает его голос. Дощатый настил задрожал. С жестким лязгом завертелся стол ротора. Быстрее, быстрее, еще быстрее! Набирая обороты, долото ввинтилось в землю.

— Забурились! — как старый нефтяник, говорит Вася. — В добрый час!

Моторы грозно гудели, захлебываясь от собственного неистовства. Одна за другой бурильные трубы скрывались в скважине. Устойчивый, спокойный ритм уже прослушивался сквозь неровное дыхание впервые вступивших в работу машин.

Держась за деревянные поручни кольцевой лестницы, Терещенко с Голевым поднимаются на самую верхнюю площадку вышки. Ее слегка пошатывает, как рубку корабля. Далеко видать с высоты! Нескончаемые массивы тайги. Широкая гладь Оби с желтыми плешинами отмелей. На востоке, еле видная вдалеке, кланяется своей младшей подруге Сургутская нефтяная вышка.

А прямо под ногами свой родной поселок — сорок домов, двести пятьдесят жителей. Красный флаг над крышей клуба. Ребятишки у школы. Речной трамвай на реке. Автокран на берегу. От него двумя прямыми светлыми линиями тянется рельсовый путь.

— Как же назвать поселок? — смеется Терещенко. — Обжили! Работать начали! Нефть-то ведь обязательно будет, а?

*Ханты-Мансийский
национальный округ*

Дядя Ваня пришел сияющий, праздничный, в новом пальто с каракулевым воротником, в каракулевой шапке, в ботинках с галошами. Под мышкой держал аккуратно перевязанный большой пакет.

— Ну, бра-а-ат!.. — восхищенно протянул Лешкин отец, здороваясь и оглядывая дядю Ваню. — Куда тебе... Инженер, начальство...

— А ты думал, мы лыком шиты? — засмеялся дядя Ваня, снимая новенькие, черной кожи, меховые рукавицы и пряча их в карман. — Как вы тут живете?

Он развернул пакет.

— Ну-ка, налетай! Барнаульское!

Отец получил шапку, мать — платок с яркими цветами. Последний подарок был для Лешки: коричневый костюм с застежкой «молния».

Лешка сидел на печке и слезать не хотел. Но отец заставил слезть, примерить костюм и благодарить дядю. Лешка выполнил все, что требовали, но без восторга. Он по-прежнему любил дядю Ваню, но теперь почему-то и боялся его. Ему казалось, что тот вдруг раскроется, как сундучок, и там, внутри, будет что-то страшное. И, забрав костюм, он сидел на печке, оторопело взглядывая на него, мял в руках и, не радуясь, смотрел на все, что делалось в избе. Однако костюм был так хорош, золотистая застежка так празднично сияла, что Лешка, наконец, улыбнулся и уже с удовольствием и гордостью стал рассматривать его. «Вот позавидуют! Ни у кого нет такого, а у меня есть!» — подумал он и совсем развеселился. А дядя Ваня в это время высыпал на стол печенье и конфеты и подал Лешке на печь пригоршню гостинцев.

— Держи-ка, герой!

— У-у, сколько-о! — восхищенно протянул Лешка.

Окончание. Начало см. в №№ 10, 11.

Рисунки В. Жабского

В это время дверь открылась, вошла Катька и села на лавку, подальше от стола.

Лешка торопливо натянул новый костюм, запихал конфеты и печенье в карманы и слез с печки. Гордясь, подошел к Катьке, одернул костюм...

— Во, видала?

Катька сейчас же заохала, заудивлялась:

— Ах, какой!.. И застежечки!.. Теплый!.. Где ты взял такой?

— Дядя Ваня из Барнаула привез, — объяснил Лешка и, довольный произведенным впечатлением, с невиданной щедростью угостил Катьку: дал целую горсть конфет.

Болтая ногами, сидели рядом на скамейке, ели гостинцы и разговаривали про свое. А за столом шел разговор о Барнауле, о колхозных делах.

Неожиданно дядя Ваня спросил:

— А что это Татьяна Васильевна не видно? Уехала куда?

— Нет, здесь, — сказала мать. — С утра в селе была. Вон Катька говорила.

— Где ты видела тетю Таню?
— Я? — встрепенулась Катька.—
Нигде.

— А как же говоришь?
— Да не я говорю, Лешка говорит!..
Ой же ходил с ней какую-то избушку показывать, меня звал.

Лешка замер. Дядя Ваня, прожевывая огурчик, спокойно глядел на него.

— Да треплется она,— с досадой говорил Лешка, глядя злыми глазами на Катьку.— Избушка, избушка!.. Ну, показывала тетя Таня эту... как ее...

— Эх, врет! — затараторила Катька.— Сам говорил, что нашли с Петькой избушку...

Лешка завертелся, как береста на огне, но дядя Ваня заставил рассказать правду, выслушал, усмехнулся...

* * *

Каникулы продолжались. Друзья охотились или вместе, или Петька уходил один, потому что Лешка часто капризничал. Иногда Петька бегал с записками

к Марии Климентьевне. Один раз его не пустили в дом. Едва он застучал на крыльце, обивая снег с валенок, как дверь отворилась, и школьный сторож, гремя деревянной ногой, заслонил ему вход.

— Не лезь; не лезь,— предупредил он мирно, отстраняя мальчика.

Петька успел заметить в кухне каких-то людей.

— А мне надо, записка у меня!— заспорил он.

— Записку давай, передам...

Шел домой, раздумывал: «Что за люди собрались у Марии Климентьевны и зачем?»

Вечером неожиданно пришла тетя Таня. Петька, учивший уроки, сорвался было со стула. Но отец сразу же увел гостью в большую комнату и плотно притворил дверь. Петька снова сел решать задачу, но никак не мог сосредоточиться. Через

стенку глухо доносился разговор, но разобрать, о чем говорили, Петька не мог.

Через полчаса отец с тетей Таней вышли из комнаты, продолжая на ходу говорить.

— Петька, ты никому не говорил про избушку, что вы там открыли? — вдруг спросил отец.

— Не-ет, никому,— с недоумением ответил тот.

— А приятель твой, Лешка?

— Ну, не знаю! — пожал Петька плечами.— Ему не велели говорить... и тетя Таня и... я тоже.

Отец переглянулся с тетей Таней.

— Вообще-то,— задумчиво потер он небритую бороду,— слухов никаких... Остается ждать... Ждать и не упустить момент.

Петька не мог понять: почему нельзя говорить про избушку? Почему Николай Николаевич приходил тайно? Что значит «не упустить момент»? Какой?

Сколько времени прошло, он не знал, но вот ему показалось, что в сени кто-то вошел и затаился, будто подслушивает

или подстерегает. Петька насторожился, перестал дышать, слушая так напряженно, что зазвенело в ушах.... Нет, никого. Петька перевел дыхание, и тут дверь быстро распахнулась и сразу захлопнулась.

На пороге стояла тетя Таня.

Была она чем-то сильно встревожена, дышала быстро, отрывисто... Мгновение послушав, она проскользнула в комнату к отцу.

— Что с вами? — спросил Федор Герасимович, вскакивая.

— Ничего, ничего... — тетя Таня опустилась на стул, освобождаясь от шарфа с таким видом, словно он душил ее. — Там... Кто-то следит...

— Так, понятно, — подумав, сказал Федор Герасимович и тяжело сел. — Пронюхали, значит, думают припугнуть. Оружие у вас есть?

— Нет...

— Напрасно, — помотал головой Федор Герасимович. — Напрасно. Идет борьба, и жестокая. Они знают, что их ждет, если попадутся. Просто в руки не пойдут, запомните. И уж если узнали, что вы следите за ними, — берегитесь.

Тетя Таня нахмурилась.

— Как вы думаете, знают они или не знают, где вы сейчас?

— По-моему, нет. Не знают, в каком я доме. Петляла по задворкам, думаю, оторвалась.

— Ладно, — раздумчиво произнес отец. — Сейчас вы, Татьяна Васильевна, отдыхайте. На дворе затихло. Искать вас больше не станут и туда не пойдут: следы как на ладони.

И Федор Герасимович вычистил и набил трубку.

— Тять, — вмешался Петька, — кто они? Кто гнался за тетей Таней?

— А мы не знаем.

— А куда эти «они» не пойдут в тихую погоду? В заповедник?..

— Догадался — не спрашивай, — сказал Федор Герасимович.

— А может, я не совсем догадался! Трудно сказать, да?

— В заповедник повадились браконьеры, занимаются разбоем, грабят заповедник... Их надо поймать. Понял теперь?

— А почему вы не начинаете, не ловите их?

— Потому что эти самые браконьеры не дураки, тоже с умом действуют.

— Да-а, вот сволочи... — подумав, сказал Петька. — Вот вы зря от нас скрывали, мы давно схватили бы их.

Тетя Таня рассмеялась, а Федор Герасимович пытливо поглядел на сына.

— Болтун! — сказал он веско.

Петька от обиды так побледнел, что веснушки на носу и губах, отчетливо проступив, стали серыми.

— Ладно, — многозначительно проговорил он, отправляясь на печку. — Смейтесь, если так... Смейтесь... А мы без вас знаем, что делать.

Тетя Таня оборвала смех. Федор Герасимович из-под нахмуренных бровей поглядел в спину Петьке, влезавшему на печь.

— Если ты без спросу сделаешь хоть шаг, — сказал он, — прощайся с охотой...

Петька не ответил.

СИГНАЛ

Последующие два дня промелькнули для Петьки как одна минута. Он не знал и не желал отдыха, потому что все, что приходилось делать, ему поручала тетя Таня, которая жила у них.

Сама она не выходила никуда ни днем, ни ночью. Это радовало Петьку больше всего, и он изо всех сил старался угодить ей. Теперь ему было приятно бежать по ее приказанию к Марии Климентьевне с запиской, пробираться к ключику так, чтобы никто не заметил, и следить подолгу, не пройдет ли кто в сторону заповедника... Один раз пришлось полдня просидеть в овражке, потому что обнаружил след на снегу. Он собирался просидеть весь день, но узнать, чей это след. Может, браконьера? Но оказалось, сидел он напрасно: в лес ходила Мария Климентьевна, и несла она оттуда вязаночку капины.

Петька аж плюнул от огорчения, узнав ее. «Носит ее тоже», — подумал он с раздражением. Все время после того, как отец раскрыл ему тайну, он находился в лихорадочном состоянии, ожидая, что вот-вот «начнется». Но все было хоть и интересно, а не то, настоящее не начиналось.

От Лешки он озабоченно отмахивался, пробегая мимо при встречах. Чтобы Лешка не вздумал придти к нему домой, го-

ворил, что все время пропадает на охоте, а брат с собой еще кого-нибудь не желает...

На третий день с утра он бегал к Марии Климентьевне, уже без записки. Учительница вышла на крыльцо и сказала: «Ничего нового, Синицын».

Дома сидел Лешкин дядя с шапкой на коленях и упрашивал Федора Герасимовича снова отпустить его в город. Председатель не отпускал. Но в конце концов махнул рукой и сказал:

— Шут с тобой, езжай... Да поскорее...

— В два дня обернусь! — пообещал обрадованный дядя Ваня.

У Петьки настроение испортилось. Он даже и не заметил, что тетя Таня пряталась в спальне. Когда гость ушел, она со смехом сказала Федору Герасимовичу:

— От кого другого, а от Ивана Ивановича не стоило бы прятать меня.

— Может, и не стоило бы, а все же осторожность не мешает, — ответил Федор Герасимович.

— Нет, лишнее, — не согласилась тетя Таня и спросила Петьку: — Что передала Мария Климентьевна?

— Сказала: «Ничего нового», — сердито буркнул Петька.

Сидеть дома не хотелось. Взял ружье, лыжи. До вечера бродил за озером, а в сумерках засел на гумнах возле ометов и подстрелил двух зайцев, которые пришли пожировать. Удача подняла настроение. Петька подумал было засесть у ометов до полуночи, но потянула поземка, забирал крепкий мороз, и Петька пошел домой. Шел по селу важной раз-

валистой походкой, увешанный трофеями. На редких запоздавших ребятишек гуляк поглядывал с веселой улыбкой. Те восторженно кричали, бежали следом, обступали...

— Ой, ой, сразу двух!

— Петь, где подстрелил?

Петька старался говорить как можно равнодушнее.

— Да что там!.. Ну, подстрелил, чего тут!.. Зайчишки — так себе...

Домой пришел в отличном настроении, освеживал добычу, поужинал с отцом и лег спать.

А близко к полуночи его разбудили. Открыв глаза, он долго не мог понять, что происходит, кому и что от него нужно.

— Да проснись же, — шептала склонившаяся над ним тетя Таня. — Вставай, слышишь!

«Началось!» — сразу очнувшись после этого, решил Петька.

В комнате с завешанными окнами горел свет. Совсем одетый, отец набивал патроны.

Трубка в зубах у него сипела и хрипела.

— Может, вы ошиблись? — говорил он. — Проверить бы надо.

— По-моему, точно, — убежденно ответила тетя Таня. — Есть следы.

— За озером?

— Да-да...

— За озером я ходил, — сказал Петька, — даже до Сухого болота...

Отец повернулся к нему и вдруг рассмеялся.

— Ну вот, а мы торопимся, а мы спешим!.. Раздевайтесь, перекур!

Итоги

ТУРИСТСКОГО ГОДА

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ

● 715 экспедиционных следопытских отрядов города Свердловска, в которые вошло более 15 тысяч учащихся, выполнили в походах в прошедшем туристском году различные задания музеев, школ, совнархоза, Геологического управления.

● Следопыты нескольких школ Свердловска изучали места, связанные с революционной деятельностью Якова Михайловича Свердлова. Учащиеся школы № 8 узнали о том, что Свердлов в 1905 году около озера Исеть обучал дружинников стрельбе. Они нашли это место, сняли план его,

сфотографировали для выставки. Экспедиционный отряд школы № 72 побывал на Каменных палатках, где Яков Михайлович выступал перед рабочими Верх-Исетского завода. Пионеры школы № 13 изучали улицы, связанные с подпольной деятельностью Свердлова, побывали на явочных квартирах, где Яков Михайлович скрывался от полицейских.

● Следопыты школы № 86, Уралхиммаша, познакомились с историей своего района, с историей завода. Они узнали, что в их районе была построена раньше, чем в Екатеринбурге плотина, что около их школы в XIX веке находился фа-

янский завод. Как были рады ребята, когда на месте старого завода нашли маленький фаянсовый бочонок, расписанный ярко-голубой краской! Ребята оформили альбом «Химмаш в семилетке».

● Историю своего завода написали учащиеся школы № 23, поселка Изоплит.

● Ребята шести школ Октябрьского района решили сделать учебные пособия. Три тысячи школьников отправились с рюкзаками за спиной в походы по окрестностям Свердловска. Они принесли образцы минералов, гербарии, составили много коллекций.

И он решительно смел со стола в ящик пустые гильзы.

Вкрадчивый стук в окно спальни, выходящее на огород, поднял всех на ноги. Отец открыл дверь, и Петька увидел Марию Климентьевну в потертой своей белочьей шубке, в серой шали, в валенках. Засыпанная снегом, она торопливо вошла, поправила прядку, вылезшую на морщинистую щеку, и своим тихим печальным голосом проговорила:

— Что же вы, товарищи?.. Ведь перешли... Три человека. Я выследила.

Тетя Таня поспешно завывала шарф, глаза ее были тревожны.

— Вот видите! — прошептала она с холодным укором, обращаясь к Федору Герасимовичу.

Тот сунул трубку в карман.

— Начинаем!.. Петька, тащи своего дружка. Не болтай ничего, а просто позови. Идти к ключу... На лыжах...

С Петьки сон давно слетел. Он впер-

вые по-настоящему понял, что предстоит нешуточное дело, может быть, даже страшное, потому что отец торопливо выгребал из стола набитые патроны, проверял ружье, а тетя Таня на минуту вынула из кармана маленький револьвер, щелкнула чем-то и спрятала снова.

Тревога, готовность к чему-то серьезному была у каждого на лице, в том числе и на лице старой учительницы. Петька был поражен необычайно. Как! Эта тихая незаметная старушка приносит боевую весть? Она требует начинать?.. Неужели она... может такое?

— Если окажут сопротивление, — говорил отец, — стрелять...

Петька выскочил на улицу. Наступало утро: в домах светились огоньки, хотя еще и редкие; пахло дымом... Крутила пурга, и Петьку сразу охватил озноб. Чтобы избавиться от него, радуясь, что наконец-то «началось», ринулся на своих охотничьих лыжах к Лешке.

Богатые коллекции минералов принесли из похода по Южному Уралу следопыты школы № 67 города Свердловска. Ребята прошли по труднопроходимым горным тропам Юрмы и Таганая и закончили поход в Ильменском заповеднике.

Шестьдесят два экспедиционных отряда Свердловской области участвовали в XIV областном туристском слете. В них насчитывалось около 1300 ребят. Каждый отряд до слета был не менее чем в двух походах по родному краю.

Краеведческий кружок школы № 3 города Невьянска по заданию местного музея собрал ценный материал о развитии здравоохранения в районе и нумизматическую коллекцию.

Туристский отряд школы № 10 города Первоуральска прошел по маршруту: Первоуральск — Свердловск — Березовский — Свердловск, Шабровский рудник — Сысерть — Асбест — Полевское. Результаты похода: большая коллекция минералов (60 различных образцов), интересные материалы по истории освобождения Урала от Колчака, литературный

альбом «По местам сказов Бажова», стенды с образцами продукции заводов.

Учащиеся школы-интерната города Ревды исследовали долину реки Ревды, собрали образцы всех лекарственных растений, растущих в долине, составили почвенную карту.

Краеведческий кружок при Дворце культуры вагоностроителей в Нижнем Тагиле по заданию местного краеведческого музея собрал большой материал по темам: «Борьба жителей бывшего Висимо-Шайтанского поселка с колчаковцами», «Старинная русская архитектура».

По заданию иркутского музея краеведы школы № 12 собрали образцы бутового камня около деревни Ключи.

Туристы Зюзельской средней школы Свердловской области во время похода по Ильменскому заповеднику привели в порядок приусадебный участок при музее заповедника, вскопали землю под клумбы, подготовили камень для оформления клумбы.

Команда велосипедистов школы № 1 города Богданович совершила велопробег по маршруту: Бог-

данович — Свердловск — Первоуральск — Ачит — Кунгур. В походе ребята занимались краеведческой работой и выполнили нормы второго спортивного разряда.

Кружок туристов-следопытов в школе № 5 города Верхняя Пышма образовался летом 1958 года. За год ребята провели несколько походов, записали 20 воспоминаний старожилых, собрали около 200 интересных фотоснимков. Они получили от жителей поселка 40 орденов, медалей, памятных значков, принесли в школу 230 иностранных, русских и советских монет. Ими собраны образцы уральских минералов. Из найденного в деревне Коптяки клада медных монет 800 штук поступило в фонд будущего школьного музея.

Следопыты Дворца пионеров города Златоуста, Челябинской области, исследуя верховья речки Вторая Каменка, нашли залежи кианита — ценного минерала.

Кому же вручается переходящий приз «Уральского следопыта»?

Смотри страницу 74.

Лешку вытащил с трудом, потому что не отпускала мать: куда, мол, в такую рань, да зачем... Петьке пришлось соврать, что школа собирается на воскресник и Лешке влетит, если он не придет или опоздает... Только на озере Петька открыл своему недовольному приятелю настоящую причину — куда и зачем он вытащил его.

— Ловить? — изумился Лешка. — Брако... ньеров?.. Да где они, браконьеры?

— В заповеднике, сказано тебе!..

В овраге, возле ключика, их поджидали Федор Герасимович, тетя Таня и сухой, длинный горбившийся дедушка с ружьем за плечами.

— Вот, Григорьич, — сказала деду тетя Таня, указывая на Лешку, — пойдем с ним. Станьте на Зеленой, где след прошел... Смотрите в оба... Чуть что — направишь парнишку к нам. Не провороньте!

— Попадется — не уйдет, — отозвался дедушка и сердито высморкался. — За все разом отплачу самосудом.

— Стрелять в случае сопротивления, и никаких самосудов, — строго сказала тетя Таня. — И стрелять, чтобы сдались, а не...

— Да накипело, Васильевна! Душа болит!

— У меня не меньше накипело... Идите. Связь не теряйте.

— Помню...

И дедушка с Лешкой ушли.

— Петя, а ты веди отца к избушке, к той... Я потом нагоню вас... Спешите...

СТОЙ, ВРАЖИНА!

В лесу было темно, все тонуло в сплошной черноте, и только вершины деревьев, раскачиваясь на ветру, смутно рисо-

вались на светлеющем небе. Задача для Петьки была сложная: найти дорогу в ночном лесу, не опозориться перед отцом. Он вел наугад, но был уверен, что идет правильно. Петька нырял меж деревьев ловко и бесшумно. Они спешили изо всех сил, а в лесу делалось все светлее и светлее. День спускался сверху, с макушек деревьев, спускался, цепляясь за разлапистые ветви сосен, прижимая темноту к земле. Как-то незаметно деревья из черных стали серыми, отделились друг от друга, потом стали видны сучья и пушистый снег на них. Лес шумел ровно, сонно и глухо...

Тетя Таня поджидала их на опушке, прятаясь за деревом. Дальше по склону начинался бурелом — та большая поляна, заваленная великанами-деревьями, за которой был сосняк, и под самым склоном речка.

— Вот там, — указал Петька отцу на сосняк и смахнул рукавом пот со лба.

Над поляной кружила метель — пушистые крупные хлопья летели и летели с низкого печального неба, густо устилая поляну, оседая на ветвях, засыпая звериные тропы и следы. Пробежав поляну, где то и дело приходилось перелезать через поверженные деревья, обходить ямы, они встретились с Николаем Николаевичем. Лицо его выражало крайнюю озабоченность, а глаза под нахмуренными бровями глядели сурово. Он вынырнул из-за сосны неожиданно, поздоровался.

— Вас поджидали, — сказал он. — Ночью браконьеры разорили три бобровые хатки, но из заповедника не вышли. Где-то они засели. По всем данным, в этой избушке.

— Вы думаете, они отсиживаются? — спросил Федор Герасимович.

— А чего им делать?.. Назад не проходили — егери доносят, они в оцеплении.

Охватывая место, где была скрыта в сосняке избушка, двинулись вперед; Федор Герасимович шел, пригибаясь, с ружьем наперевес; тетя Таня — рядом; Петька вместе с Николаем Николаевичем заходили со стороны речки. Четыре человека, окружая избушку, глядели на нее из сосняка, отводя ветки руками, оценивая обстановку, слушая. Возле избушки — чуть припорошенные лыжные следы, следы валенок. Внутри — ни звука... Выжидали и прислушивались минуты две, потом Федор Герасимович стал сни-

мать лыжи, но тут тетя Таня сбежала по ступенькам и ногой ударила в дверь.

— Руки вверх! — крикнула она там, в избушке, и тут же за ней ввалились все остальные, готовые к схватке.

Но схватки никакой не произошло: избушка была пуста. Не веря, Николай Николаевич протиснулся вперед, заглянул в углы, заглянул за поленицу.

— Ушли, — проговорил он растерянно.

Федор Герасимович опустил ружье, тоже огляделся и присел возле двери на корточки: ему, высокому, стоять было нельзя — упирался головой в потолок.

— Забрали что надо, и ушли, — сказал он.

— Что забрали? — басовито, с сердитыми нотками в голосе спросил Николай Николаевич. — Что они могли забрать?

Федор Герасимович ткнул трубой под нары. Там чернела яма, маскировавшие ее сосновые ветки были разбросаны, откинута колодина... Тетя Таня заглянула под нары, пошарила в яме рукой...

— Пусто...

— Значит, у них склад здесь был, — сказал Николай Николаевич. — Накапливали шкурки. Сегодня забрали, потому что почувствовали конец. Это ясно. Но не понимаю: как они ускользнули? Егери в оцеплении не видели ни одного человека. Да-а! Это не шkodливый и трусливый ворышка. Перед нами смелый и хитрый враг... Но как бы ни был хитер он, по воздуху лететь все же не мог.

И толстый Николай Николаевич легко сорвался с нар и вышел. Все двинулись за ним.

Приглядываясь, Петька спустился почти к самой речке, вылез из кустарника и поправил налезавшую на глаза шапку. Стоял, оглядывая лес, и не сразу даже заметил, что на заснеженном льду речонки стоит чужой человек. Заметив, Петька добрую минуту глядел на него, высокого, заросшего бородой, в заячьем треухе, с ружьем, и тот тоже с минуту спокойно смотрел на Петьку. Так они глядели друг на друга с недоумением, и вдруг все переменялось. Чужой человек одним прыжком вымахнул из-под берега на ту сторону и ринулся в лес, лыжами взметая снег, и только тогда Петька закричал:

— Сюда!.. Тятка-а, скорей!.. — и сам помчался за убегающим.

В следующую минуту с треском вырвался из кустов толстый Николай Николаевич... Потом ударил выстрел — это

подбежал Федор Герасимович. Он выстрелил в воздух, но в ответ на это убегающий сорвал на ходу ружье и выстрелил, не целясь, по преследователям...

— Стой, вражина!—рявкнул Николай Николаевич.

На какое-то мгновение Петька увидел по-волчьи оскаленное злобное лицо оглянувшегося браконьера, потом там, где он мелькнул в кустарнике, вдруг появилась, налетая сбоку, тетя Таня, потом что-то там случилось, и тетя Таня упала... Опередив Петьку, ударил из ружья Федор Герасимович.

Началась погоня. Треск кустов, дыханье разгоряченных людей, — и все стихло на несколько минут, потом почти одновременно ударили два выстрела, раскатившись по лесу.

Тетя Таня была сбита ударом в грудь. Она хватала воздух ртом, тяжело опираясь на Петькино плечо, а тот с испугом глядел в ее бледное, без кровинки лицо и почти бессознательно повторял:

— Больно?.. Больно?.. Как он вас?..

— Пойдем, отпустило... — выговорила тетя Таня, выпрямляясь.

— Держитесь за меня, держитесь... Я сильный, ничего... — приговаривал Петька и тут только заметил, что тетя Таня сжимает в руке маленький пистолет.

— Что же вы не стреляли в него?! — почти с возмущением воскликнул Петька.

Тетя Таня с недоумением поглядела на пистолет и ответила:

— Забыла в горячке...

Часа полтора спустя вернулись хмурые, злые Николай Николаевич и Федор Герасимович. Николай Николаевич был красный и мокрый, словно из бани, и сразу обессиленно повалился на нары. Федор Герасимович набивал трубку, просыпая табак... Враг ушел, сгинул в чащобе, соединившись с другим человеком, который, видимо, поджидал его.

ДЕДУШКА, РОДНЕНЬКИЙ, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ!

В это время на другом участке, где устроили засаду старый егерь Григорьич с Лешкой, километрах в пяти от избушки, происходило следующее.

Остановились они в низине, на опушке

леса. Низина была неширокая, но длинная, конца ее не было видно. Лешка понял, что это и есть речка Зеленая. Низина, лес за ней туманились метелью.

— Вот тут и станем, — проговорил Григорьич, уминая снег под елкой. — Тут их дорожка проходила, и никуда они не денутся.

— А если они стороной обойдут нас? — сказал Лешка.

— Нас обойдут — на других наскочат.

Постояв на одном месте, он прошел немного вперед, а Лешку послал в сторону... Потом опять постоял, послушал и опять продвинулся немного... Так они, хорясь за деревьями, несли дозор, то ос-

Атомное ОКО

Рисунки Э. Иодыниса

Несколько лет тому назад на Уральский завод химического машиностроения пришла телеграмма. Важная деталь химического аппарата после нескольких часов работы, сломалась. К месту аварии с завода выехал инженер. Оказалось, что внутри массивной детали при отливке образовалась пустота.

Люди задумались: как бороться с такими неприятными «сюрпризами»? Хорошие результаты получаются при просвечивании изделий в рентгеновском аппарате. Но, увы, рентген не позволяет видеть трещины и пустоты, если детали толстые.

И тут на помощь литейщикам Уралхиммаша пришел атом. Невидимые частички радиоактивного кобальта беспрепятственно про-

никают в глубь большой чугунной заготовки. Даже небольшие изъяны можно увидеть на фотоснимке внутреннего строения отливки. Еще совсем недавно никому не удавалось проникнуть в металл и точно определить качество чугуна или стали. А теперь, благодаря атомному «зрению», исследователи «видят» на глубину до 32 сантиметров!

Но не только литейщикам служит атомное «око». В буровую скважину опускается радиоактивный источник. Он все время излучает незримые частички — нейтроны. Если окружающие породы — песчаник или глинистые сланцы, то нейтроны поглощаются и частично отражаются горными породами. Но вот счетчик радиоактивных излучений начал дробно

отсчитывать импульсы! Что произошло? Нейтронный излучатель встретил на своем пути основную руду алюминия — боксит. Алюминий, подвергшись облучению, сам стал радиоактивным изотопом и тотчас же «заговорил» во весь голос.

Но и это еще не все. Обычно при бурении небольшой столбик руды — керн — поднимали на поверхность и отправляли в лабораторию. Там химики после тщательных исследований давали заключение о качестве руды и сообщали, сколько в ней процентов металла.

Сейчас разведчикам нет надобности поднимать образец руды на поверхность, передавать в химическую лабораторию и ждать результатов анализа. Атомная лабо-

танавливаясь, то продвигаясь. Григорьич зорко оглядывал лишь низину, почти не обращая внимания на лес за спиной. Лешка тоже слушал и смотрел, замирая от напряжения и восторга; он участвовал в таком необычном деле! Лешка представлял, что заметит браконьеров именно он, а не егерь, и потому старался изо всех сил: на месте почти не стоял, отбегал в лес от опушки подальше, лез под густые ели, хотя это и не нужно было. Ему хотелось, чтобы Григорьич заметил его старание, но егерь молчал, и нигде никогда не было.

Лешка несколько приуныл, остановился, сосал снежку и уже по привычке оглянулся. Оглянулся и не успел даже удивиться: так неожиданно и просто, так обыкновенно получилось все. Чуть сбоку и сзади от них вышел из-за сосны человек и остановился, спокойно оглядывая низину. На спине у него большим горбом вздувался мешок. За поясом торчали ружья...

— Вот он! — крикнул Лешка, круто забрасывая лыжи, чтобы повернуть, но упал, запутавшись. А когда вскочил, человек уже метнулся в лес, и в том месте, где он только что стоял, зыбко покачивалась ветка со снежной подушкой. Не помня себя, Лешка кинулся следом. На миг меж деревьев мелькнула спина с мешком, и тут же эхом по лесу прокатился выстрел. С деревьев посыпался снег. Кто стрелял — Лешка не понял, но вместе с выстрелом убегающий оглянулся, и Лешка узнал своего дядю. В какую-то долю секунды Лешка успел заметить ужас на лице дяди, скользнувшее по этому лицу изумление и успел понять, что дядя тоже узнал его.

— Стой, сволочь! — крикнул егерь и выстрелил опять, но дядя кинулся в сторону и пропал.

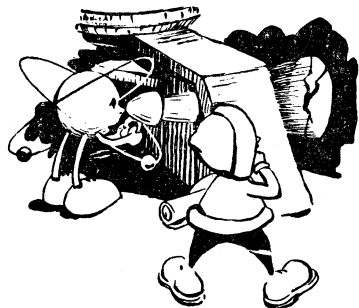
Старый Григорьич, словно помолодев, неся по следу браконьера чуть не саженными скачками и стрелял. Лешка задыхался, но задыхался он не от усталости.

ратория работает под землей, в буровой скважине. Чем выше процент алюминия в боксите, тем больше будет и величина собственной радиоактивности металла. Руда сама рассказывает свою биографию. Так же уральские геологи — подземные следопыты — ищут месторождения меди, марганца.

Новый способ разведки полезных ископаемых называется методом наведенной активности.

Добрый атом может быть не только контролером и разведчиком — у него много других специальностей.

Радиоактивный кобальт исцеляет людей: он уничтожает опухоли, борется с болезнями кожи. Атом-врач носит чересчур грозное название: «кобальтовая пушка». У сверд-

ловских медиков имеется несколько таких орудий, выпускающих чудесные заряды здоровья.

С помощью радиоактивных веществ врачи обнаруживают некоторые болезни. Известно, что йод накапливается в организме здорового и больного человека неодинаково. У людей со здоровой щитовидной железой йод собирается в ней примерно через сутки. Если щитовидная железа больная, то йод устремляется туда значительно быстрее. Больной выпивает слабый раствор радиоактивного йода, а счетчики излучений зорко следят за появлением его в железе. Просто и точно.

Еще одна специальность трудолюбивого невидимого помощника: атом — энергетик. Перед нами даты и события...

27 июня 1954 года... Под Москвой пущена первая в мире атомная электростанция Академии наук СССР.

15 сентября 1959 года... От набережной Невы ушел в плавание первый в мире атомный ледокол «Ленин».

...196... года... Дала ток первая на Урале Белоярская атомная электростанция.

Но и это не все. Вездесущему атому предстоит овладеть многими новыми специальностями, стать постоянным помощником человека.

Б. МИХАЙЛОВ.

сти. Страх искривил Лешкино лицо, страх полыхал в его расширенных глазах, сжимал сердце, а губы сами шептали: «Ой, ой, застрелят! Застрелят! Ой, лучше бы другой кто был... Ой, как же это так?..»

— Знакомый он тебе? — крикнул егерь, оглядываясь на Лешку.

— Не стреляйте, не надо! — ответил с мольбой Лешка. — Дедушка, миленький, родненький, не стреляйте!..

— Знакомый или нет? — заорал старик, и Лешка без слов затряс головой, что нет, незнакомый, не знает он их, браконьеров... Егерь помчался дальше, но скоро начал отставать и потом сел под деревом, держась рукой за сердце... Лешка упал рядом, выпученными глазами глядя в одну точку.

Так их и застали прибежавшие на помощь два егеря, которые стерегли браконьеров в другом месте.

— Где они? — закричали егеря.

— У... ушел, — с трудом проговорил Григорьич. — Не... могу... Сердце...

Егеря кинулись по следу, исчезли. Лешка, отдышавшись, ждал выстрелов, ждал ужасного, но было тихо, спокойно, и метель, по-прежнему грустно сыпала снежинками... Затем Григорьич встал, поглядел на свое ружье, выругался, что подвела его старость.

Лешку трепала нервная лихорадка.

Как во сне, побрел за старым егерем. Он не знал, что теперь делать, куда деваться. Лучше бы он не ходил, не видал, как гонят дядю, лучше бы не знал, что вор, браконьер — это дядя Ваня, человек, которым так гордился Лешка... Было страшно это видеть и знать, было страшно за дядю и в то же время был страшен сам дядя. И особенно напугал Лешку вопрос Гри-

горьича, знает ли Лешка браконьера. Что, если станут спрашивать про это? Как он скажет? И разве он сможет сказать?.. Нет, нет, ни за что не скажет, не выдаст дядю. Пусть дядя не такой, как он думал, а все равно жалко, страшно, и он, Лешка, лучше убежит куда-нибудь, чтобы ничего не знать и не видеть...

У Сухого болота они встретили егерей, что взялись продолжать погоню. Егери стояли, окруженные колхозниками. Все были засыпаны снегом, все замерзли — видно, не один час провели они в засаде. Тут же вертелась Катька — глядела на вооруженных людей во все глаза. Откуда она взялась, неизвестно.

— Нестеров, ты видел... этого вора? — сразу пристали к Лешке. — Кто это был? Из Клюквянки? Или незнакомый... Как вы упустили его?

Лешка, как больной, слабо отмахнулся:

— Чужой...

— Леш, что с тобой? — подбежала Катька. — Ты заболел? На тебе лица нет!

— Отстаньте вы все! — роняя слезы, выкрикнул Лешка и пошел прочь, подальше от этого места. Он испугался еще больше, когда увидел, что ловить дядю Ваню вышла почти вся Клюквянка, почти весь народ вышел, и никто, конечно, не жалел браконьеров, и все, наверное, сразу схватили бы дядю Ваню, если б он попался...

ГОВОРИ, ЧЬЯ?

Лешка вернулся домой совсем больной. Голова у него гудела, к горлу подступала тошнота, и, кое-как раздевшись, он полез на печку. Мать сначала ругалась, что вот он «шляется», а теперь кому с ним, больным, возиться? Но потом мать пожалела Лешку, напоила чаем с малиной, укрыла, и Лешка забылся в полусне.

Очнулся он потому, что в избе очень громко разговаривали; во всяком случае, голос дяди Вани показался ему необыкновенно громким, и Лешка болезненно поморщился.

— Где он? — спрашивал дядя.

— Не шуми ты, — предупредила мать. — Болеет. В школе выдумывают разные воскресники, вот и простудили мальчика... Горит весь.

— Воскресники! — захохотал дядя

Ваня. — Врет, сукин сын! Ну-ка, я поговорю с ним!

— Ванюшка, не лезь, — сказала мать.

— Оставь ты парня в покое, что он тебе? — проговорил отец. — Напился — посиди с нами.

— Надо мне поговорить с ним, с чертенком!..

Послышался шум, громкое дыхание, и Лешке в нос ударило винным перегаром. Лешка открыл глаза и в ужасе подвинулся, упираясь пятками в кирпичи: над ним наклонился дядя Ваня и глядел так страшно, что у Лешки сердце зашлось.

— Ну, сказал? — сквозь зубы спросил он.

Лешка замотал головой, но тут рука дяди Вани вдруг поднялась и медленно, хищно потянулась к его горлу. Лешка сжался в комок.

— Не говорил! Не говорил! — дико закричал он. — Не знают!.. Не...

Дядя Ваня опустил руку и засмеялся.

— Ну, гляди, — шутливым тоном пригрозил он. — Не то...

— Вань, что ты там пугаешь мальчишку? — подозрительно спросила мать.

Дядя Ваня тяжело спрыгнул с печки.

— Он пугает, не я его, — сказал он.

— А он же кричит!.. Что он такое мог говорить? О чем ты спрашивал?

— Он знает!

Мать, не говоря больше ни слова, решительно вскочила на приступок.

— Леша, расскажи мне, — попросила она. — Ты чего испугался? Что ты натворил?

— Я скажу, — ответил за него дядя Ваня пьяным голосом. — В заповедник шлялся.

Мать всплеснула руками.

— Господи!.. Лешка, сынок, да что это такое?!

— Врет он! — закричал Лешка, вскакивая. — Он сам шлялся в заповедник, бобров бил, а его ловили!.. Он убежал, я видел... А я никому не сказал...

В избе все замерло. Дядя Ваня первый разорвал молчание.

— Ловить собрались! — он пьяно захохотал. — Кого ловить? Меня?! Мальчишек собрали!.. Стрельбу подняли!.. Слюнтяи!

— Иван, — сказала мать с болью, — да ты, видно, в тюрьму собрался загнать всех нас? Или тебе мало, не насытишься никак?

— А это не твое дело, сестра.

— Мое! — вскрикнула мать, торопливо, дрожащими руками поправляя сбившийся на сторону платок. — Мое, Иван! Если ты мальчишку будешь пугать, пойду и расскажу про тебя! Довольно из-за тебя страхов натерпелась, вот что!

— Иди, — ровным голосом сказал дядя Ваня. — В тюрьму вместе сядем.

— Врешь! — вдруг ударил по столу кулаком, обросшим щетиной, Лешкин отец. — Ты убил лося и меня в это дело не втягивай!

— Сядешь! Затяну!

— А-а, ты грозись?.. А если я погрожу, а? А если к тебе сейчас с обыском, а? Со свидетелем, — ткнул пальцем в сторону печки, где за трубой сидел дрожащий Лешка.

Дядя Ваня мгновение глядел на него, а потом метнулся к двери.

— Запалю-у! — завыл он. — В дым... все... на ветер... по свету!..

Но Лешкин отец вскочил следом, ударил в затылок дядю Ваню небольшим, но крепким кулаком, и они покатались по полу, хрипя, ругаясь, сшибая и опрокидывая ведра, скамейки... Мать кинулась к ним разнимать, Лешка вскочил на печке, завопил:

— Тять! Тять-ка!..

Два ведра ледяной — недавно с озера — воды вылила на дерущихся мать и тогда растащила.

— Помни! — пьяно качаясь, грозился от порога дядя Ваня. — Помни: если что, себя не пожалею, но ва-ам!..

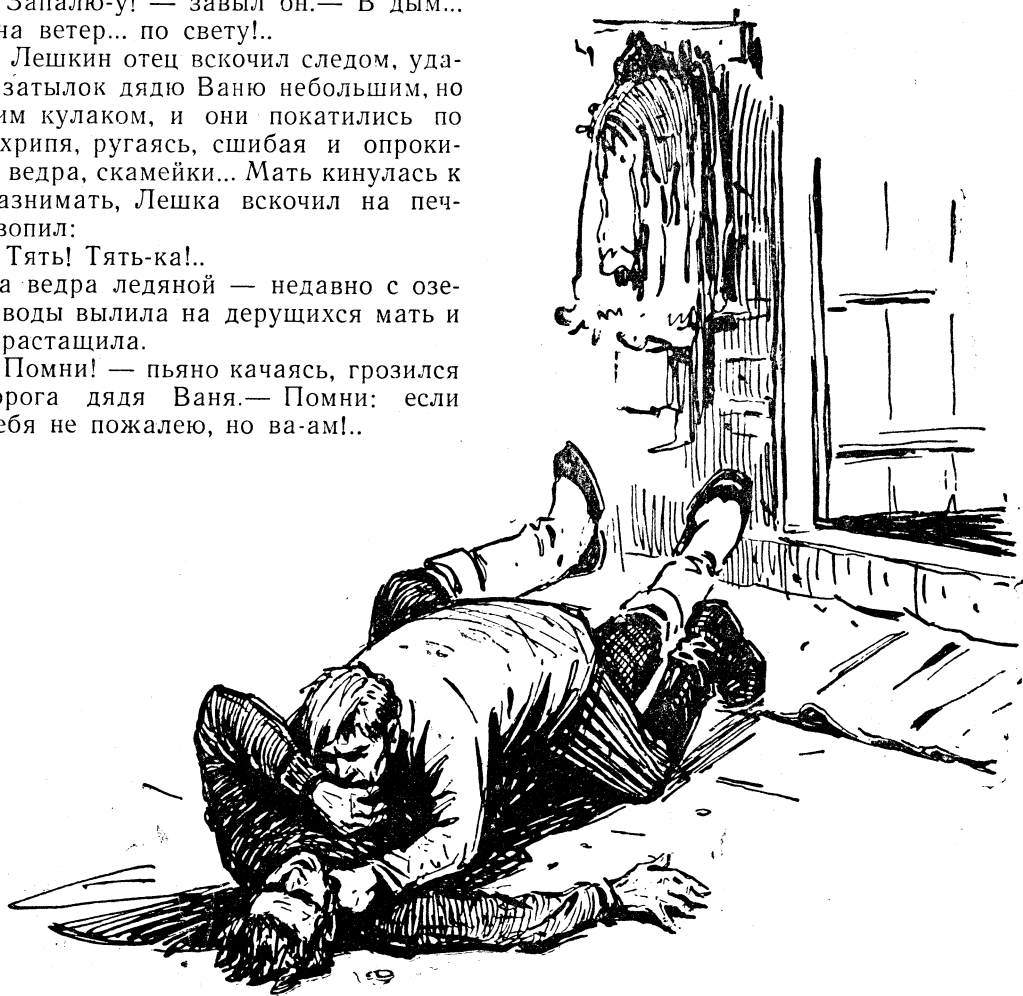
И хлопнул дверью.

Мать суетилась, причитала, прибирая в избе... Отец ругался, затем смолк и долго сидел, унимая кровь.

— Дай рубаху переменить, — сказал он, наконец, почти спокойным голосом, но тут же вскочил, вспоминая случившееся: — Он меня в тюрьму загонит?.. Ах, птичник проклятый, чучельщик!..

— Уймись! — молила мать.

Наконец отец утих. Стали думать, что делать, как быть перед такой напастью. Мать говорила: «Иван такой — не спустит»; отец грозился, что сам пропадет, но согнет его в бараний рог. Потом угрозы стали помягче, потом исчезли, и вот уже охватило отца и мать глубокое и неприятное раздумье: боязно, очень боязно, если узнают про лося!

Мириться надо, не выдавать, раз уж сами в нехорошее дело впутались. Пусть он творит, этот Иван, что хочет.

— И зла на него, и, кажется, глаза не глядели бы в другой раз, а жалко,— виновато разводила руками мать.— Свой ведь! Как тут пойдешь против?

— Лешка,— позвал отец,— ты, гляди, пикнуть не смей... Не наше дело, хоть он там весь заповедник поднимет вверх дном.

— Он грозитя,— сдерживая слезы, проговорил Лешка.— Он... чуть... не задал меня на печке...

И больше говорить не мог, всхлипнул с надрывом и уткнулся носом в подушку, чтобы не слышно было слез. Больше он не любил дядю Ваню, не мог гордиться им.

Утром на другой день начались занятия в школе. Лешка, собрав силы, пошел в класс, встретил Катьку, и та сразу заговорила про вчерашнее. Она сообщила, что браконьеры разорили в заповеднике двадцать хаток, что их ловили вчера по всему заповеднику, но нигде не поймали. Сообщила она и о том, что узнала про засаду случайно, никого не видела, зато нашла рукавицу, которую, наверно, потеряли воры. Вчера никто не узнал, чья рукавица, и сейчас она, Катька, занесет

рукавицу Федору Герасимовичу: а вдруг рукавица поможет найти браконьеров...

— Покажи,— сказал Лешка,— какая рукавица.

— Хорошая,— сказала Катька,— городская...— и вытащила из сумки кожаную черную рукавицу с теплым густым мехом внутри. При виде этой рукавицы Лешка почувствовал, как его обдало жаром, а потом бросило в холод. Он стал бел, как бумага, и остроглазая Катька, заметив эту бледность, заметив, как Лешка оторопел, сама вдруг испугалась, спросила шепотом:

— Ты знаешь?.. Узнал?.. Чья это, а?

— Н... не знаю,— заикаясь, ответил Лешка,— Ты... ты дай ее мне... Я отнесу... Давай.— заторопился он, почти вырывая рукавицу из Катькиных рук. Но Катька перехватила рукавицу и крепко зажала ее в кулаке.

— Лешка, ты знаешь, чья...

— Отдай, ты! — рванул Лешка рукавицу к себе, сразу побавровев.

— Нет, не отдам,— сопротивлялась Катька.— Говори, чья?

Лешка въехал Катьке в ухо, но та вцепилась в рукавицу обеими руками, на глазах у нее выступили слезы. Шумно дыша, она твердила:

— Говори, чья? Говори, Лешка...

Рассказ Скептика

Жили-были скептик и романтик.

Первый — я, второй —

мой лучший друг,

После книжных африк и атлантик

Ничего не видящий вокруг.

Он готов был тут же бросить книги,

Вмиг собраться в самый дальний путь,

Плыть по океану на Кон-Тики

Иль искать в пампасах что-нибудь.

И, чудак, он заказал местечко

В будущей ракете на Луну.

Врач, послушав слабое сердечко,

Запретил ему купаться в речке,

Подходить к раскрытому окну.

Друг притих, но дальних странствий

ветер

Рвался и в закрытое окно:

«Это вам, романтики!» — в газете

Заголовка яркое пятно.

— Пусти!

Лешка злобно пихнул Катюку в грудь, вырвал рукавицу и бросился домой. Зачем — он не знал твердо, но казалось ему, что, если не спрятать рукавицу, будет худо. Худо будет ему, Лешке. Рукавицу он схоронил во дворе, под хворостом, и тогда пошел в школу.

А в школе уже говорили, что Нестеров знает, кто грабил заповедник.

ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ!

На другой день Лешку вызвали в учительскую. Когда он появился в дверях, Мария Климентьевна поднялась со стула и, позвав Лешку за собой, пошла в живой уголок. Там никого не было.

— Алеша, — сказала Мария Климентьевна. — Как же так?.. Я не могу поверить, что это так. Знать об этом и молчать...

Лешка и не догадывался, что именно своим молчанием, пылающими ушами, красными гятнами на лице он выдает себя с головой. Он не мог поднять глаз.

— Ты подумай, Алеша, — продолжала учительница. — Хорошо подумай... Что же будет, если мы станем укрывать всех, кто нас грабит, кто разоряет то, что

мы строим, выращиваем, создаем?..

— Отстаньте вы от меня! — вдруг закричал Лешка. — Ничего я не знаю! Мухина наврала вам!

Мария Климентьевна вздохнула.

— Не знаю, как можно скрывать врага, — проговорила она и встала, поправляя шаль. — Твои товарищи не простят тебе, Нестеров...

И вышла своей тихой бесшумной походкой. Лешка вытер мокрый лоб и поплелся в класс. Там стоял шум, но, едва Лешка вошел, шум стих, и Петька подскочил к нему.

— Ну, кто это? Кто это был? Ты сказал Марии Климентьевне?

— Отстаньте! — огрызнулся Лешка, пробираясь на свое место и вытирая слезы.

— Нет, ты говори! — загородил дорогу Петька. — Говори, кто?

— Гляди, скажет он! — презрительно заметила Катюка.

— Ну, скрываешь? — продолжал приставать Петька.

— Отстаньте! — снова крикнул Лешка. — Что я скажу, если не знаю?

*Друг взглянул, сначала как-то косо,
Но потом вчитался и вскричал:*

*— Кажется, романтика под носом!
На тагильской стройке мой причал?..
Мы прощались, может быть, на годы.
Лица ржавой бритвой брил мороз.
В ледяных объятьях непогоды
Зло шептал он, в шарф упрятав нос:
— Пусть меня сейчас и корчит вьюга.
Вот вернусь — подковы буду гнуть!
Посмотрев сочувственно на друга,
Я сказал:*

*— Ну, что ж, счастливый путь!
Мы расстались.
В теплоте уюта
Не встречал я жизненных невзгод,
Только постепенно почему-то
Раскисал, как тесто... Через год
Повстречались.*

— Ну, здорово, скептик!

Как живешь? А раздобрел ты, друг!

*Ничего я не успел ответить,
Ахнув от пожатия крепких рук.
Вздрыгнул вечер от густого смеха:
— Да не морщись, пальцы отойдут!
Я спросил:*

*— Ты насовсем приехал?
— Насовсем?
— А может, в институт?
Посмотрев туда, где бойкий ветер
Сдунул с зорьки облачный нагар,
Мой романтик весело ответил:
— Институт?.. Нет, прежде*

Качканар!

*Он ушел...
И я теперь у этой
Молодой романтики в плену.
Право... жаль, что первая ракета
Без меня умчалась на Луну.*

С. ТРЕТЬЯКОВ

— А рукавицу узнал? — зашумела Катька. — Сразу испугался, как я собралась отдать ее Петькиному тятке?..

— Говори! — не отставал Петька.

— Я ничего не знаю, — пробормотал Лешка.

— Кого видел вчера в лесу? Рукавица чья?

— Ничья!

— Говори лучше, а то!..

— Не скажу!

— А-а, знаешь, а говорить не хочешь?.. — сжимая кулаки, Петька вдруг кинулся к своей парте и, выхватив Лешкину сумку с книжками, запустил ее к двери. Книжки веером распластались по полу, задребезжал пенал... Обрызгав стену, разбилась чернильница...

— Не буду дружить с тобой! — крикнул Петька. — И рядом с тобой сидеть не буду...

— Не пускайте, не пускайте его за парту, никто не пускайте! — закричала Катька, но Лешка, потрясенный до глубины души, вдруг опустился на колени, заплакал и, собрав книги, плача, вышел из класса... Плакал он навзрыд, никого не стесняясь. На него глядела удивленно техничка, подметавшая крыльцо; на него глядели с удивлением или недоумением прохожие на улице, детишки, — он шел, плакал, ничего не видя из-за слез и чувствуя, что в груди у него вот-вот все разорвется.

У него уже не было сил думать, сопротивляться, не было боязни, жалости, — все было противно. Ему хотелось одного: чтобы все это кончилось, чтобы его оставили в покое, не ругали, не грозили, не разбрасывали его книжки... Ему хотелось, чтобы все было, как раньше, когда не летал оранжевый самолет, никто не знал про бобров, дядя не лез в заповедник грабить...

Он спустился на озеро, сел на берегу и продолжал плакать, жалея себя все больше и больше. Но скоро, обессиленный слезами, затих, изредка всхлипывая.

Он не может больше так жить. И от этого решения, от того, что его не будет на свете, а все будут, Лешка снова заплакал, уткнувшись головой в колени. Он не видел, как через озеро двигался человек, волоча за собой санки, как вскоре появились другие люди, двигаясь за первым. Это на озере вышли рыбаки, а санки тащил дядя Ваня.

Дядя Ваня подошел к озеру минут на десять раньше рыбаков и, увидев Лешку, бросил санки и направился к нему.

От сильного рывка за воротник у Лешки клацнули зубы.

— Разболтался, щенок?.. Нашкодил — теперь боишься, спрятался? — спрашивал дядя Ваня свистящим шепотом.

— Не болтал я! — захлебнулся слезами Лешка. — Пусти, чего вы все пристаёте ко мне?!

— Цыц!.. Почему в селе говорят, что ты знаешь, кто ходил в заповедник?.. Отвечай!

Даваясь слезами, Лешка сказал про рукавицу, дядя испуганно оглянулся и закричал рыбакам:

— Эй, начинайте без меня!.. Племяша надо взять в шоры, удрал с уроков, сопляк, распустался!.. — и злым шепотом Лешке: — Пошли, рукавицу отдашь!.. Ну?

Лешка, рыдая, пошел. Дядя ступал рядом, держа его за воротник. Торопливо допрашивал:

— Кто с тобой говорил, кроме девчонки?

— Никто, — плакал Лешка и трясся от страха.

— Врешь! Кто из больших спрашивал?.. Тише говори, убью!..

— Учительница... Ма... Мария Климентьевна. Я... Я молчал.

— А-а, молчал!..

Лешка чувствовал, что дядина рука впилась в шею, держала мертвой хваткой и все ниже гнула его к земле.

— Кто тебя просил соваться? — приговаривал дядя. — Кто просил, гаденыш, отбирать рукавицу? Кто тебя просил выдавать?..

— Дяденька... родненький... — причитал Лешка, стараясь схватить дядину руку, но, получив пинок под зад, пропал носом снег шагов на пять. И тут весь

страх, весь ужас перед дядей вылился у Лешки в дикий вопль:

— А-а-ай!.. Убивают!.. Убивают!..

Дядя прыжком настиг его, сцапал, но Лешка с невероятной силой рванулся и понесся по склону вверх с быстротой зайца, крича все тем же диким, полным, ужаса голосом:

— А-а-ай!.. Не трогай меня! Не трогай!.. Вражина, зверь, жулик!.. Ай-яй-яй!..

Дядя гнался за ним молча; Лешка кричал, не чувствуя и не видя ничего... Он вбежал в чей-то сад, не замечая, что наперерез ему спешат Петька, Катька, бежит, задыхаясь, развевая полами дошки и путаясь, в них, Мария Климентьевна, что рыбаки на озере встревоженно следят за происходящим, а дядя метнулся в сторону и исчез за сараями...

— Убивают! — кричал Лешка. — Хватайте его!.. Держите!.. — и шарахнулся от подбежавшего Петьки, не разобрав, кто это.

— Лешка! Лешка! — во все горло звал Петька. — Это мы! Стой!

Лешка упал. Растрепанная Катька подлетела следом.

— Берите его! — стонал и бился на снегу Лешка. — Он ходил в заповедник... Ой, что я наделал!.. Убьют меня дома!

Учительница с помощью ребят подняла Лешку, повела в Петькин дом.

Мария Климентьевна, узнав, что произошло в классе, очень встревожилась, послала ребят разыскивать Лешку, а потом, не выдержав, пошла сама. Она боялась, что Лешка что-нибудь натворит. Они побывали у Лешки дома и там нашли злополучную рукавицу, то есть нашел ее под хворостом пронырливый Жук и притащил домой, а Катька взяла рукавицу и теперь крепко сжимала в руках...

Петька побежал разыскивать отца.

Лешка, оставшись с Катькой и Марией Климентьевной, плача и дрожа, рассказал все; и про лося, и про бобров... А через час толпа колхозников нагрянула, во главе с Федором Герасимовичем, домой к Ивану Ивановичу, но нашли там одну перепуганную старуху.

ЗНАЧИТ, ОН ДРУГ

Не одни ребята и Мария Климентьевна разыскивали Лешку. Разыскивал его и отец, Кузьма Егорович, насмерть перепуганный слухами, разнесшимися по се-

лу. Он в это утро возил солому на скотный двор, работал один. Краем уха услышал, как одна дьярка говорила другой: «Теперь-то найдут. Мальчуган Нестеровых знает, кто там действовал, в заповеднике». Он бросил лошадь у конюшни и бегом кинулся в школу. Но в школе Лешку не застал. Сбегал домой, прошелся по всему селу и от людей узнал, что Лешка — в доме председателя.

Кузьма Егорович подумал: «Ну, теперь, конец мне!» Он хорошо знал, что Иван Иванович напрасно не грезится. В воображении рисовалась страшная картина мести: ночью со всех сторон загорается дом, или ночью же Иван Иванович встречает его в глухом месте...

К председателю он все-таки пошел. Так или иначе, до всего докопаются. Тюрьма так тюрьма! А кроме того, в тюрьму, может быть, и не посадят, штраф дадут.

Мария Климентьевна, председатель, два члена правления, Петька, Лешка — кто стоял, кто сидел вокруг стола. Федор Герасимович сидел за столом, слушал... На стук двери оглянулся.

— А-а, сам пожаловал! — сказал он.

— Делайте со мной, что хотите, — ответил Кузьма Егорович, — а я за мальчонкой пришел.

— Нет, не выйдет! — резко поднявшись, сказал Федор Герасимович. — Парень пока что останется у меня, и ты побудешь с нами. Умел путать — помогай распутывать!..

Лешка, увидав отца, сжался в комочек, ждал страшного, и Петька заметил, как Лешкин лоб быстро-быстро покрывается испариной. Но вот все ушли, ушли и Мария Климентьевна с Катькой, и Петька обнял Лешку за плечи, заговорил обрадованно:

— Видишь, все будет хорошо, ничего не бойся. У нас никто не тронет тебя... Пойдем в школу, а?

— Что ж, я всегда... у вас... жить буду, что ли? — прерывисто, от недавних

слез, выговорил Лешка. — Приду домой — тятка... все равно... убьет или выгонит...

— А мы? — воскликнул Петька. — Мы такого жару поддадим ему, что... Он не имеет права бить тебя, потому что ты верно поступил. А дяди своего тоже не бойся, его сразу арестуют.

Лешка высморкался и промолчал. Глаза у него опухли от слез, нос хлюпал, и весь он был измучен вконец.

На улице послышался шум. Безучастный ко всему, Лешка даже не пошевелился, но Петька, взглянув в окно, потащил к окну и Лешку, а потом, не выдержав, они выбежали на крыльцо. Перед домом толпились люди, стояли подседланные кони, велся отрывочный разговор, из которого было ясно, что дядя ушел. Тут же хмуро стоял Лешкин отец — ему Федор Герасимович отдавал какие-то распоряжения.

В толпе ребята увидели тетю Таню. Она была та же, что всегда, — в лыжном костюме, в валенках, шапке и ватной стеганой куртке... Как всегда, на шее был завязан теплый шарф... Но что-то изменилось в ней, и Петька заметил эту перемену. Лицо у нее осунувшееся, рот твердо сжат.

Федор Герасимович, не обращая внимания на ребят, вбежал в дом, вернулся, что-то запихивая в карман, и, быстро оглянув всех, спросил:

— Есть вопросы?

— Нет, — ответило несколько голосов, — задача понятна.

— Тогда по местам, — махнул он рукой и обратился к ребятам, предупреждая, что он уезжает до завтра. Петька кивнул, а Федор Герасимович сошел с крыльца и легко поднялся в седло. На лошадей сели еще два человека, остальные разошлись. Ушел и Лешкин отец.

— Ну, счастливо оставаться, — сказал Федор Герасимович. — Глядите тут...

По дороге в школу Петька говорил без умолку: он явно старался ободрить Лешку, отвлечь его от мрачных мыслей. Он был рад, что Лешка все-таки открыл, кто браконьер, и что браконьером оказался именно Лешкин дядя. Правда, Лешка сделал это не так, как сделал бы он, Петька. Он, Петька, сразу пошел бы куда надо и смело рассказал обо всем, ни минуты не скрывал бы. В школе он рассердился на Лешку страшно, пошел его разыскивать только потому, что послала

Мария Климентьевна, но дружить уже не собирался. И только увидев, как дядя гонится за Лешкой, готовый убить его, услышав, как кричит Лешка, он сразу бросился на помощь. Он понял, что Лешка все-таки остался с ним, сделал так, как надо, и, значит, он — друг...

Между разговорами Петька полез в карман, вытащил завернутый в бумажку комочек.

— На-ка, возьми, — сказал он, подавая Лешке. — Чернилка новая, вместо той.

Лешка взял чернильницу-непроливайку, и как-то легко ему стало на душе. А Петька уже спрашивал:

— Не сердись на меня?

Лешка вздохнул:

— Нет, за что же...

— Ну, и хорошо... А я всегда с тобой дружить буду, не бойся.

В школе уже прошло два урока, когда они явились. Весь класс обступил друзей, чтобы узнать, как там все получилось, но Петька сердито потребовал не лезть к Лешке и сообщил, что жулик сбежал, но его все равно найдут, и остальных найдут, которые вчера ушли от них возле избушки.

Во время уроков класс то и дело незаметно поглядывал в сторону друзей, и ни на одном лице Лешка не заметил осуждения себе. Наоборот, все глядели на него с уважением, ободряюще, даже Катька, которую он бил утром. И впервые Лешка подумал, что постутил неправильно, не сказав про дядю сразу, еще в лесу.

Мария Климентьевна после уроков оставила весь класс минут на десять и говорила про врагов, которые тайно стараются навредить государству, людям. Часто, говорила она, враги прикидываются очень хорошими, чтобы их не разоблачили, а поэтому каждому из ребят надо быть бдительным, научиться распознавать их. И врагов не надо бояться, не надо жалеть, потому что они хотят плохого нашей Родине.

Когда беседа кончилась, Мария Климентьевна подошла к Лешке.

— Ты останешься у меня. Согласен? Или домой хочешь?

— Я к Петьке пойду...

— Нет, сегодня не следует... Пусть лучше Петя придет к нам.

— Я-то приду, — сказал Петька, — все равно одному скучно дома... мы уроки вместе будем делать...

Лешка согласился: домой он так или иначе не пошел бы. Об этом даже думать было страшно. Он все еще считал себя в чем-то виноватым перед тяткой и мамой, которые и просили его и приказывали молчать.

У Марии Климентьевны Лешка пообедал, стесняясь и отнекиваясь, и потихоньку принялся за уроки. Мария Климентьевна очистила для него стол, поставила старинную тяжелую чернильницу.

Когда стало смеркаться, прибежал Петька, чем-то очень довольный.

— Мария Климентьевна! Мамка звонила, я по телефону разговаривал с ней! — сообщил Петька. — Через два дня велела приезжать за ней... Я сам поеду. Здорова мамка, вот!

— Ну, вот и хорошо, — сказала Мария Климентьевна. — А теперь помоги Алеше: ему трудно сегодня... — и ушла в свою комнату.

Петька с охотой подсел к другу делать уроки. Он быстро и толково объяснил Лешке задачу, потом они вместе написали упражнение по русскому языку, подучили урок по немецкому, и Петька развернул географическую карту.

— Вот, — зашептал он, — давай найдем... Хибины! Где Хибинские горы?

Лешка показал.

— Так. А где Байкал, Братская электростанция где?

Электростанцию Лешка не нашел. стали искать вместе... Потом стали искать Саяны, где бывал Николай Николаевич... Им было хорошо путешествовать по стране на карте под завывание ветра за окном, и, когда на них пахнуло холодом из двери, они враз недовольно оглянулись. Лешка хотел встать — и не мог, у Петьки под рубашкой заходил мороз: на пороге, криво усмехаясь, стоял Лешкин дядя. На стук двери вышла из своей комнаты Мария Климентьевна.

— Ну, что ж, — проговорил дядя, заслоняя собой дверь, — молись богу, прогнаться пришел.

И сунул рукавицы в карман.

Мария Климентьевна молча глядела на него и все туже сжимала шаль на горле.

— Молись, — повторил дядя. — Загубила мою жизнь... подняла село на ноги... Ловить хотела?... Думаешь, я не видел в лесу, как ты выслеживала...

Договорить он не успел. Лешка дико закричал и схватил что-то со стола... В

дверь грохнули... Потом мелькнуло искаженное ненавистью лицо дяди и будто выросшая в своем бесстрашии Мария Климентьевна с поднятой для удара табуреткой... Кто-то охнул... Кто-то закричал в сенях, и все исчезло.

ОНИ НАДЕЖНЫЕ РЕБЯТА

Лешка очнулся, кто-то лил ему на голову холодную воду. Он открыл глаза, и постепенно, как из тумана, перед ним стали проступать знакомые предметы, лица. Он лежал на полу, над ним на корточках сидел Петька и, не жалея, поливал ему голову водой. Мария Климентьевна сидела у стола и держалась за сердце. Возле нее стояли школьный сторож — старичок с деревянной ногой, техничка... И никакого дяди нигде не было.

— Опомнился? — спросил Петька, заметив, что Лешка смотрит.

— Положите его... на постель. — с усилием проговорила Мария Климентьевна.

Сторож и техничка бросились к Лешке, подняли, отнесли на постель. Петька на цыпочках шел следом с кружкой в руке. Сторож и техничка сразу вышли, а Петька с перепуганным лицом наклонился над Лешкой.

— Попей, — предложил он, вспомнив про кружку в руке.

Лешка отпил глоток, откинулся на подушку, и опять все вокруг него стало обволакивать туманом.

— Петь, — прошептал он, — не поймали его?

— Нет. Ушел.

— Скорее бы ловили... — вздохнул Лешка и забылся.

Ночью он раза два просыпался, хотя не знал, спит или не спит, потому что все время слышал голоса, слышал топот ног, но, когда открывал глаза, не было ни голосов, ни топота...

В третий раз он проснулся уже днем, когда в школе, оказывается, уже шла большая перемена и возле кровати сидел Петька. Он улыбался во все свое широкое курносое лицо.

— Вставай, будет валяться!

— Еще полежу немножко. — слабо улыбнулся Лешка. — Голова что-то кружится...

— Вот и вставай!.. На воздухе сразу лучше станет.

— Нет, полежу.

— Чудак ты!.. Нервы у тебя совсем слабые... Но вчера ты здорово трахнул его чернилкой в башку!

Лешка наморщил лоб, силясь вспомнить.

— Я? Когда это?

— Ну, когда? Не помнишь, что ли? Как закричал — так и запустил чернилкой медной, что на столе была... Он аж пошатнулся. И тут Мария Климентьевна..

— Ну, что?

— У-у-у!.. Он же приходил зачем, думаешь? Убить собрался Марию Климентьевну!.. У меня, знаешь, волосы на голове дыбом поднялись, честное слово, а Мария Климентьевна даже ничуть не испугалась... Стоит — и все.. Ты ударил, он схватился за нож, а Мария Климентьевна табуреткой его... Она сильная! Я даже не думал, что она такая!.. Ну, он — к ней, а я в дверь да на улицу, да кричать... Он сразу выскочил следом и бежать... Сторож с техничкой за ним, да разве им догнать? И ночь же!.. Техничка сразу в сельсовет побежала, людей поднимать... Потом вернулась... Во какой... твой дядя.

— А за ним... за ним гнались?

— Гнались, но разве поймаешь в лесу ночью?

Лешка от волнения сел в постели.

— Но, Петь, — сказал он, — он же днем убежал, его днем уже не было. Откуда он взялся?

— Откуда? Он и не убегал днем никуда, он просто прятался. А потом дождался ночи... Это сторож так говорил.

Лешка молчал. Петька выглянул в окно — и заторопился.

— Переменка кончилась, побегу...

До вечера Лешка пробыл у Марии Климентьевны — лежал, думал над тем, что случилось за эти дни. Многие были непонятно, трудно, но казалось ему, что надо поскорее забыть старое, в котором он что-то делал не так, как надо. Было одно затруднение: дом. Как там встретят? Отец был тих и хорош на людях, когда приходил за ним, Лешкой, к Федору Герасимовичу, но что будет дома? Вдруг ня тятка, ни мамка не пустят в дом? Ведь вот, знают же они, наверное, что случилось здесь вчера, а не беспокоятся, не хотят даже навестить... Едва начав думать об этом, Лешка затосковал по дому.

За ним пришли под вечер — мать и

отец. Они нерешительно остановились у двери, нерешительно поздоровались и так же нерешительно прошли в комнату Марии Климентьевны.

Лешка закрыл глаза и до звона в ушах сжал челюсти: так страшно было ожидание первых слов тятки с мамкой. Но разговор начала Мария Климентьевна. Дверь была открыта, и Лешка все слышал.

— Как же у вас получается, — сказала она, — что мальчиком командует проходимец, бандит? Как же вы воспитываете сына, чему учите его? Кем он мог бы стать у вас?

Мать с отцом смущенно вздохнули, развели руками.

— Не ругайте вы нас, милая вы наша Климентьевна, — заговорила мать. — Мы и без того намучились, так намучились да настрадались за эти деньки — сердце заходится!

— Осечка вышла... — добавил отец. Мария Климентьевна встала и прикрыла дверь.

На улице был тихий синий вечер. Лешка шагал рядом с матерью, радостно оглядывался по сторонам, с жадностью вдыхал морозный вкусный воздух, и ему казалось, что никогда раньше не видал он такого вечера, не дышал таким воздухом, не переживал такой радости... А шагавший позади отец бубнил:

— Подкусил ты меня, парень, крепко, что и говорить... Но теперь точка!

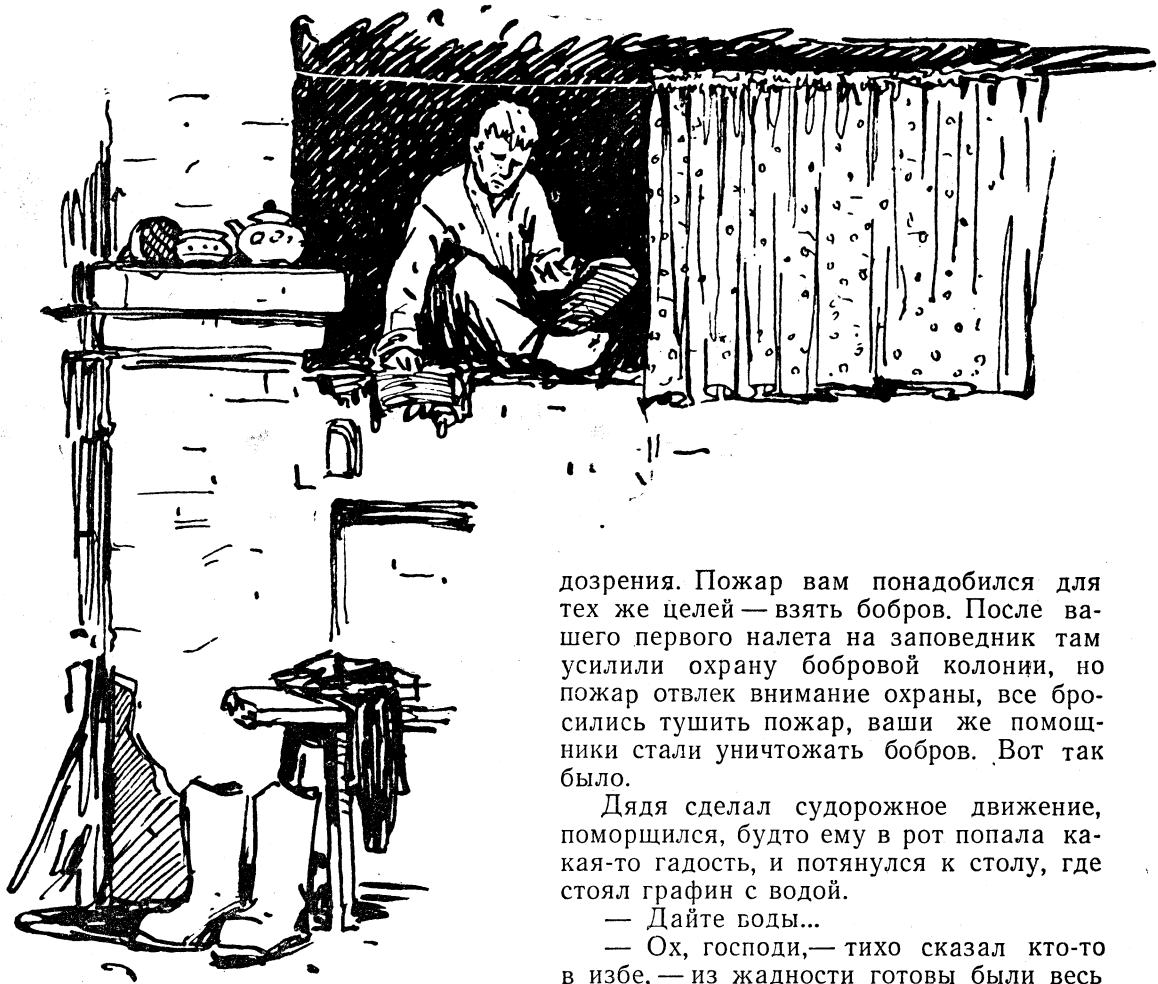
Дома Лешке, как и на улице, казалось, что все стало другим, новым, раньше невиданным, а когда он сел за стол ужинать вместе со всеми, чувство было такое, будто он выздоравливает после тяжелой болезни. Забравшись затем на теплую печку, он вспомнил о заветном сундучке, открыл его. Все лежало на своем месте, все было то же, но перебирать богатство почему-то не хотелось.

Неожиданно в избу влетела Катька. С размаху захлопнула дверь, закричала:

— Поймали! С милицией привезли вашего Ивана!

Ивана Ивановича поймали на глухой тупиковой станции Боровой, за сорок километров от Ключьянки, где он пытался сесть на поезд. Два дня его держали под охраной в колхозной конторе, возили за чем-то в заповедник... Потом стало известно, что в селе Мошкове арестовали еще двоих.

На третий день в контору стали вызы-

вать на допрос всех, кто что-либо знал о браконьерах. Вызвали и Лешку.

Рассказав милиционеру и какому-то дяденьке в теплой дубленой шубе на сборках все, что он знал, Лешка любопытства ради остался в конторе.

Следователь стал допрашивать дядю Ваню.

— Избушку вы построили с целью иметь тайный склад для пушнины?

— Допустим.

— Скажите, кто организовал пожар в заповеднике?

Дядя криво усмехнулся.

— А я в Барнауле был в это время. Чего лезете с дурацкими вопросами? Голыми руками хотите взять?

— Отвечу, — сказал следователь. — Как организатор шайки браконьеров, вы приказали своим помощникам из Мошкова устроить пожар в заповеднике, а сами уехали, чтобы отвести от себя всякие по-

дозрения. Пожар вам понадобился для тех же целей — взять бобров. После вашего первого налета на заповедник там усилили охрану бобровой колонии, но пожар отвлек внимание охраны, все бросились тушить пожар, ваши же помощники стали уничтожать бобров. Вот так было.

Дядя сделал судорожное движение, поморщился, будто ему в рот попала какая-то гадость, и потянулся к столу, где стоял графин с водой.

— Дайте воды...

— Ох, господи, — тихо сказал кто-то в избе, — из жадности готовы были весь лес до веточки сжечь... Не люди — звери.

— С какой целью вы приходили к учительнице Марии Климентьевне вечером в день вашего бегства из села?

Дядя обвел мутными глазами собравшихся в избе, нашел Марию Климентьевну и вдруг выкрикнул, весь напряженившись, как для прыжка:

— Зачем я шел туда?.. Я знаю зачем... Она мне жизнь испортила, она... собрала полсела на облаву!.. В заповедник ходила, будто за калиной, а сама выслеживала...

Скоро допрос кончился. Арестованных увели. Люди стали расходиться. Николай Николаевич глянул на часы и проговорил басовито и отрывисто:

— Все. Дышать легче... — и обратился к тете Тане: — А не пригласить ли дружков, — кивнул на Лешку с Петькой, стоявших неподалеку, — в заповедник? Пусть смотрят, учатся. Они надежные ребята.

НЕДЕЛЯ ПЕТРА ТАРАСОВА

Понедельник. Вот и Шанск, один из самых юных поселков Башкирского Зауралья. Вплотную к дороге прижались деревянные бараки. Большие и неуклюжие, с занавесками всех цветов и размеров, они стали первыми обшежитиями лесорубов, которые каждый понедельник приезжают сюда на работу из соседнего села Кананикольского и в субботу возвращаются домой.

Сколько раз в такие понедельники, вот у этой самой развилки, Петр выпрыгивал из «такси», как здесь в шутку зовут трехтонку, что развозит людей по участкам! Наконец после семи месяцев учебы в лесотехническом училище он снова на знакомом повороте дороги.

Давно ждал юноша этой минуты, когда вместе с бывальыми механизаторами он солидно направится к своему трактору. А все кругом говорили бы: «Да ведь это наш Петр Тарасов! Ну, что, он неплохо орудовал топором. Посмотрим, как теперь с машиной управится».

Но сейчас Петр как-то забыл о своих мечтах. Думалось беспокойно: «А что, если сразу не дадут трактор? Так и ходи вокруг да около чужих машин?..»

Но опасения оказались напрасными. Бригадир трактористов Александр Чуев принял Петра приветливо. Внимательно рассмотрел свидетельство об окончании училища, ободряюще кивнул:

— Здесь у тебя полный порядок. Механизаторы нам нужны. Посмотрим, как ты в деле. Вот машина.— Чуев показал на красавца ТДТ-40. — Сумеешь сам управиться, или помочь поначалу? — Сам.

— А вот это ты зря,— сказал Александр, когда юноша сразу взялся за рычаги управления.— Не торопись. Посмотри, все ли исправно, как с горючим. И вообще, что будет трудно,— запросто приходи, не стесняйся.

За несколько минут Петр облазил всю машину: заглянул в мотор, осмотрел ходовую часть, даже любовно погладил лоснящиеся соляркой бока.

— Пойдет дело!— хлопнул Чуев Петра по плечу.— Сегодня отдохай, а завтра с утра в бригаду Василия Шаранова. Поедем вдвоем.

Вторник. ...В лесу Чуев познакомил его с бригадиром лесорубов Василием Шарановым.

— Будешь возить хлысты для

новой эстакады,— тут же дал бригадир задание.

На делянке Петр все сделал так, как его учили. Откинул щит, зацепил тросом две огромные сосны и березу, включил лебедку. Могучие хлысты — так лесорубы называют спиленные деревья — тяжело тянулись по земле, упираясь, задевая ветвями за стволы соседних деревьев. Неумолимый трос подтягивал их все ближе к кузову трактора.

Тарасов чувствовал, что делает все правильно, но медленно. Заспешил, сразу же включил третью скорость. Но не тут-то было — двигатель стал глохнуть, пришлось переключать на вторую.

Самое стыдное — это случилось на глазах обоих бригадиров, которые наблюдали за работой молодого тракториста.

— Торопись не торопись,— насмешливо вставил Шаранов,— все равно нормы в первые дни не выполнишь.

Петр только крепче стиснул рычаг. «Выполню, выполню!»

Но его уже подстерегала неудача.

Выкладывать хлысты на эстакаду надо тоже умеючи, тут есть целая система. Сначала из них делают большой квадрат, а затем на следующий ряд завозятся деревья уже по диагонали. Этого-то Петр и не знал. Все пришлось переделать заново.

Теперь лесорубы не скрывали своего недовольства новым трактористом. Кто-то презрительно бросил:

— Тоже, передовичок!

Остальные молчали, но на лицах было написано обидное терпеливо-сострадательное выражение.

Петр понимал: ребята правы.

Из-за него они не выполняют плана. Стараясь не глядеть на лесорубов, он съезжился в своей кабине. Узковатое лицо побледнело, лобастая голова ушла в плечи. «Только бы не подкачать, не подкачать...» — лихорадочно думал он при следующем заходе. Но и на этот раз неудача.

Как раз наступил обед. Лесорубы, не стесняясь, осуждали новоготракториста.

— Куда нам такого! — в сердцах воскликнул моторист Гурман Бикбатыров. — С ним мы ни копейки не заработаем.

Вся бригада обедала под развесистой березой. А Петр, как стоял возле своей машины, так и опустился около нее. Кусок застревал в горле. Его сильные большие пальцы жесточенномыли шарик из хлеба.

Домой Петр пришел злой. Тяжело опустился на кровать и с обидой бросил:

— Не везет. Хоть снова начинать. Вот тебе и жизнь!

В этот вечер Петр так и не зажег свет в комнате. Он молча наблюдал за тенями листьев на стене, с горечью думал: «Опозорился, совсем опозорился. Орудовал бы топором, никто бы не тыкал пальцем. А если Фанна узнает?..»

Среда. Петр, как обычно, осмотрел машину и стал ее заводить. Но как ни бился, ничего не получалось. Он еще и еще раз проверил каждую мелочь. Казалось, все в порядке, но мотор молчал, как мертвый. Бригада должна была вот-вот подойти. Возиться с ним не будут и слушать не захотят... Могут и с трактора снять. Он лихорадочно искал выход. И тут вспомнил слова механика: «Запросто приходи, стесняться нечего».

Чуева нетрудно было разыскать, он находился поблизости. — Ну, бывает, не пори горячку, — добродушно посоветовал тот. — Вдвоем вмиг заведем.

...Шаранов валил и валил лес, а Тарасов вывозил его. Но как они старались, на эстакаде люди все же простанвали. По-прежнему Гурман Бикбатыров ворчал:

— Черт его знает, понабрали детей, вот и работай с ними в комплексной бригаде.

Наконец тяжелый день кончился. Петр вылез из душной кабины, полной грудью вдохнул лесной воздух, настоенный на хвое, можжевельнике, пряных травах. Он не заметил, как к нему подошел Шаранов, но почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся.

— Что, устал? — сочувственно

спросил бригадир. — Ничего, свыкнешься. А знаешь, сколько ты сегодня вывез? Шестнадцать кубов.

Это на четыре кубометра меньше нормы. Но все-таки уже успех.

Четверг. Едва заправил машину, словно из-под земли появился Александр Чуев.

— Помочь завести или сам попробуешь?

— Сперва сам.

Мотор заработал сразу. И, как тогда, в первый день, ему неудержимо захотелось скорее начать трелевку. Машина будто приобрела крылья. Она уже не ковыляла по пням и ухабам, а двигалась ходко, подминая под себя упругий ковер прошлогодней хвои.

Шестой воз все встретили ропотом — еще с прежними не распутались. Петр молчал. Он только вез воз за возом, наслаждаясь успехом, ощущая радостное чувство слитности с послушной машиной.

В обед он по привычке уселся у трактора, в стороне от остальной бригады. Принялся было уже за свой нехитрый завтрак, как вдруг его позвал Василий Шаранов:

— Петр, а Петр, айда к нам. Да не стесняйся, подсаживайся!

Бикбатыров и Юсупов подвинулись, оставляя место между ними. Это был самый счастливый день в неделе!

Пятница. После обеда начали стучаться грозные тучи. В лесу становилось все сумрачнее, деревья обеспокоенно гудели.

Вечером случилось неожиданное. Едва лесорубы появились в общежитии, туда прибежал посылный с недоброй вестью:

— Плотину на Кане прорвало! Лес с берегов смывает!

Что это значит — понимали все. Небольшая сплавная речушка Кана, тихая и покорная спокойной порой, становилась злой и капризной, едва в ней начнет прибывать вода. Сегодня она могла наделать много бед. На берегу, у самой плотины, лежали тысячи кубометров леса для целины. Его нужно немедленно спасать.

Все, кто был в общежитии, побежали к плотине. Петр кивнул головой товарищу, и они смешались с общим потоком людей.

...Возвращались поздно вечером, усталые, довольные. Плотины была спасена.

Суббота. Она всегда долгожданна. А тем более в лесу, когда знаешь, что там, в Кананикольском, ждет тебя невеста. Поэтому не грешно, что, проснувшись, Петр в первую очередь подумал о ней, о Фанне. Он ждал вечера.

А пока тракторист трелевал лес, не зная усталости. Машина понимала его с полуслова, откликалась на каждое, даже еле заметное прикосновение рычагам. Петр то и дело прикидывал, вымеривал, экономил минуты, смело регулировал скорости. Он подготовил запас для понедельника. На эстакаде уже некуда было сваливать хлысты. Бригада не успевала за трактористом.

Петр остановил машину, закурил. Что делать? «Эх, какой я недогадливый», — вдруг спохватился он.

Заглушив мотор, подошел к Юсупову.

— Дай-ка мне топор, подсоблю немного.

Воскресенье. — Фая? Здравствуй, Фая!

— Здравствуй, Петя. Ну, как? И вдруг... Все слова вылетели из головы. Слово стесняясь всего пережитого и передуманного, Петр солидно и с неторопливым достоинством — иначе и не полагается заслуженному работяге — ответил:

— Все в порядке. Работаем, кубики вывозим.

И перевел разговор на другое: — Пошли в кино!

День прошел совсем незаметно. Поздно вечером, прощаясь с подругой, Петр вдруг вспомнил о завтрашнем холодном утре, о своем тракторе, о друзьях. И почувствовал, как тянет его к знакомой развилке дороги...

Э. НУРИДЖАНОВ

Рисунки А. Туманова

ВДОЛЬ ГРАНИЦЫ Европы и Азии

В. К. ЕГОРОВ

фото автора

В № 5 «Уральского следопыта» за этот год была напечатана заметка «Сколько столбов Европа—Азия?» Уральские туристы живо откликнулись на нее. Редакция получила много описаний таких столбов от разных лиц. Интересные снимки послал инженер-строитель А. М. Криволицкий из Свердловска. А читатель В. Чайко из Красноуральска, послав свой снимок памятника у Кедровки, совершенно справедливо негодует на то, что горе-туристы портят памятник надписями, ломают ограду и т. п.

Лучшее описание пяти столбов «Европа—Азия» прислал учитель В. К. Егоров из с. Миасского, Красноармейского района, Челябинской области. Краеведческий кружок этой школы в течение последних трех лет прошел по Уральскому хребту от истоков реки Урал — на юге, до Теплой горы — на севере. Прочитав в журнале о столбах, ребята попросили своего руководителя написать на материале дневника о своих походах. А все ли столбы они описали? Ну-ка, следопыты, поищите еще!

Сколько столбов?

После очередного занятия краеведческого кружка меня окружила группа ребят.

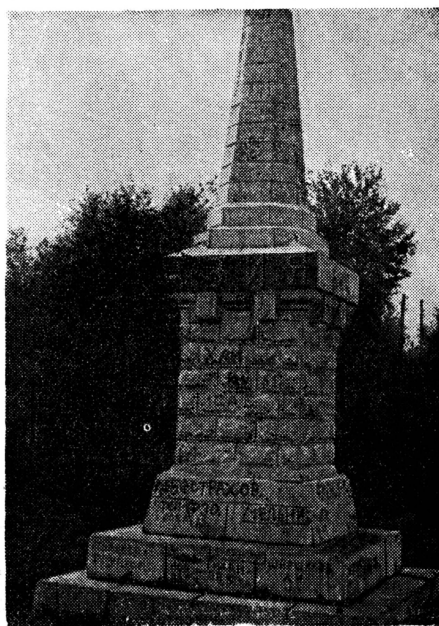
— Говорят, что на границе Европы и Азии есть столбы. Правда это?

Мне были известны только два столба: один близ станции Уржумка и другой около города Первоуральска. Но любознательных краеведов это не удовлетворило. Они тут же решили — давайте

выясним, сколько всего таких столбов и где они. Кто-то еще поинтересовался: а всегда ли границу Европы и Азии проводили там, где она проходит сейчас? Постановили — разузнать и об этом. В течение 1956/57 учебного года старательно подбирали материалы: рылись в книгах, и картах, в путеводителях и справочниках. Послали письма в музеи городов Оренбурга, Свердловска, Перми, географическому факультету Пермского государственного университета, публичным библиотекам Москвы и Ленинграда.

Место ежегодных слетов уральских туристов — обелиск на Московском тракте.

Обелиск у станции Уржумка.

В книге «Урал и Приуралье» мы нашли описание третьей отметки — близ станции Хребет Уральский, в 30 километрах от Кушвы.

Ленинградская библиотека имени Салтыкова-Щедрина сообщила еще о двух отметках, не известных нам: о башенке у деревни Кедровка и о железной мачте на Косьвинском шоссе у станции Теплая Гора.

Как «гуляла» граница

На одном из занятий кружка поставили доклад об истории возникновения границы Европы и Азии. Вот что удалось выяснить нам.

Хотя эта граница чисто условная, но история ее возникновения уходит в глубь веков. Наш континент впервые был разделен на две части света — Европу и Азию — на рубеже шестого и пятого веков до нашей эры древнегреческим географом Гекатеом Милетским. Под Азией тогда подразумевались Аравийский полуостров и прилегающие к нему районы западной Азии. Границей Европы и Азии тогда считали реку Фасис (Риони). При этом Европа располагалась на севере, а Азия — на юге известного древним грекам мира.

Известно, что другой ученый — историк Геродот (он жил в пятом веке до нашей эры) границу Европы и Азии проводил по Константинопольскому проливу (Босфор), через Черное и Азовское моря и по реке Дон. Дальше граница осталась неизвестной.

Только Птолемей — великий географ античного мира (87—150 годы нашей эры) — на составленной им карте обозначил именем Азии восточные районы нашего материка.

В XVI—XVII веках границу Европы и Азии проводили по Дону, Волге, Каме и Печоре. На карте Европы, составленной Гильомом Делилем (французский картограф) и изданной в 1700 году, границу относили гораздо восточнее — по реке Оби. На этой карте Уральские горы совсем не были обозначены, так как автор не знал их точного расположения.

А немецкий географ Гумбольдт (1769—1859 гг.) предлагал считать Европу и Азию единым материком и называть его Евразией. Но многие ученые не соглашались с ним. Они говорили, что культурно-исторические и географические особенности этих частей света очень различны и поэтому их не стоит объединять.

Провести границу Европы и Азии по Уральским горам впервые предложил русский историк и географ В. Н. Татищев. Он же предложил называть Рифейские горы (так именовали Уральский хребет еще древние греки) местным названием Урал.

В конце доклада сообщалось об отметках этой границы, известных нам из литературы.

— Интересно было бы посмотреть их самим. Все ли они существуют? — заметил кто-то из кружковцев.

Так родился план походов по границе Европы и Азии, рассчитанный на три года.

Маршрут нам помог выбрать Институт географии Академии наук СССР. Ученые института подтверждали правильность мнения о границе Европы и Азии в пределах Урала и рекомендовали провести поход вдоль водораздельного хребта Урал-Тау.

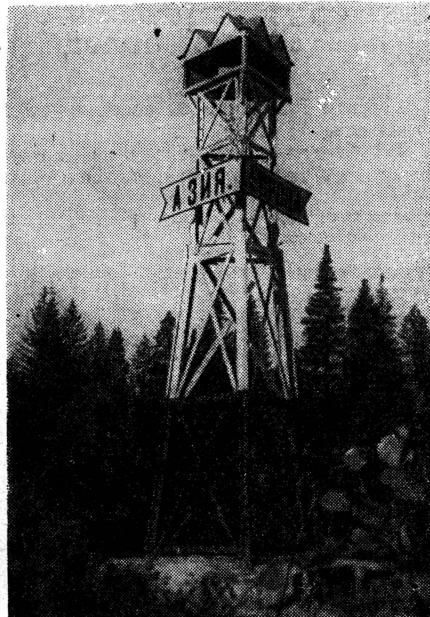
Всю весну и начало лета 1957 года готовились к походу, а в июне отправились в дальний путь.

Вот некоторые страницы нашего походного дневника.

Самый молодой? Столб на Косьвинском шоссе у станции Теплая Гора.

Мачта у поста «276 км» на железной дороге Кушва — Чусовая. Вверху — место для фонарей. Почему бы их не зажечь теперь, как раньше? Как вы смотрите, товарищи-железнодорожники?

Идем по хребту

Вот уже несколько дней идем на север вдоль хребта Урал-Тау. Водораздельный хребет невысокий. С лесных вырубок западнее (за долиной реки Ай) виден значительно более высокий хребет Уреньга. Кончается вырубка, и опять мы попадаем в царство леса. Никакого просвета, трава почти по пояс. Тропинки нет, идем по компасу.

...На десятый день пути впереди засинели знакомые силуэты вершин Таганая, Александровской сопки. Доносятся гудки электровозов: близко железная дорога.

Небольшой спуск. Идущий впереди кричит: «Ребята, столб!» Гурьбой бросились вперед. На верху откоса железнодорожной выемки — гранитный обелиск. Одни кричат: «Мы в Европе!», другие — «А мы в Азии!»

Итак, первый столб из пяти мы нашли и увидели собственными глазами.

Но что это? Он весь исписан многочисленными надписями.

— И как только не стыдно людям марать такой памятник! Это просто безобразие! — негодуют ребята.

Да, это безобразие, и никто с ним не борется. У многих туристов вошло в моду оставлять по себе такую память. «увекочивать» свои имена. Надписями испачканы не только этот столб, но и многие камни Александровской сопки, вершин Таганая. И невдомек таким горе-туристам, что они портят памятник, а о себе оставляют нехорошую славу. Пусть простят меня за грубое сравнение, но это очень походит на то, как оставляют свои пометки на столбах и заборах Бобики и Шарики.

Присаживаемся отдохнуть. Мы сейчас на высоте 454,5 метра над уровнем океана. Это самое высокое место на всей линии железной дороги при пересечении ею Уральского хребта. Столб установлен, по-видимому, в период строительства железной дороги, то есть в девяностые годы прошлого века, но позднее перестроен.

Второй поход

...Летом 1958 года мы посетили столб у Первоуральска.

Из Свердловска выехали на автобусе. Широкая лента асфальтированного шоссе, извиваясь

Вот они, имена хулиганов, испортивших исторический обелиск у станции Уржумка.

среди зелени уральских лесов, то взлетая на увал, то падая в долины, убегает на запад.

С нетерпением смотрим в окна. Автобус натужно урчит. Шоссе поднимается на перевал.

А вот и столб!

Он интересен тем, что считается первым по времени установки. Известно, что в середине 1850-х годов путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, переезжая Урал, миновал деревянный столб с надписью «Европа—Азия». Позже его заменили мраморным. В старых книгах сообщают, что столб поставили «в воспоминание о проезде через Урал в 1837 году императора Александра II, бывшего тогда наследником престола». Воспоминание о посещении Урала царем нас не очень волнует. А вот рассказ о том, что раньше здесь останавливались сосланные этим царем в Сибирь борцы за правду народную и, прощаясь с матушкой Россией, брали с собой горсть родной земли, это не может не волновать.

Но все-таки какие-то надписи о царе, вероятно, были, так как в годы гражданской войны столб-пирамида был уничтожен, а позже на его месте установили новый обелиск.

Узнаем, что высота перевала четыреста сорок пять метров. Гора Березовая, на вершине которой мы находимся, — излюбленное место ежегодных слетов туристов.

Самый молодой

...Летом 1959 года состоялся наш третий поход по границе частей света. Маршрут: Челябинск — Нижний Тагил — Кушва.

Поезд, стуча колесами на стыках рельс, уносит нас все дальше на север. Станцию Хребет Уральский проезжаем ночью. Приближаемся к станции Теплая Гора — цели нашего путешествия. Светает.

— Почему же «Теплая Гора»? Здесь, наверное, очень тепло? — спрашиваем кого-то из пассажиров.

— Не совсем так! В иной год плащи все лето не снимаем, — отвечают нам. — А «Теплая» потому, что — подымись-ка на нее — тепло станет.

Разузнав дорогу, отправляемся в путь. За мостом через Койву садимся на попутную машину. Среди зелени стройных пихт и елей то и дело мелькают сосна и какое-то лохматое на вид хвойное дерево. Среди темной его хвои капельками смолы поблескивают на солнце крупные шишки.

Да ведь это кедр! Вот почему здесь есть и поселок Кедровка.

Тракт, по которому мы едем, построен еще при графе Шувалове — в поселке Промысел у него были золото-платиновые прииски. За поселком дорога ровной прямой, окантованной зеленью лесов, уходит на север. Справа, на одном из хребтов, виднеются причудливой формы скалы — Колпаки. Небольшой поворот, затем подъем, и вот у развилки дорог справа замечаем невысокую металлическую мачту. «Европа», «Азия» — читаем мы надписи на верху ее. Вот и третий столб повидали!

Шофер сказал нам, что от Теплой Горы до столба точно шестнадцать километров. Странно! В «Путеводителе по Советскому Уралу», изданном в 1930 году, указано — девятнадцать. Значит, там ошибка.

По времени установки этот столб самый молодой. О нем впервые упоминается в «Путеводителе», изданном уже в советское время. Да и конструкция его более современная. Но так ли это?

Поиски четвертого

На другой день, едва рассветало, садимся на станции Теплая Гора в поезд, чтобы доехать обратно к столбам-колоннам у станции Хребет Уральский. Вот и станция.

Молодой железнодорожник, у которого я спросил, где находятся столбы на границе частей света, удивленно посмотрев на меня, ответил:

— Здесь нет столбов. Вы их проехали.

— Как проехали?

— Да так, проехали. Столбы находятся в девяти километрах отсюда, у железнодорожного поста «276 км». Если не торопитесь, подождите немного, скоро пойдет туда рабочий поезд, мы вас возьмем.

— Спасибо. Конечно, поедем!

Да, столбы мы проехали, когда спали в вагоне, но виноваты в этом не мы. В «Путеводителе по Уралу» Р. Рубель и Е. Масленникова просто сказано, что столбы находятся у станции Хребет Уральский. Вот мы и проспали.

Через час рабочий поезд везет нас обратно. Минутная остановка. Вылезаем против металлических решетчатых колонн, расположенных по обе стороны железной дороги. На самом верху их видны гнезда, куда вставлялись фонари, чтобы освещать транспаранты с надписью «Европа» и «Азия». Сейчас фонари не зажигаются, да и транспарантов наверху нет, есть лишь надписи пониже — на железных листах.

Высота перевала здесь триста восемьдесят четыре метра. Колонны установлены, вероятно, в период строительства железной дороги, примерно в 1878 году.

А вот и пятый

На другой день едва заметная, затерявшаяся среди суровой тайги тропинка выводит нас на дорогу. В лесу много кедра. Мы подходим к деревне Кедровке.

Небольшая раньше деревушка — сейчас большой поселок лесоучастка. На одной из его окраин возник новый поселок золотонкателей.

В живописном месте на берегу речки Кедровки остановились на обеденный привал. К нам подошел рабочий с драги. Разговорились.

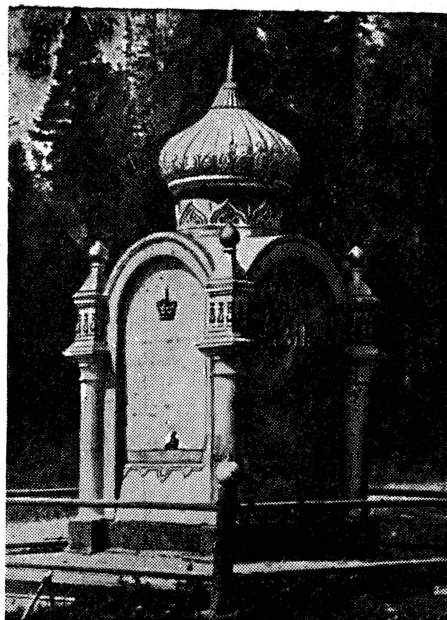
— А жив ли столб на Серебрянском тракте? — спросили мы его.

— А как же, стоит. Цел и невредим. Недавно его подремонтровали, покрасили, сделали загопку.

Но и здесь башенку уже исписали своими именами жаждающие «славы» прохожие.

Пока наши повара готовили обед, остальные по Серебрянскому тракту отправились на восток, к столбу. Тракт переваливает небольшой увал, пересекает узкоколейную линию, еще один подъем, и мы на водоразделе.

Слева, у кромки леса, стоит памятник-часовня. Ребята внимательно рассматривают его. Этот «пограничный столб» совсем не похож на виден-

Эта башенка — у деревни Кедровки.

ные нами до сих пор. На лицевой, обращенной к югу, стороне памятника, ниже литой царской короны, надпись, что соорудили его в память проезда через Урал какого-то великого князя. На другой стороне имени создателей памятника: «Архитектор Архипов, отлит Романовым». На западной и восточной сторонах — названия частей света.

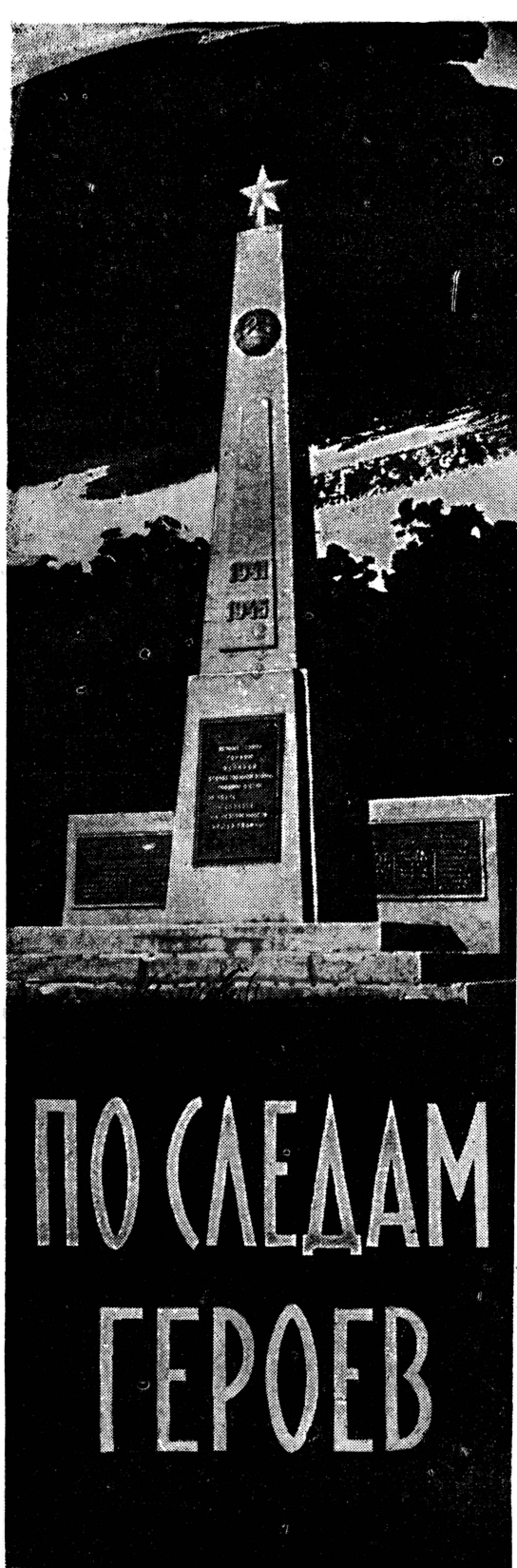
И тут без «государей» не обошлось! Впрочем, это понятно, памятник поставлен золотопромышленниками Урала. Ясно, что великий князь ехал на Урал не за помощью рабочим и крестьянам. Кому помогал, тот и памятник ему поставил.

На вершине памятника шпиль. Раньше на нем был установлен императорский герб — двуглавый орел. Высота памятника — метра четыре, ширина и длина — по два метра. Каркас и крыша его отлиты из чугуна. Стены из стальных листов. Говорят, внутри памятника есть надпись о том, что он отлит на Баранчинском заводе.

Впереди новые походы...

Недавно появились сообщения: московские географы рекомендуют границу Европы и Азии проводить не по Уралу, а по восточной подошве Уральских гор и Мугуджар, затем по реке Эмбе и т. д. Если согласиться с этим, то те отметки, которые мы посетили, интересны только как исторические памятники. Однако вопрос о границе все-таки очень спорный. И неизвестно еще, согласятся ли с московскими географами другие ученые.

А мы свою задачу выполнили: повидали все пять «пограничных столбов», сфотографировали их, по пути к ним хорошо отдохнули. Надев рюкзаки, построились по одному и взяли курс на юг. Скрывается за поворотом долина Кедровки... Впереди бескрайние просторы нашей Родины и новые походы!

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ

Фотоочерк В. ДИАНОБА

С первых дней Великой Отечественной войны Брестская крепость оказалась в тылу врага. В ней был небольшой гарнизон. Связь фронта с крепостью оборвалась. Что творилось за стенами, никто не знал. Через линию фронта проникли слухи, что в районе Бреста какие-то наши части упорно сражаются, но проверить это было невозможно.

В 1944 году Советская Армия освободила Брест. Крепость лежала в руинах. Все стены, все крепостные сооружения были исковерканы, избиты, выщерблены осколками снарядов и пуль.

Кто стоял здесь в 1941 году насмерть, защищая форты и бастионы крепости?

Единственными свидетелями были камни. На крепостных стенах, на бетонных сводах казематов, сквозь копоть и пыль проступали надписи. В одном из помещений западной части казармы прочитали: «Нас было трое, нам было трудно, но мы не пали духом и умираем как герои. Июнь 1941». На штукатурке стены бывшей церкви выцарапано: «Нас было трое москвичей — Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву — не уйдем отсюда».

При раскопках развалин нашли остатки Приказа № 1. Впервые стали известны имена руководителей обороны центральной цитадели: полкового комиссара Фомина, капитана Зубачева, старшего лейтенанта Семеновко и лейтенанта Виноградова.

Что с ними стало? Живы ли они или сложили свои головы в бою, какова их судьба? Эти вопросы волновали советских людей. И писатель-фронтовик Сергей Сергеевич Смирнов решил найти героев. Он опросил сотни людей, изучил массу печатных и архивных документов. Из разных концов Союза на призыв С. С. Смирнова откликнулись оставшиеся в живых участники героической обороны, восстанавливалась картина боев за Брестскую крепость. Через три года работы С. Смирнов рассказал в печати, по радио о поисках героев Брестской крепости, написал пьесу «Крепость над Бугом» и книгу «Крепость на границе». Советские люди узнали о подвигах полкового комиссара Фомина, капитана Зубачева, майора Гаврилова, старшего лейтенанта Семеновко, лейтенанта Виноградова, военфельдшера Раисы Абакумовой, бойцов Самвела Матевасяна, Александра Филя, самого юного героя обороны Пети Клыпы и многих других.

Это была следопытская работа писателя.

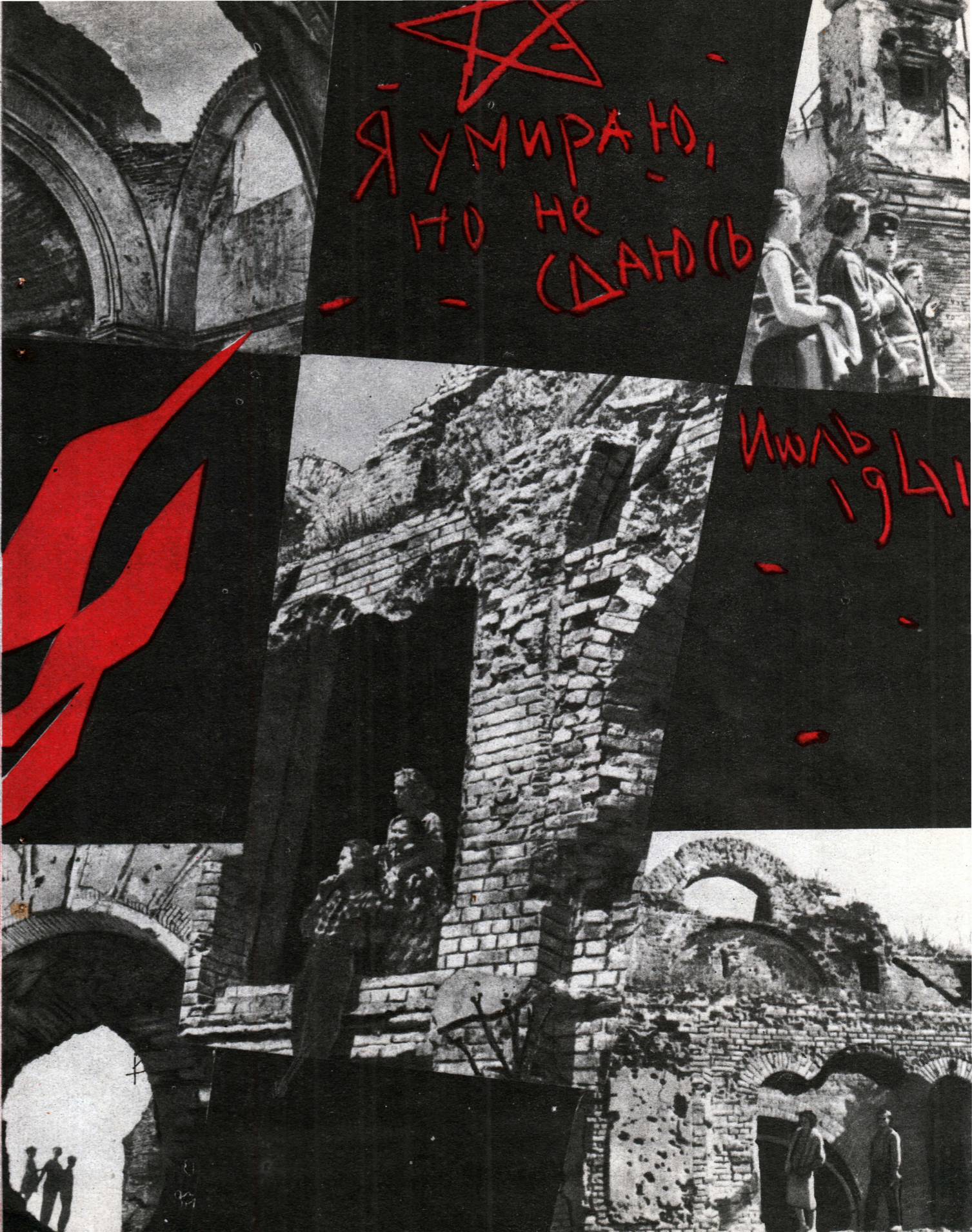
Уральцы, особенно молодые, пристально следили за поисками героев Бреста. Нынешним летом большая группа уральских следопытов Свердловского общества «Глобус» побывала в Брестской крепости.

...Сейчас вся территория крепости стала музеем. Ребята приехали в Брест как раз в день годовщины начала боев.

В легендарной крепости ребята обследовали помещения бывшего клуба, забирались на высокие его стены, молча постояли у места, где был расстрелян полковой комиссар Фомин, у развалин Тереспольских ворот центральной цитадели, осмотрели казематы восточного форта, через Холмские ворота прошли к реке Муховец, где сражались отважные пограничники.

С волнующими впечатлениями и бесценными реликвиями для своего музея вернулись следопыты в родной Свердловск.

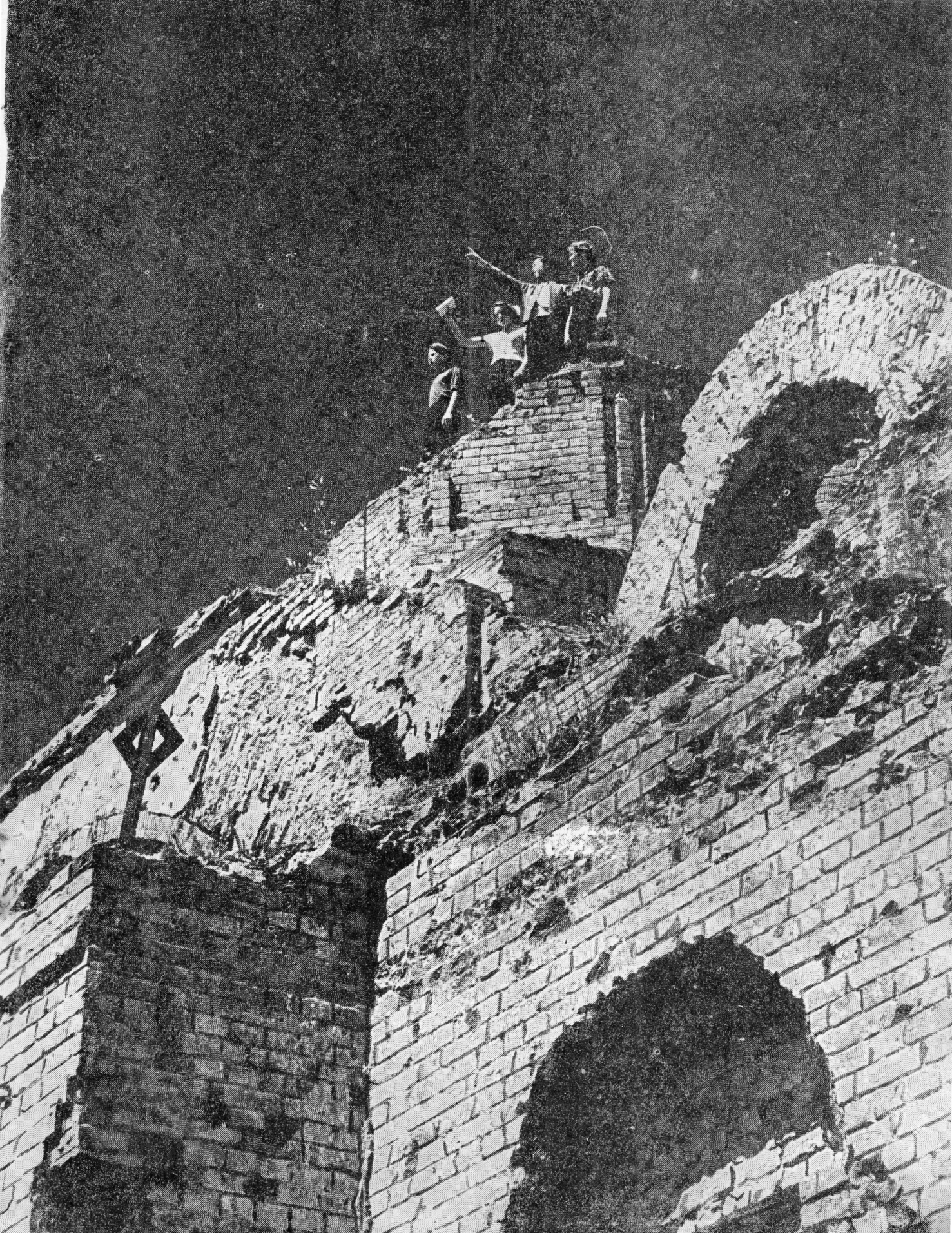

ЗДЕСЬ, В ЗДАНИИ КЛУБА, ГЕРОИЧЕСКИ СРАЖАЛИСЬ ВОИНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГАРНИЗОНА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ. ИМЕНА КОМАНДИРОВ И БОЛЬШИНСТВА ЗАЩИТНИКОВ ЭТОГО ЗДАНИЯ НЕИЗВЕСТНЫ. НА ОДНОЙ ИЗ ЕГО СТЕН ОБНАРУЖЕНА НАДПИСЬ: „НАС БЫЛО ТРОЕ МОСКВИЧЕЙ - ИВАНОВ, СТЕПАНЧИКОВ, ЖУНТЯЕВ, КОТОРЫЕ ОБОРОНЯЛИ ЭТУ ЦЕРКОВЬ И МЫ ДАЛИ КЛЯТВУ - НЕ УЙДЕМ ОТСЮДА. 1941 ГОД ИЮЛЬ.“

ЗДЕСЬ,
В РАЙОНЕ ХОЛМСКИХ ВОРОТ,
В ИЮНЕ-ИЮЛЕ 1941 ГОДА ГЕ-
РОИЧЕСКИ СРАЖАЛИСЬ ВОИНЫ
84 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА ВО ГЛА-
ВЕ С ПОЛКОВЫМ КОМИССАРОМ
ФОМИНЫМ Е. М.

Память героев
Бреста
не померкнет
в сердцах
уральской
молодежи

Профессор А. А. МАЛАХОВ

Рисунки Ю. Полуэктова

14. Каменный жених

А вот этот образец моей коллекции, казалось бы, не имеет никакого отношения к минералогии. Это болт. Как он попал сюда?

...Странные истории слышал я недавно в Карабаше от стариков: о том, как в заброшенных шахтах и рудных отвалах находили окаменелых животных и даже людей. Один из таких случаев, как известно, послужил темой сказа П. П. Бажова «Прикажниковы подошвы».

Со старым штейгером Карабашской медно-рудной шахты мы сидели на берегу речки, используемой для сбора шахтных вод. Я опустил в воду геологический молоток; мы всегда пользуемся случаем смочить черенок молотка, чтобы он не рассыхался. На наших глазах молоток покрылся тонкой пленкой металлической меди. Видя это, штейгер рассказал, что дома у него хранится необычный болт. Когда-то он был железным, а теперь состоит из меди. Я попросил уступить его мне.

Свойством железа «высаживать» медь из серноокислых растворов пользуются и в промыш-

ленных масштабах. Железные опилки загружают в специальные водоемы, куда сливают шахтные воды, несущие растворы меди. Опилки улавливают медь, а потом их отправляют в переплавку.

Но науке известно много фактов, когда медь и ее соединения замещают даже органическую ткань.

Страшную весть принесли однажды рудокопы шведского городка Фалуна: возвращаясь с рудника, они не досчитались одного из рабочих — молодого парня. Многие жители Фалуны в тот же день направились на поиски рудокопа, но все было безуспешно. Пришлось сообщить невесте заботливого жениха, что ее жених погиб.

Описанное событие произошло в 1670 году, а спустя 46 лет в заброшенном и уже обвалившемся рудничном стволе на глубине 134 метров от поверхности земли, нашли окаменевший труп человека. Собственно, это был не труп. Рудокопы обнаружили и принесли в город тончайшую каменную скульптуру человека — каменного жениха!

Науке известно более пятидесяти минералов, замещающих органическую ткань. Очень часто животные или растения замещаются карбонатом кальция и окисью кремния, поэтому в известняках или кремнях мы находим большое количество окаменелых ископаемых организмов. Иногда фосфорные соли полностью замещают организм. В Кировской области, например, есть месторождения фосфоритов, состоящие из полностью замещенных этим минералом гигантских раковин аммонитов — головоногих моллюсков, некогда населявших илистое дно морей юрского периода.

В фалунской трагедии ткани тела человека были замещены серным или железным колчеданом — пиритом. Скульптуру каменного жениха создали растворы железного купороса.

В конце XVIII столетия опыт воздействия железного купороса на органическую ткань невольно наблюдал в лабораторных условиях известный химик Тэннант. В стакан с раствором железного купороса, стоявший в его лаборатории, упала мышь. Через несколько лет Тэннант заглянул в этот стакан. Он увидел, что все тело мыши превратилось в пирит, хотя контуры ее тела прекрасно сохранились. Это была скульптура мыши, ее своеобразный слепок.

Медь и железо в сернистых, окисных, карбонатных соединениях, замещающие органическую массу, встречены во многих пунктах Урала.

На горе Высокой, среди высококачественных магнетитовых руд, нашли слепок девонского моллюска, жившего около 300 миллионов лет тому назад. Именно слепок, так как моллюск состоял из железной руды. Несколько лет тому назад, в Сибайском месторождении медных руд (на Южном Урале), после отпалки руды обнаружили многотонную глыбу пирита и халькопирита странного облика. Вся руда была пронизана какими-то веточками и содержала включения, похожие на раковины моллюсков. Это и в самом деле оказались кораллы и моллюски, обычно населявшие области морского илистого дна.

Огромна научная ценность таких находок. Они подсказывают нам пути формирования месторождений полезных ископаемых. Сколько разнообразных теорий имеется в науке о путях и способах образования рудных и нерудных залежей! Одни отдают предпочтение «подземному жару»,

Начало см. в №№ 2, 4, 8 и 10.

другие — воде. Первые связывают образование многих месторождений с древними подземными извержениями — с магматическими процессами. Другие отвергают эту связь и считают, что многие месторождения образовались в результате перерождения осадочных пород под воздействием воды.

Вся уральская геология развивалась под преобладающим воздействием первой теории. Трудями ее сторонников открыто много разнообразных месторождений полезных ископаемых.

Но некоторые факты и наблюдения геологов магматические гипотезы, оказывается, объяснить не в силах. Что же с ними делать? Отбросить их? Нет, так не поступают ученые! Значит, надо разрабатывать новую теорию, которая сумела бы объяснить и эти случаи, помогла бы направить поиски месторождений полезных ископаемых по новым путям, привести к новым открытиям.

В подземных водах, протекающих под землей на различных глубинах, обнаружено свыше 60 химических элементов. Есть в них и железо, и медь, и золото, и уран, и многие другие. Можно предположить, что вода, содержащая все эти элементы, встречает под землей участки, обогащенные органической массой, например, древними растениями, моллюсками. И эти участки, как своеобразный фильтр, улавливают соли железа и меди и образуют месторождения этих руд.

Конечно, объяснить все случаи этой теорией трудно, но с помощью ее можно направить поисковые отряды в те участки, которые не просматривались ранее: их браковала старая теория. Много таких зон можно подметить, например, на западном склоне Урала. Мне кажется, есть все основания подключить и их к разведочным и поисковым на медь площадям.

15. В мире странных названий

Недавно я был свидетелем ожесточенного спора. Собрались коллекционеры, они обсуждали, что и как собирать.

Здесь были горячие сторонники марок, любители гербариев, камнелюбы... Каждый отстаивал свое любимое увлечение и страстно утверждал, что и как собирать.

Конечно, были и скептики. Их доводы оказались довольно вескими. Можно ли, например, собрать все марки, выпущенные в СССР? Ведь есть такие марки, стоимость которых во много раз превышает месячный бюджет любого филателиста. А растения? Если собрать всю флору района, то какое помещение нужно для гербария: не хватит для этой цели школьного музея. Можно ли собрать все минералы? Конечно нет. Есть очень редкие минералы; не в каждом музее их увидишь. А разновидностей минералов не счесть. Одних только яшм насчитывают свыше двухсот. Разнообразных же видов окаменелостей уже определили свыше 100 000. Где уж тут собрать все это!

Наиболее спокойные коллекционеры упрекали скептиков в стремлении «объять необъятное». Почему обязательно надо собирать все марки, травы и камни? Пусть этим занимаются специалисты. Нашлись среди филателистов люди, собиравшие только марки о физкультурниках, были любители изображений воздушного транспорта...

Железные цветы из Бакала.

Среди ботаников оказались любители роз, специалисты по кактусам...

И вот тут-то я вспомнил о нескольких странных коллекциях, виденных в разные годы и в разных местах. Особенно интересными мне кажутся коллекции минералов и горных пород с причудливыми названиями.

ВОЛОСЫ ВЕНЕРЫ. Можно часами смотреть на этот прозрачный уральский камень, внутри которого видны пучки каких-то нитей, иголок. Уральские горщики назвали его волосатиком, а ценители камня величают Волосами Венеры. Когда камень был «в моде», из него изготавливали вставки в перстни, броши, заколки; особенно ценились печати из волосатика.

Я много видел изделий из этого камня, но, пожалуй, лучше всего он выглядит чуть-чуть приполированным.

Обычно волосатик встречается на бечевниках¹, вблизи русел многих среднеуральских рек. Часто его находят в окрестностях города Невьянска. Во время половодья, когда маленький ручеек становится грозным потоком, кристалл одевается в своеобразную «рубашку» — от столкновения с другими камнями становится непрозрачным, матовым.

Есть у меня приполированный прозрачный горный хрусталь, у которого сохранилась первичная кремневая рубашка. Если слегка поворачивать полированный с поверхности камень, то кажется, что заглядываешь в его «душу». Кажется, что перед тобой лежит глыба прозрачного льда, пронизанного пучками сверкающих золотом огненных струй; а дно этой глыбы подернулось пленкой илистой мути.

А вот другой образец. Его называют моховиком. Это тоже волосатик, но пророс он не иглами окиси титана (рутила), как предыдущий образец, а моховидными, ветвистыми вросками минерала хлорита, зеленовато-серыми, даже синеватыми.

¹ Полоса земли вдоль берегов судоходных рек, каналов, озер, не подлежащая застройке постоянными сооружениями. Слово образовалось от бечево́й тяги судов с помощью людей (бурлаков) или лошадей, существовавшей до распространения самоходных судов.

Лучшая в мире коллекция уральских волосатиков хранится в Свердловске, в музее горного института. На двух стендах разложены идеально прозрачные, голубовато-зеленые, золотисто-желтые, пепельно-серые разнообразной формы и размеров кристаллы, внутри которых спрятан странный неповторимый узор сверкающих пучков нитей или игл различных очертаний, цветов и оттенков.

Эти камни перед тем как попасть в витрину прошли сложный жизненный путь. Они родились в трещинах горных пород, вблизи очагов расплавленной огненно-жидкой магмы. Когда очаг стал остывать, в некотором отдалении от него возникли растворы, из которых выпадали и кремнезем, и двуокись титана, и многие другие химические соединения. При какой-то критической температуре эти вещества одновременно выкристаллизовывались из растворов. Этим и объясняется пронизывание горного хрусталя другими минералами.

Потом Урал оформился в виде горного кряжа. Льды, горные потоки срезали его вершины, обнажили зоны застывших магматических очагов. В это время в речную гальку и стали попадать кристаллы волосатиков.

Не только на Урале можно найти и собрать во время туристского похода гальки волосатиков. Есть они и в Донбассе, и на Алтае, и во многих других местах нашей Родины, и каждый образец неповторим по своей красоте и своему научному значению.

«СЪЕДОБНЫЕ» КАМНИ. Я видел коллекцию «съедобных» камней. В ней были и лунное молоко, и железная сметана, и шоколадная руда, и много других столь же «вкусных» вещей.

Чтобы собрать такую коллекцию, хозяин этих богатств спускался в глубокие пещеры, принимал увлекательные путешествия в различные районы нашей страны.

Конечно, такие названия даны минералам и горным породам главным образом по их внешнему сходству с пищевыми продуктами.

Глубоко под поверхностью земли протекают подземные воды; они несут в себе много растворенных веществ, и в ряде случаев карбонат кальция, возникший при растворении известняков, по которым протекала вода. Под землей давление вообще повышено, и, когда вода попадает из области повышенного давления в пещеры, где давление понижено, карбонат кальция выделяется из раствора и переходит в осадок. Таким путем возникают в пещерах эффектные колонны — сталактиты и сталагмиты, украшающие подземные дворцы; иногда осадок карбоната кальция в виде муки покрывает стены и пол пещер. Такой осадок называется «горной мукой». Если «горная мука» содержится в виде извести в воде, то такую жидкость называют «лунным», или, «горным, молоком».

Гайское озеро.

В одной из пещер в Чехословакии карбонат кальция создал причудливые скопления, похожие на виноградные гроздья, — это «каменный виноград». Таким же путем в некоторых пещерах возникли «гороховые» и «икряные» камни. Иногда вместе с ними возникают «каменные цветы», украшающие этот причудливый и необычный стол. На Урале красивейшие «каменные», или «железные», цветы были найдены в пределах Бакальского железного рудника.

В некоторых железорудных месторождениях встречаются чрезвычайно мелкие, распыленные, похожие на чешуйки слюды, кристаллы гематита, — окисла железа. Скопление таких чешуек, в особенности в зоне циркуляции подземных вод, создает кашицеобразный продукт, называемый «железной сметаной».

«Шоколадной рудой» в Новой Каледонии называют смесь никелевой руды с водными окислами железа. Такую же руду можно встретить и на Урале в окрестностях Ревды и Уфалея.

В этой коллекции было и «горное сало», и «жировик» и «спаржевый камень», и много еще других.

Были здесь и в самом деле съедобные камни. Некоторые африканские племена считают лакомством жирную битуминозную глину, встречающуюся на дне некоторых озер. Такая глина есть во многих и уральских озерах; она обогащена продуктами распада микроорганизмов, населявших эти озера.

На восточном побережье Каспия и в пределах Западной Украины в некоторых нефтяных месторождениях добывают горный воск — озокерит — продукт выветривания легкой парафинистой нефти. Если его лизнуть, он ничем не отличается от пчелиного воска. Озокерит добывают для получения высококачественной смазки. Орудия и машины, покрытые ею, можно хранить вечно.

Не все минералы и горные породы можно испытывать на вкус. По старинной легенде, в одном из испанских монастырей был настоятель, увлекавшийся сбором минералов. Все минералы он опробовал, подбавляя в пищу монахам. Однажды ему попался необычайный минерал, от которого многие из монахов скончались. Настоятель назвал этот минерал антимонитом (в буквальном переводе — «против монахов»). Конечно, это легенда. Но ядовитые свойства препаратов, изготовленных из сернистой сурьмы — антимонита, известны в современной медицине. Так что будьте осторожны — не лижите все камни подряд!

КОЛЛЕКЦИЯ ГЛАЗ И ГОЛОВ. Я видел охотников за каменными головами! Каменной головой называют в минералогии глинистые с поверхности натеки железной руды. Есть «бурая стеклянная голова», можно найти «красную стеклянную голову». Одна из таких «голов», около десяти тонн весом, украшает вход в здание геологоразведочного факультета Свердловского горного института. Нашли эту «голову» на Бакале.

Один мой друг собирал «каменные головы»!

В его коллекции были также «тигровый глаз», «соколиный глаз», «кошачий глаз», «жабий глаз»... Все эти названия даны минералам по их сходству с глазами животных.

Я встречал в коллекциях «почечный камень», «кишечный камень», «горную кожу», «горную пробку», «горную смолу», «горное дерево» и даже «каменный мозг»!

Другой из моих друзей сочетал в своей кол-

лекции любовь к камням и к небесным телам. У него были «солнечный камень», «лунный камень», «звездчатый сапфир», «лучистый колчедан».

Я видел «колесную», «колокольную», «кирпичную» и «плюшевую» руду. Мне попадались «деревянистая медь» и «деревянистый опал». А однажды я встретил «женское стекло».

Можно много рассказывать о необычайных и странных названиях минералов и горных пород. Собирать их столь же увлекательно, как коллекционировать марки и цветы, а, может, и еще интереснее!

16. Сокровища Гая

Издавна у степных кочевников славилось Гайское озеро. Отправляясь на пастбище, сюда забирала с собой всех тех, у кого ноют при перемене погоды кости, всех тех, кто не мог сам ходить...

Приедут к озеру, положат больного в нагретую южным солнцем воду озера и забудут о нем. Больной лежит в воде день, два, три... Если у него здоровое сердце, он перенесет эту длительную процедуру; целебная вода как рукой снимает хворь; такой больной бросает костыли и возвращается исцеленным домой. Если сердце большое... Ну, что ж, такого человека прибирает к себе Аллах...

Вода озера странная. Бросишь в нее вишневую косточку — она через некоторое время зеленеет, пропитывается солями меди. Утки не садятся на озеро, рыбы в нем нет.

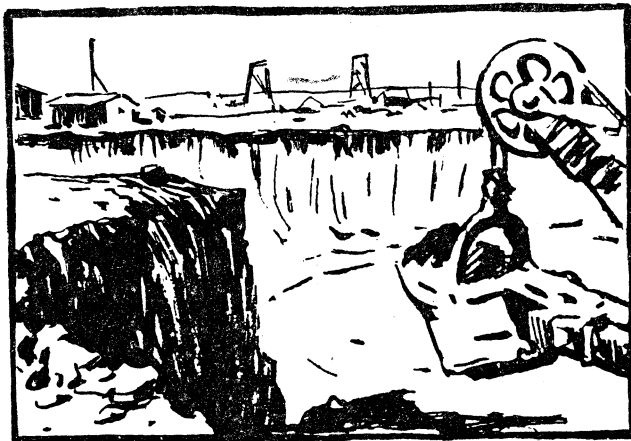
А потом ученые установили в этой воде редчайшую минерализацию. В ней были обнаружены в больших концентрациях медь, алюминий, натрий... Врачи подтвердили целебные свойства гайской воды, и здесь возник курорт.

...Тихо в березовой роще, окружающей Гайское озеро. В уютных коттеджах отдыхают больные. Уже не днями, а минутами исчисляются сроки пребывания больного в воде. Результаты излечения великолепны. Здесь лечат и застарелый ревматизм, и кожные болезни, и ряд других.

Но откуда же взялась медь в этой воде? Начиная с тридцатых годов, здесь пытались найти медные руды. Геолог И. Рудницкий пробурил девять скважин, но руды не нашел. Бурили и другие геологи — руды по-прежнему не было. Подключили к исследованиям геофизику, и вот, наконец, вблизи деревни Калиновки нашли руду.

Руда взбудоражила всех. Руды такого качества мы еще не знали. Пожалуй, лучше всех дал ей характеристику член президиума ЦК КПСС А. Б. Аристов. Выступая на июльском Пленуме ЦК в 1959 году, он сказал: «Или возьмите Оренбургскую область. Гай — небольшое село в этой области, и оно было, видимо, известно только тем, что в нем имелся природный источник медного купороса. Теперь оказалось, что здесь на небольшой глубине находятся большие залежи медных руд с таким содержанием меди, которое нам и во сне не снилось. На отдельных участках месторождения среднее содержание меди достигает до 10—12 процентов, а некоторые пробы дают до 30 процентов. Если дать такую руду существующим уральским заводам, то мы в короткий срок сможем как минимум удвоить производство меди».

Сейчас вокруг рудоносной зоны жизнь кипит ключом. Эскаваторы вгрызаются в землю, обна-

Первый котлован Гая.

жая рудное тело... Скоро первая руда поступит на уральские заводы.

Я был в Гае летом 1959 года. Меня поразил контраст тихой прелести рощ Гайского курорта и шумной, бурной кипящей стройки.

Вместе с главным инженером Гайской геологоразведочной экспедиции М. Новиковым мы осматривали достопримечательности района. Невольно возник вопрос: а все ли сделали геологи? Может быть, здесь есть еще рудные залежи? Новиков сказал мне, что, вопреки установившемуся мнению, он сомневается в том, что руда Гайского месторождения питает Гайское озеро. Руда, сказал он, находится значительно ниже озера. А если так, значит, истинные сокровища Гая еще не вскрыты... Значит, надо искать, искать, искать...

Сомнение в правильности прописных истин — это главное свойство разведчика недр. Мы, геологи, часто поддаемся гипнозу. Нас сковывают авторитеты, и невольно мы слепо следуем по пути, начертанному ранее, пусть даже на основе недостаточного количества фактов.

Примеров своеобразного массового гипноза можно привести очень много. Ведь презжал же когда-то к одному из первооткрывателей Гая — Рудницкому — крупный профессор из Москвы и говорил, что поиски Гайской руды — чушь, что вся медь Гая сосредоточена только в озере. Он даже предлагал подарить Рудницкому всю руду, которая есть в окрестностях Гая. И это авторитетное мнение надолго застормозило разведку.

А не ошибаемся ли мы и сейчас? Мы нашли руду и успокоились. Но решена ли проблема Гайского озера?

Подъехав к Гайскому озеру, мы стали перебирать возможные пути и методы исследований окрестностей озера. Кажется, исчерпаны все возможности: нет никакой зацепки.

Но меня заинтересовала вода озера. Не радиоактивна ли она? Может быть, в этом ее целебные свойства? Новиков ответил, что вода действительно немного радиоактивна. Радиометр подтвердил его слова. Однако увеличение радиоактивности против общего фона наблюдалось не только в воде. Повышенную активность мы отметили и в Гайской впадине.

А радиоактивна ли руда? «Не знаю», — сказал мой проводник. Немедленно мы направились в кернохранилище и установили, что руды Гая не содержат радиоактивных примесей.

Так вот где одна из возможных зацепок! Пожалуй, Новиков прав. Гайское озеро питается растворами медесодержащих соединений не из Гайского месторождения. Сокровища Гая еще не найдены. Они где-то рядом!

На горизонте Фобос!

Ф. ОВЧАРЕНКО
Рисунки Н. Мооса

Рассказ

Когда я вспоминаю, что произошло в тот злополучный четверг, меня прошибает холодный пот.

В тот день мы должны были писать контрольную по физике. Сами знаете, какая в восьмом классе физика. К слову сказать, из-за нее у меня с друзьями не раз выходил спор. Сашка Клюев, наш знаменитый радиолюбитель, Женька Бобров, тот, что формулы не по учебнику выводит, и Кешка Заверняев, который их обоих в астрономический кружок затащил, — все они обожают этот хитрый предмет. А Иван Спиридонович, он у нас в школе главный физик и астроном, для них — первый авторитет. Я, правда, тоже его уважаю, но физику всегда учил скрепя сердце, а астрономии предпочитал настольный теннис.

Словом, еще с вечера я начал думать, как бы отвертеться от этой контрольной. Но оригинальные идеи почему-то редко приходят в мою голову. И на этот раз я применил старый надежный метод — притворился больным.

Когда все ушли на работу, а бабушка загремела на кухне кастрюлями, я перевернулся на другой бок и начал просматривать сны. Это было серьезной ошибкой. Пробудившись, я обнаружил, что остался в квартире совсем один. Дверь на лестницу оказалась запертой на ключ,

на столе лежала записка: «Сереженька, кушай рыбку, таблетки на столе, форточку не открывай, я пошла за продуктами, вернусь в 3 часа. Бабушка».

Я взглянул на будильник — было без четверти двенадцать — и с тоской подумал, что мне еще несколько часов придется провести в грустном одиночестве.

Начал думать, как бы время убить. Почитать, что ли? Как назло во всем доме ни одной новой книжки. Сашка, правда, забыл вчера у меня свою синюю папку. Есть у него

такой «сборник премудростей», как я его называю. Он туда все, что интересного по астрономии найдет, подшивает. Повертел я ту папку и бросил ее на диван, а сам, наверное, уже в сотый раз начал листать подшивку «Вокруг света» за 1929 год.

Невероятное началось ровно в два часа. Все, что случилось, отпечаталось в моей голове, как чернила на промокашке.

Как сейчас помню пронзительный, резкий звонок телефона и взволнованный, прерывающийся голос Сашки Клюева:

— Сережка, это ты?..

— Я. Кхы-кхы... А что?

— Скорее беги в школу... Скажи Ивану Спиридоновичу, что я тут принял какие-то странные сигналы... Они идут с

интервалом в десять минут откуда-то издалека... Ни на одну станцию мира не похоже... Никто ничего не может разобрать!

— Но я ведь болен, кхм...

— Чудак! Может быть, это радиосигналы из Космоса. Жди потом второго такого случая. Беги скорее, я же не могу отойти от приемника!

Тут же мне стало не по себе. Я закричал изо всех сил:

— Сашка! Меня, понимаешь, закрыли, на ключ!

— Эх ты... — послышалось в ответ, — и угораздило ж тебя заболеть. О!.. Опять сигналят. Потом позвоню...

Я бросился к двери. С досады поковырял вилкой замок, в бессильной ярости стукнул по нему кулаком. Было отчего прийти в отчаяние. Я представил, как Сашка, ежесекундно поправляя очки, напряженно вглядывается в замысловато поблескивающее нутро своего приемника, жадно ловит таинственные сигналы, несущиеся, быть может, из безвоздушного пространства. Я готов был зареветь. Из-за дурацкой хитрости прозевать такое событие! Даже если это отчаянный «SOS» затерявшегося в океане корабля, и то есть отчего схватиться за голову.

Новый звонок прервал поток моих скачущих мыслей. На этот раз от волнения заикался Женька:

— Серега, сенсация! Зна-знаешь, что тут стряслось...

— Сигналы? — сразу же выпалил я.

— Нет, брат, излучение! Я звоню из университетской обсерватории. Здесь все вверх дном! Приборы зарегистрировали поток каких-то неизвестных лучей. Подозревают, что они из заатмосферных высот...

— Вот это да... — только и мог вымолвить я.

А Женька уже тараторил дальше:

— На всякий случай усилили свинцовый заслон. Профессор Атласова уже отправила «молнию» в Москву. Связывается с Пулковской обсерваторией... Погоди...

— Женька, Бобер! — взмолился я. — Скажи хоть еще что-нибудь. Я же тут отрезан от всего мира. Бабушка...

— При чем здесь ба... — возмущенно начал Женька и вдруг замолчал.

— Женька, Женька! — надрывался я. Минуты через две снова тревожно зазвучал Женькин голос:

— Только что говорили с Москвой. Феноменально! Лучи обнаружили не только в Свердловске. Об этом же телеграфировали Пермь, Челябинск, Нижний Тагил... И еще одна новость: наш академик Белопольский и американец Уипл заметили, что один из спутников Марса как-то странно стал себя вести. Белопольский считает, что это связано с загадочными лучами Фобос...

— Какой глобус?

— Невежда! — оборвал меня Женька. — Не глобус, а Фобос — ближайший спутник Марса.

— Так что этот Фобос? — я чувствовал, что еще немного и сторю от любопытства.

— Он неожиданно изменил направление своего движения. Вчера ночью прошел на несколько минут в стороне от той точки, где его ожидали. Это же скандал! От него теперь всего можно ожидать, даже сигналов на Землю...

Я не дал ему договорить:

— Есть сигналы! Сашка звонил. Он их принимает.

— Что?! — я думал, Женьку сейчас хватит удар. Он дико захохотал. Видно, от радости. — Что ж ты молчал?! Ай да Санька! Гигант радиотехники! Бегу к профессору...

Лицо у меня пылало. Я еще раз боднул с разбегу дверь, помянул недобрым словом бабушку вместе со всеми ее магазинами, попробовал дозвониться до Женьки, услышал в ответ монотонное пиканье и в отчаянии плюхнулся на диван. И тут мой взгляд упал на синюю папку.

Я судорожно начал перебирать Сашкины вырезки. И почти сразу же наткнулся на то, что искал. Это была статья из «Комсомольской правды», о которой я слышал от своих друзей. Но сам прочитывать так до сих пор и не удосужился.

Через десять минут уже знал, что спутники Марса — Фобос и Деймос, открытые 80 лет назад, в переводе означают Страх и Ужас. Оба — удивительно странные тела: находятся очень близко от планеты, вращаются по строго правильному кругу и по размерам меньше любого другого спутника нашей солнечной системы. Мало того. Они, вдобавок ко всему, постепенно снижаются, обещая в будущем упасть на Марс. Масса их ничтожна, внутри они пустые. Наш ученый Шкловский выдвинул смелую

догадку: спутники Марса — искусственные.

Загадочные конструкции, несущиеся в безвоздушном пространстве — памятники существовавшей некогда жизни, могучие творения неведомого нам разума... Столько мыслей смешалось в голове, так разыгралась моя фантазия, что еще мгновение, и я, наверное, все-таки бы высадил дверь и помчался в город. Но тут опять зазвонил телефон.

— Сегежа, Сегежа! — Это был Кешка Заверняев, я его сразу узнал: он всегда картавит, а когда волнуется — особенно. — Я от Сашки. Ловим сигналы. Уже два газа звонили в универси...

— Кешка, родной! — чуть не заплакал я. — Поднеси трубку поближе к приемнику. Смерть как охота хоть краем уха послушать!

— Сейчас попытаюсь... — бросил он коротко, и все затихло.

Потом мембрана отчего-то затрещала, что-то щелкнуло, и вдруг... Да, да, я услышал странные, диковинные звуки, приглушенные большим расстоянием. Они совсем не были похожи на позывные спутников Земли или космической ракеты. Чувствовалось, что это какая-то новая загадка Вселенной. Сигналы напоминали музыкальные аккорды. Будто кто-то в подземелье пытается сыграть на рояле незнакомую людям мелодию. Ударит по клавишам и прислушается, потом снова ударит, и опять тишина. И так четыре раза подряд.

— Ну, слышал? — это уже Сашка спрашивает. — Каково?

— Гениально! — задохнулся я. — Но

кто же их посылает? Неужели на Фобосе...

— В этом-то вся и штука! — ликуя, закричал Сашка. — Может быть, марсиане создали на спутниках целые города!

— А зачем же они переселились на небо? И как они там поместились? — не сдавался я, хотя в ту минуту у меня самого лоб уже трещал от всевозможных предположений.

— Так ведь Марс же — умирающая планета! На ней почти не осталось кислорода и холодно, как в стратосфере! — живо откликнулся Сашка. — Вот часть марсиан и переселилась на спутники. А все другие отправились на межзвездных кораблях в другие, более подходящие галактики! А те, которые на Фобосе, решили, наверное, с нами установить связь.

— Сашка, а не слишком ли ты того... загибаешь? — усомнился я. — Что-то не верится... Аж в жар бросает...

— То-то, в жар, — сочувственно заметил Сашка и тихо добавил: — Я, брат, сам, когда услышал, что академик Амбарцумян обо всем этом сказал, так у меня сразу очки даже запотели.

«И это я пропустил!»

— Сашка, что он там такое сказал? — закричал я.

Но тут в трубке раздался какой-то грохот, слышалось протяжное шипенье, словно прокололи футбольный мяч, и затем отчетливо прозвучал деловитый голос Кешки:

— Сашка, кончай. Два согок — пога звонить в университет...

Я со злости чуть было не разбил телефон. Кинулся к окну, но тут же сообразил, что это не выход: без парашюта с пятого этажа все равно не прыгнешь. Опять раздался звонок.

— Это я, Женька. Ну, как, бабушка еще не пришла?.. Жаль, жаль... А тут такие чудеса творятся! Ты бы знал — умер бы от восторга.

— Этого еще не хватало! — наконец прорвало меня. — Друзья называется! Не можете даже рассказать о выступлении Амбарцумяна!

Я почувствовал вдруг, что рубашка прилипает у меня к спине. Женька, видимо, воодушевившись моим нетерпением, заговорил, как пулемет, почти без знаков препинания:

— Амбарцумян выступал по радио и в экстренном выпуске телевидения. Он

говорит — одно из двух: Фобос — либо искусственная планета, населенная разумными существами, либо гигантский космический корабль... Он, возможно, снабжен сложными приборами. Понял?... Кибернетические устройства решают на этом корабле все задачи. Они могли отметить появление в окрестностях Земли искусственных спутников, особенно третьего... Р-раз! А потом — нашу ракету на Луну... Два! Теперь Фобос начал посылать сигналы на Землю... Так вот...

— Что же они означают? — его заминка вывела меня из себя. — Не издевайся над человеком!

В это время хлопнула дверь, и на пороге с авоськами в руках появилась бабушка.

— Порядок! — во все горло грохнул я в телефон. — Свобода! Бегу в школу!

Мигом накинул пальто, схватил фуражку и уже с порога крикнул:

— Да здравствует Фобос!

Бабушка обмерла, всплеснула руками. И больше я уже ничего не видел, кроме мелькающих ступенек.

Свежий ветер ударил мне в лицо, распахнул пальто. Я перебежал на другую сторону улицы, столкнулся с нашим дворником дядей Федей и подмигнул ему на бегу:

— Слышали... про спутник?

— А как же! — откликнулся он. — Все время по радио говорят...

Но я уже его не слушал. Бежал, не чуя под собой ног. А в голове отдавалось: «Фо-бос! Фо-бос!» Прохожие казались мне какими-то не такими, как всегда, все вокруг выглядело необыкновенно празднично и нарядно, даже пожелтевшие кроны деревьев весело приветствовали меня. Младшеклассники шли, размахивая портфелями, они еще ничего не знали.

Зато у газетного киоска уже собралась огромная очередь. Люди о чем-то возбужденно говорили. Понятно — о чем! «Фо-бос! Фо-бос!» — звенело в моих ушах.

Перепрыгивая через три ступеньки, я метеором ворвался в вестибюль, вихрем пронесся на второй этаж и, подобно реактивной ракете, влетел в физкабинет.

— На горизонте — Фобос! Летит!! Ура!!!

В комнате, переполненной до отказа, все от неожиданности так и обомлели. Словно в тумане передо мной возникло удивленное и не на шутку озабоченное лицо Ивана Спиридоновича:

— Как так летит? Вы это серьезно?

— Летит... серьезно... — чуя недоброе, в растерянности пробормотал я, к своему великому ужасу заметив вдруг в первом ряду ухмыляющиеся физиономии моих приятелей-астрономов — Сашки, Женьки и Кешки.

Раздался такой оглушительный хохот, какого не услышишь даже в театре музыкальной комедии.

...Вот и вся марсианская история. Трое лучших друзей разыграли меня, как последнего первоклассника. Но я этого никогда не прощу. Я их тоже поймаю.

Для начала уже есть одна штучка. Новинка. Нет, не «Камера туманов»! Это уже старо. Прочитал я недавно о «голубых галактиках». Слышали? Нет. И они еще не знают. На этом я их и поймаю.

СНОВА В КРАЮ

Григорий БАБАКОВ

Едем

Мы едем на Пелым.

В купе нас двое: я и мой друг Валерий. Но, глянув на вещи, разложенные по полкам, можно подумать, что едет гораздо больше людей. Что поделать, к сожалению, экспедиционное оборудование довольно громоздко.

Валерка тщательно оттачивает и без того острый длинный мансийский нож. Ножи и топоры теперь его слабость. В позапрошлом году осенью нас вместе с двадцатью двумя бобрами высадили с вертолета на реке Нерпье, притоке Пелыма. За два часа мы должны были успеть выпустить бобров и улететь обратно в Ивдель. Но погода испортилась, вертолет прилететь за нами не смог, и только через шесть дней, пройдя сто сорок километров, выбрались мы к жилью.

Тогда у нас был с собой обычный складной нож и топор, по сравнению с которым

кремневые топоры каменного века казались бы чудом техники. Много раз за шесть дней мы проклинали свой тупой нож. С тех пор Валерка не мог успокоиться, пока у нас не появились настоящие мансийские ножи с ручками из цветистого березового капа, в деревянных ножнах, и большой плотницкий гопор, острый, как бритва.

В экспедицию на Пелым мы вместе с Валеркой едем в четвертый раз. Но нас тянет туда, как будто бы впереди лежит еще никем не открытая страна.

Край кедр и соболя! Это уголок природы Свердловской области, где не гулял еще топор лесозаготовителей. Край, где большинство зверей и птиц так и умирает, ни разу не услышав выстрела.

Первая остановка на пути — Ивдель. Здесь еще не прошел лед на реке, хотя вода заметно прибыла. В Пелым придется лететь на вертолете, как только позволит погода.

А пока — в музей. Как же не навестить Ивана Евлампиевича!

Каждый раз, приезжая в Ивдель, мы хотя бы на часок забегаем сюда. В просторной комнате, обставленной незамысловатыми предметами мансийского обихода, встречает нас седой, чуть сутулый человек с удивительно легкой походкой таежника. Это Иван Евлампиевич Уваров, директор и создатель местного музея. Он подает нам руку. Трудно поверить, что это рука учителя и научного работника. Такие руки бывают у тех, кто много работает топором, расчищая охотничьи тропы, строит избушки и рубит бесчисленные ножи.

Задолго до Октябрьской революции пешком из Верхотурья пришел Иван Евлампиевич в село Никито-Ивдель — теперешний город Ивдель. Здесь его назначили на должность учителя.

Любовь к природе, к охоте сблизила его с местными жителями — манси. По многим дням проводил он в тайге вместе с этими замечательными знатоками леса, узнал и полюбил их. И постепенно простая любознательность натуралиста, признатель-

См. очерк «В краю кедр и соболя», № 8 за 1958 год.

КЕДРА И СОБОЛЯ

Рисунки М. Заводчикова

ность своим лесным учителям переросла в любовь ко всему этому маленькому, тогда жестоко притесняемому народу, переросла в глубокую заинтересованность в его судьбе.

Иван Евлампиевич понимал, что людям, эксплуатируемым купцами, попами и шаманами, в первую очередь нужна грамота. Он пытался организовать обучение мансийских детей, но это ему удалось только с приходом Советской власти.

Мы проходим по залам музея. Многие экспонаты собраны Иваном Евлампиевичем еще в ту пору, когда он организовал свой домашний музей, городского не было и в помине. Луки, самострелы, хитроумные ловушки-черканы. А это детские игрушки-куклы. Одного взгляда достаточно, чтобы определить «национальность» игрушек, сделанных из оленьей кожи и разноцветных лоскутков. Конечно же, это манси: яркий угольчатый орнамент на одежде, длинные, туго заплетенные косы с подвесками из монет...

Большой нож-рогатина.

Его нашли в тайге погнутым, с полустлелвшим поломанным древком. Если бы мог рассказать этот нож о встрече охотника с медведем и об исходе кровавого поединка!

Сейчас Ивдельский музей быстро пополняется экспонатами. У Ивана Евлампиевича много друзей-помощников среди ребят. Видимо, не только на нас распространяется обаяние этого замечательного человека, увлеченного краеведа. Еще и сейчас, на склоне лет, Ивана Евлампиевича с крошнями за спиной и удочками на плече можно встретить шагающим со стайкой парнишек по каменистым тропам в верховьях шумливой речки Ивдель.

— Может быть, попадете на Северную Сосьву, порасспросите там жителей о календаре на палочке. Для музея, — говорит Уваров.

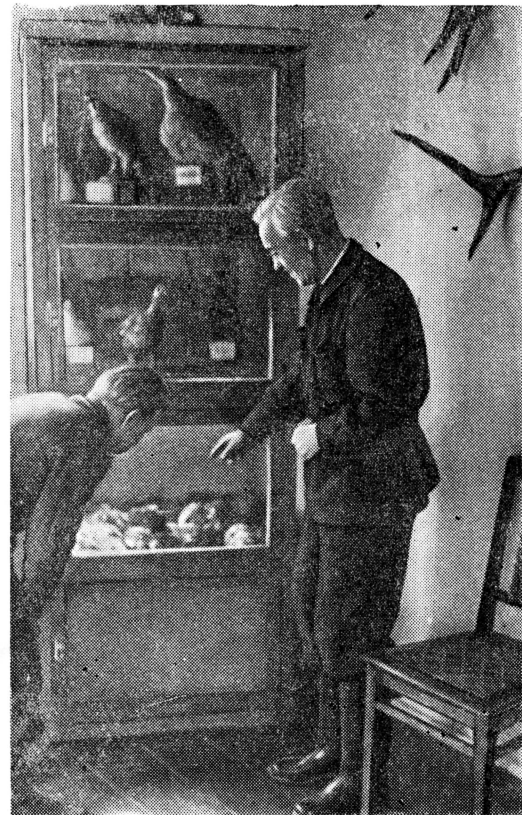
Да, есть такой, календарь на палочке. Раньше крещенные церковниками-миссионерами неграмотные манси, чтобы запомнить церковные праздники, делали календарь. Это метровая палочка с несколькими рядами насе-

чек. По насечкам и определяли месяц, число, день.

Над тайгой

Замелькали, закружились винты вертолета. Ветер пригнул к земле рыжую прошлогоднюю траву. И вот уже

Как же не навесить Ивана Евлампиевича...

мы летим. Внизу по вершинам деревьев скользит тень, словно от большой черной стрекозы.

Кроме нас, на борту машины еще девять пассажиров. Они полетят дальше, на реку Вору, где будут проводить лесоустройство — прорубать просеки, определять качество и запас древесины. Сколько раз мы с другом мысленно благодарили лесоустроителей за то, что через болота и гари, через труднопроходимые заросли они прошли до нас и протянули узенькую визирку, обозначив ее затесками на деревьях. Сколько сил, сколько времени сохранили мы благодаря тому, что раньше нас здесь прошли эти крепкие парни, разбили лес на кварталы, врыли столбы и пронумеровали их. В любой момент ты можешь выйти к столбу и точно определить свое местонахождение.

Если даже нет ни карты, ни компаса, в таком устроенном лесу не заблудишься. Только надо помнить, что все просеки идут с запада на восток и с юга на север. На пересечении просек стоит столб, а на нем четыре грани с номерами. Номера возрастают с запада на восток. Между кварталами, номера которых различаются на одну единицу, лежит просека, идущая с юга на север. Север в той стороне, где номера кварталов наименьшие. Если знаешь, в какой квартал нужно попасть, то, поль-

зуясь просеками, обязательно попадешь.

— Оус! — кричит в ухо Валерка и показывает за окно.

Далеко внизу серебряной змейкой извивается река. Это один из самых длинных притоков Пелыма — Оус. Местами река теряется в густом ельнике, и только белые струи березников, сбегаящие к воде, обозначают невидимое русло. Впереди белеют блюдца бесчисленных озер. Но это не настоящие озера, хотя, может быть, когда-то давно и были ими. Это «янги» — моховые болота, залитые водой.

Летом здесь очень любят держаться северные олени и лоси. Обширные открытые пространства хорошо обдуваются ветром, и звери, спасаясь от гнуса, выходят на янги. Я перехожу от окна к окну и везде, насколько хватает глаз, вижу леса и болота. Только на юге белеют снежные вершины гор — на увалах Урала еще лежит снег.

Вертолет идет на посадку. Внизу мелькнул Пелым, и вот уже домики маленькой деревушки Вершина. Здесь будет наша база.

Старые знакомые

Вершина — это деревушка из двенадцати дворов. Жители ее, русские и манси, летом рыбачат, а зимой охотятся. Это самый дальний уголок Гаринского района. По реке до районного центра более семисот километров, а до сельсовета более двухсот. Один раз в год, весной, по большой воде, приходит сюда катер с баржей, завозит продукты на год и забирает заготовленную рыбу и пушнину.

Гостям вершинцы рады: не часто появляются здесь

свежие люди. Нас встречает старый приятель — сторож бобрового заказника Аркадий Зыков, коренастый парень с голубыми глазами и огненно-рыжей шевелюрой. Аркадий — один из лучших охотников — промысловиков области. Прошлой зимой он добыл около сорока соболей.

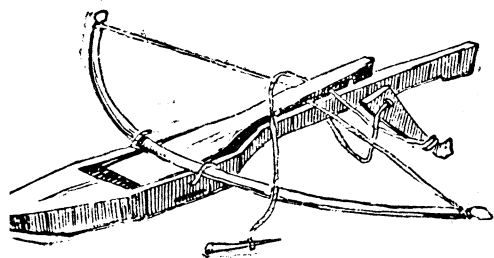
Даже местные манси удивляются его успехам. «Две пары бродней по лесу не стаскал, а уже всех обгоняет!» — говорят о нем. Аркадий всего пятый год как приехал в Вершину и начал промыслять соболя. До этого он служил на границе, сперва проводником, а потом инструктором службы собак. На соболином промысле, как и на границе, нужны хорошие собаки. Сейчас у Аркадия их четыре, и все — самые лучшие в Вершине.

Когда мы подходим к дому, вся стая срывается с места и, натягивая поводки, начинает громко лаять. Валерий острит:

— А если тебе, Аркадий, свиню дать, ты и ее на соболей лаять научишь?

— Искать-то будет, а насчет лаять — не знаю! — улыбается Аркадий. Он прикрикнул на собак, те мгновенно замолчали и улеглись на свои места.

В доме у Аркадия мы встретили еще одного старого знакомого манси — Ивана Курикова. Он приехал в Вершину за мукой. Не зная, ни за что не подумаешь, что Ивану нет и тридцати лет. Большая борода и усы, как у пожилого человека. Иван то-

же замечательный следопыт и охотник, но несколько иного склада, чем Аркадий.

— О! Иван — это бестия! — говорил мне как-то один инженер-таксатор. — Это мансийский природный ум и наблюдательность в сочетании со старозаветным поповским ханжеством и плутоватостью!

Иван — воспитанник попа. Да, да! Километрах в двухстах выше по Пелыму стоит деревня Гаревка. Живут в ней богомолы-старообрядцы. Три десятка лет назад перевалили они через Урал и основали здесь свою деревню. Слишком шумно показалось раскольникам жить в верховьях Камы, где с приходом Советской власти стала бурно развиваться промышленность. Решили они уйти от беспокойного мира в таежные пелымские дебри.

Но разве можно теперь от него уйти? Мир большой и светлый, без богов и нечистой силы, шаг за шагом входит в Пелымский край. Это он горит по ночам заревом на рудниках Полуночного, гудит моторами тракторов на лесозаготовках, гремит взрывами на строительстве железной дороги, которая пройдет совсем рядом с Гаревкой. Слышит эти взрывы гаревский поп Серапион Собянин, и не спится ему.

Странно, что еще живы раскольничьи скиты, ночные моления. Неужели это происходит в двадцатом веке и в нашей стране? Увы, да! Не удивляйтесь, как не удивляйтесь, встретив на улице обыкновенного попа. Ведь и его место где-то там, за порогом семнадцатого года, но он не бежит в леса, а как-то уживается рядом со зданиями школ, с университетом, где люди изучают орбиту искусственного спутника земли.

Как птицы на юг, улетает из Гаревки молодежь. Сперва едут учиться (не пустить нельзя, сельсовет все равно заставит), потом в армию, а оттуда... Кому же захочется вернуться к постам по пятницам и Серапионовым молитвам?

Трудно Серапиону. Одни старики да бабы остались, да и с ними беда. Вон бабка

Арина, совсем старуха, из милости ее соседи кормят, а туда же... Вдруг заявила, что на вертолете не нечистая сила, а мудрость человеческая летает. Поди поспори с ней.

Вот у этого Серапиона и рос, воспитывался Иван Куриков. Его родителей, манси, привезли мальчика в Гаревку полумертвым. У Ивана было что-то вроде воспаления легких. Серапион взялся вылечить мальчика, но с условием, что он примет христианскую веру и останется жить в Гаревке. Родители согласились. Поп поил ребенка отварами из разных трав. Помог, конечно, и хороший уход. Иван остался жить. Вырос, он и стал замечательным охотником, бороду отрастил, ходит, как старик.

Не пропали даром Серапионовы труды: всю деревню

кормит Иван лосятиной. Он — единственный манси в этой деревне и служит у богомолы вроде громоотвода. Спросят их: где лосятину взяли? Ведь лосей бить запрещено! А они на Ивана кивают: это, мол, Куриков убил да немножко мяса дал, он манси, ему можно.

И перед богом Иван — громоотвод: грешно старообрядцам картошку сажать, а они посадят да на вечерней молитве приговаривают: «Уж ты прости, господи, нас, грешных, это мы не для себя, а для манси Ивана Курикова, нехрестя окаянного». Придет зима — Иван с семьей без картошки сидит, а у всей деревни полны подполья «чертовых яблок».

Но смысленый парень Иван. Тайгу хорошо знает, по-русски говорит свободно, и лучше, чем он, проводника не найти. Не одну экспедицию водил он, в прошлом году ходил и с нами. Всем хорош проводник, только одно с ним неудобство: отдельно пищу варит себе, хлебает из отдельной миски. Все давно уже поели, а у Ивана еще постный суп не готов, в тайге и то постится. И смешно и грустно!

А нрава он веселого, пошутить любит, хотя шутки у него и не всегда безобидные: правду-матку в глаза режет.

Вот такой он, знаменитый в Пелымском краю, Иван Куриков.

Не радостная на этот раз у нас получилась встреча. Когда отобедали, Валерий достал конфеты, детворе раздал и Ивану горсть: «На, сынишке гостинец свезешь!» А тот не берет, бородой мотает. Потом посмотрел исподлобья и говорит: «Помер Васька-то! На восьмые сутки, как вы прошлый раз уехали, помер».

Сын у него был, шустрый

кареглазый мальчишка, нос кнопочкой. Случилась самая обычная простуда. Температура не подымалась выше 38°. Мы тогда оставили Ивану весь наш запас пенициллина, объяснили, как и по сколько давать ребенку.

— Ты ему пенициллин давал?

Иван кивнул головой и отвернулся. Я понял, что он соврал. А Аркадий, прямой всегда и во всем, уточнил:

— Врешь, Ванька, ничего не давал ребенку, я знаю. Серапион не велел, одними молитвами лечили!

Иван не возразил, ни слова не промолвил больше.

Будет ли он теперь дружить с попом Серапионом?

Еще об Иване

Народ в экспедиции подбирается молодой, здоровый. И любителей пошутить на привале всегда немало. Иван со своей бородой и отдельной миской не раз бывал мишенью для остряков. Но в пути — иное. Одно его слова достаточно, чтобы заставить повиноваться самого упрямого парня. Когда люди попадают в трудную, непривычную обстановку, руководит ими уже не тот, кто старше по возрасту или по званию, а тот, кто уверенней ориентируется в этой обстановке, тот, в кого люди верят больше.

На привалах Иван лениво отмахивается от остряков, но тому, кто шутит зло, на походе отплатит.

Как-то инженер-таксатор и шесть рабочих спустились в лодке вниз по Пельму. Был холодный весенний день, лед только прошел, и река еще дышала зимним холодом. Ехать в лодке весело: мешок плечи не давит, топор на руках мозолей не набивает. И еще с вечера, на привале,

ребята подшучивали над Иваном, а когда он заснул, выстригли ему клок бороды. Утром все смеялись над тем, как Иван прикрывал рукой остриженное место. Это была злая шутка!

И вот где-то у устья Симосья причалили к берегу. Пока все собирали пожитки, Иван поднялся на крутик. Через минуту он вернулся и сказал, чтобы мешки с собой не брали. Его послушались. Во главе с ним все гуськом подымались на крутой берег. Вдруг Иван остановился, сдернул с плеча ружье. Задние, пытаясь разглядеть, что он заметил, напировали.

Иван неторопливо прицелился, грохнул выстрел. Впереди на тропе со страшным ревом показался громадный медведь. С криком «Назад в лодку!» Иван бросился под берег. За ним кубарем скапались остальные. Он первым подбежал к лодке и будто нечаянно оттолкнул ее ногой от берега.

В студеную воду, поднимая тучи брызг, шлепнулись все семеро. Мешая друг другу, судорожно хватались за борта отплывшей лодки. На берегу остался один Иван. Он спокойно перезарядил двустволку, насмешливо поглядывая, как влезает в лодку купальщики. Потом пошел и убил медведя.

Оказывается, этот медведь попался в петлю, поставленную Аркадием, и Иван, конечно, знал это.

С тех пор инженер-таксатор и зовет Ивана «бестией».

А то однажды в нашей экспедиции был студент-практикант Сашка, парень цыгановатого вида, мастер на всякие выдумки и большой хвастун. С Иваном у него быстро завязались приятельские отношения, которые незаметно перешли во взаимное подтрунивание.

В тайгу Сашка попал в первый раз, но с гонором, свойственным ему, корчил из себя бывалого охотника и следопыта. Принесет Иван еловую шишку, даст Сашке и спрашивает: «Кто грыз?» Мы все смотрим на шишку и думаем: «Белка? Нет. Мышь? Нет! Незнакомый погрыз». А Сашка глянет одним глазом и выпалит:

— Полевки грызли.

— Врешь, Сашка, смотри лучше! — смеется Иван.

— А ты докажи, что не полевки! — закипятится Сашка. — Да я, да я!.. — пойдет хвастаться, как всегда. Иван ему ничего не скажет, вынет из кармана нетронутую шишку, подзовет собаку, заставит пожевать, а потом всем показывает: погрызы одинаковы.

И вот как-то мы шли высокой сосновой гривой, Иван вел не по затескам, а напрямик. Кроме его собаки, все остальные — на поводках. Вдруг его Пальма залаяла в стороне. Иван убежал на лай, но сейчас же вернулся:

— Сашка! Медведь! — промолвил он срывающимся голосом. — Пули есть?

Пулевых патронов у Сашки не оказалось.

— На ружье! Стрелять будешь. А мне давай аппарат — снимать буду!

Они побежали, Сашка впереди, Иван сзади. Через минуту мы услышали крик Ивана:

— Куда бежишь? Ложись!.. Ползи!.. Да кто так ползет? Голову, голову уברי!..

Мы хохотали до слез. Каждому, кроме Сашки, было ясно, что никакого медведя нет. А Сашка полз, выгибая спину, как большой кот. Сзади, покрикивая, шел Иван и фотографировал, хотя умел только переводить кадр и щелкать затвором.

Потом они оба скрылись в кустах, и вскоре раздался выстрел, завизжал какой-то зверь. Залаяли все собаки, грянул еще выстрел, послышался крик Сашки:

— Сюда-а-а!..

Мы спустили собак, бросились на зов. На полянке Сашка, пытаясь перезарядить ружье, бегал вокруг сосны. А за ним гонялся Иван, отчаянно бормоча: «Отдай ружье, дурак, отдай ружье».

Кто-то еще выстрелил, и с сосны, обламывая на лету сучья, свалился медвежонок.

— Эх, какого зверя из-за вашей дурусти погубили! Да мы бы его живьем взять могли!— подвел итог всем шуткам Валерий.

Оказывается, Иван увидел, как какой-то небольшой бурый зверь мелькнул в кроне сосны. «Росомаха!» — торпливо решил он и бросился назад, чтобы разыграть Сашку. Сашка пополз, увидел медвежонка и выстрелил. Но, поспешив, промазал. Иван, обнаружив свою ошибку, мгновенно сообразил, какой опасности подвергаются они оба: медведица, если она где-то рядом, могла броситься на выручку детеныша, а в ружье у Сашки всего один патрон и тот дробовой. Иван кинулся, чтобы перезарядить ружье, но Сашка был верен себе: он не хотел делить славу медвежатника.

Получилось обидно и глупо. Загубили медвежонка. На зверовой охоте нет места для шуток.

К счастью, медведица ушла так далеко, что собаки, пустившись по следу, догнать ее не смогли и примерно через час вернулись.

Вечером на привале только и разговоров было что о медведях. Придет медведица за медвежонком или нет? Предлагали Сашке пойти покараулить ее на тропе, а то она по ошибке может и невиновных обидеть.

— Товарищ медведь знает кого съест!— заявил Иван и лег спать. Потом добавил серьезно, волнуясь и тщательно выговаривая слова:— Ронжа — глупая птица, не знает что кричит. Иван Куриков восемнадцать медведей убивал. Сегодня Иван Куриков глупей ронжи был.

В пути встретился бурундучок.

А Сашка всю ночь не спал, кочегарил. Всю ночь горел костер. Нет, Сашка не боялся, что придет медведица. Он просидел ночь у костра потому, что думал.

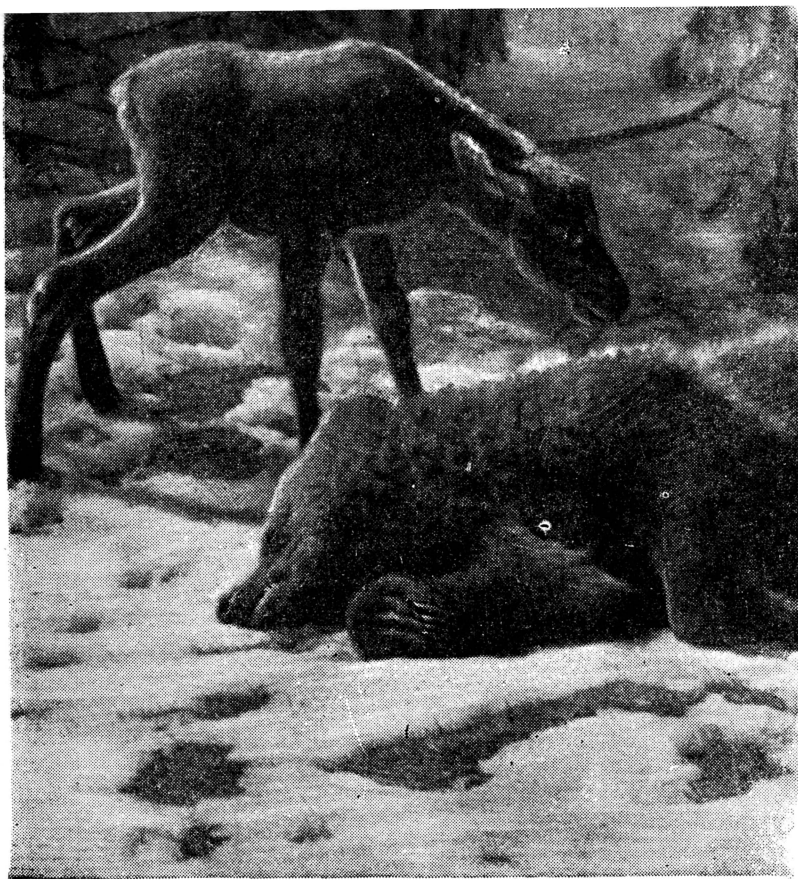
Это очень хорошо, когда за плечами неполных двадцать лет, когда выбрал себе нелегкий путь таежника и после трудного дня можешь продумать ночь напролет. Значит, есть о чем, есть над чем, значит, чему-то уже научился.

Найденыши

В поисках бобровых поселений мы поднялись на моторке вверх по реке Нерпье. Вечерело, решили остановиться на ночлег. Минут через сорок, когда затих стук топоров и уже закипал котелок на костре, наша собака вдруг вскочила и, натянув поводок, оцетинилась и заворчала. Мы прислушались. В той стороне, куда смотрела собака, слышались звуки, напоминающие мяуканье котят. И не успели мы еще сообразить, что это такое, как в конце поляны мелькнуло какое-то рыжее пятно. Потом оно увеличилось, и медленно, неуклюже переставляя длинные, еще такие непослушные ноги, плечо к плечу на поляну вышли два маленьких рыжих лосенка.

Собака залилась неистовым лаем. Но лосята, не обращая на нее внимания, все так же рядом, время от времени подавая голос, бесстрашно приближались к костру. Было что-то комическое и в то же время чрезвычайно трогательное в этом спокойном шествии двух несмышленых зверенышей навстречу людям, навстречу оскаленной пасти собаки. Аркадий, шепнув нам, чтобы сидели спокойно, тихонько поднялся и, протянув лося-

Лосенок и не подозревал, что это — убийца его матери...

там руку, громко зачмокал губами. Лосята бросились на его зов. Они подбежали, начали тыкаться мордочками в руку, пытаясь ухватить губами жесткие пальцы охотника. А он, продолжая держать одну руку перед ними, другою стал тихонько оглаживать лосят. И, странное дело, они совсем не боялись этих прикосновений, а даже наоборот старались потереться о ногу человека. Собака перестала лаять и удивленно смотрела, как ее хозяин ласкает рыжих зверят.

Аркадий пошел к костру, а лосята наперегонки бросились за ним, как за матерью.

— Что делать будем? Видать, сиротки они. Больно голодны уж...— промолвил он.

Да, задача не из легких. Лосят необходимо сейчас же накормить, а молока у нас

нету. И что с ними делать дальше?

Мы растворили в кипятке немного сахара и сливочного масла, а когда вода остыла, стали поить лосят из ладошки. Сперва они пытались ухватиться за палец, но потом, видимо поняв, в чем дело, жадно припадали к ладоням и втягивали в себя это искусственное молоко.

За приготовлением пищи и кормлением лосят незаметно пролетела короткая двухчасовая ночь. Горизонт уже заалел, а тьма превратилась в белесый предутренний сумрак. Нас волновала мысль: что произошло с лосихой, почему лосята одни?

— Побродим с часок близости,— предложил Аркадий.— В следах покопаемся, авось разберемся. Коли жива матка, все равно след даст.

Минут сорок мы пробродили в окрестностях табора. Следов лося было очень много, но все старые. Наконец, с той стороны, откуда пришли лосята, раздался призывный крик...

Я прибежал последним, Валерий стоял, удрученный над какой-то серой кучей... Это был труп старой лосихи, сверху присыпанный ветками.

Вот что удалось нам выяснить по следам. Лосиха, оставив детенышей в черемуховых зарослях у реки, отправилась на кормежку, и, когда проходила по узенькой тропке в ельнике, из-за громадного выворотня на нее бросился медведь. Лосиха рванулась и метра четыре проволокла хищника за собой. Но тот, продолжая держать жертву одной передней лапой за спину, другой уцепился за ель и задними лапами уперся в землю. Огромные следы когтей избороздили кору елки. Лосиха остановилась, и через несколько минут все было кончено.

Это случилось сутки назад. А сегодня медведь не приходил. Молча мы возвращались к костру, потрясенные таежной драмой. Страшная картина смерти развернулась перед нами в такое чудесное весеннее утро, когда лес так и полыхал жизнью. Лопались почки на черемухе, с дерева на дерево перепархивали юрки, над рекой гонялись друг за другом чирки, и где-то вдали булькали и журчали тетеревиные голоса. А у нашего костра, тесно прижавшись друг к другу, лежали два маленьких рыжих лосенка-сироты, которых без нашей помощи обязательно постигнет участь матери.

У нас было очень мало времени на обследование

Нерпы, но бросить лосят мы не могли. Напив еще раз сладкой водичкой, мы погрузили их в лодку, заревел мотор, и лосята поехали в Вершину. Может быть, удастся спасти их, заменив лосиное молоко коровьим.

С лосятами уехал Аркадий, а мы с Валерием остались продолжать работу. Нам очень хотелось наказать медведя. К вечеру мы вернулись к трупу лосихи и устроили засаду. Ночь просидели безрезультатно, медведь не пришел.

На зорьке послышался стук мотора. Это возвращался Аркадий. Покинув место засады, мы было уже направились к реке, вдруг по лесу раскатился выстрел, а через мгновение мотор затих.

— Утятин захотел, — смеялся Валерий. — А теперь мотор целый час заводить будет.

Вышли к реке — лодки нет. Пошли по берегу ей навстречу. И за первым же мысом наткнулись на такую картину. Потрескивая, разгорается костер, Аркадий суетится у него. А рядом две лайки злобно теребят тушу убитого медведя.

Это был удачный выстрел. Медведь сидел на берегу, и кусты его хорошо маскировали. Лодка уже проходила это место, когда Аркадий обратил внимание, что обе собаки напряженно всматриваются в какой-то куст. Медведь! В стволах ружья были дробовые патроны. Бросив управление лодкой, Аркадий успел выдернуть один патрон с дробью и заложить пулю. В этот момент медведь вскочил и с легкостью, неожиданной в таком грузном теле, бросился наутек.

Выстрел прозвучал, когда бурая медвежья спина последний раз мелькнула в

ельнике. Аркадий причалил к берегу. Собаки бросились в лес и через секунду громко залаяли. Когда подоспел хозяин, медведь уже был мертв.

Через неделю мы вернулись в Вершину. Наши лосята за этот короткий срок заметно подросли, только их ноги оставались такими же до смешного неуклюжими, особенно задние. Они цеплялись одна за другую, как-то странно подгибались, будто не лосенок управляет ногами, а ноги лосенком. Что ж, ведь у людей тоже бывает такой возраст!

Лосята свободно расхаживали по двору и с любопытством безбоязненно обнюхивали все предметы. И, удивительно, — злые зверовые собаки, когда лосенок приближался к ним, немедленно вставали и уходили в сторону, даже не взлаяв. Видимо, и они уже считали наших лосят за домашних животных.

Когда из лодки выгрузили медведя, один из лосят все так же смело подошел к нему и тщательно обнюхал. Откуда знать маленькому рыжему теленку, что этот мохнатый зверь задрал его мать, и что самого лосенка, не приди он к людям, неминуемо ждала такая же судьба.

Пелымские кедры

В середине прошлого века на Пелыме побывал известный сибирский краевед Словоцов. Он и назвал полюбившийся ему Пелымский край «краем кедр и соболя». Образное название это дожило до наших дней и сегодня, может быть, даже в большей мере, чем во времена Словоцова, отражает истинную картину богатства Пелымских лесов.

Мы спускаемся вниз по

реке. По берегам группами и поодиночке высятся могучие кедры, резко выделяясь на фоне других деревьев густотой и развесистостью темно-зеленых крон. Вот два дерева-великана низко склонились над рекой, схлестнувшись разлапистыми вершинами. Не ими ли любовался Словоцов сотню лет назад? Ведь каждому из этих великанов не менее трехсот лет. Но и сейчас еще они продолжают плодоносить. На ветвях сквозь густую хвою можно разглядеть маленькие зеленые шишечки — «озимь». Неплохо бы побывать здесь осенью, когда «озимь» превратится в крупные, с кулак величиной, шишки, наполненные вкусными семенами, кедровыми орешками.

А вот еще одно очень интересное дерево. Сразу и не поймешь что это: ствол сосновый, а ветви кедровые. Это естественный гибрид сосны и кедр.

Сейчас трудно сказать, как это получилось, то ли кедровка затащила в расщеп сосновой вершины орешек или иным путем он попал туда. Ясно лишь одно, что полжизни дерево было сосной, а потом стало кедром. В природе такие деревья встречаются очень редко. У нас на Урале известно менее десятка.

А вот ученые нашли способ искусственно прививать кедр на сосне. Представьте, как здорово было бы, если

бы каждое дерево в наших сосновых лесах вместо маленькой сосновой шишки давало крупную кедровую! Сколько орехов можно набрать в таком лесу! А ведь кедровый орех не только лакомство — из него получают кедровое масло, ценнейшее сырье для нашей промышленности.

Редко можно встретить чистые кедровые леса, хотя и такие есть на Пелыме. Обычно кедр растет вперемежку с другими деревьями: елью, сосной. Лес, где хотя бы одна треть деревьев — кедр, уже считается кедровником и взят под защиту закона. Промышленные рубки в таких лесах запрещены.

До 1957 года кедровники по Пелыму еще не были учтены. Но даже и в этих условиях местные жители очень бережно относились к кедрам... Был с нами такой случай. Посчастливилось Валерию убить россомаху. Он снял с нее шкуру, подошел к первому же попавшемуся дереву на тропе, вытащил топор и хотел по мансийскому обычаю сделать затес в память об удаче. Проводник схватил его за руку.

— Почто спешишь, парень? Нельзя дерево портить!

— Как нельзя? — удивился Валерий. — Вон сколько твоих затесок по тайге встречали. Вчера у речки на сосне видел — лосиная нога вытесана. Твоя «тамга» поставлена.

— Моя! — соглашается проводник. — Так то на сосне, а ты кедр портить хотел.

Сколько потом мы находили охотничьих знаков, вытесанных на деревьях, — ни одного не было на кедрах.

Труден кедровый промысел. Для того чтобы добраться до шишек, нужно залезть на высоту тридцать, а иногда и сорок метров по

гладкому, лишенному сучков стволу. Очень это трудно, но здесь никто не станет рубить кедр ради того, чтоб собрать урожай. Каждый знает, что это вредительство.

Посмотрел я на труд шишкарей пелымских, и вспомнился мне Красноуфимск. Буйные заросли черемухи обрамляют берега и старицы реки Уфы, одной из красивейших рек Урала. Выйдешь весной на берег — ветер волну за волной наносит запах черемухового цвета. А осенью кусты усыпаны гроздьями глянцево-черных ягод. Сотни людей устремляются сюда за ними, с котелками, мешками, чемоданами. Сколько вершин, ветвей, да и самих деревьев ломают эти сборщики, а сколько и совсем срубят? Неужели там не найдется людей, вроде нашего проводника, которые возьмут вредителя за руку и скажут: «Нельзя дерево портить!»?

Многому, очень многому можно поучиться горожанам у пелымских жителей, а главное, тому, как беречь богатства наших лесов.

Соболи тайны

Где кедр, там и соболя — это каждый охотник слышал. А вот пятьдесят лет назад средь пелымских кедров встреча с соболем, даже со следом его, была большой редкостью. Не всякому охотнику удавалось добыть этого ценного зверька. Еще Слозцов писал, что количество соболей в пелымских лесах быстро сокращается. А в начале двадцатого века многие русские ученые заговорили о том, что в результате хищнического истребления соболя в России скоро будет полностью уничтожен.

При Советской власти охо-

ту на соболей запретили. Перед учеными встала задача: восстановить запасы зверька. Но как?

Одни предлагали разводить соболей в клетках, а в лесах с ними не возиться. Другие возражали: соболят, родившихся в неволе, надо выпускать в природу — пусть множатся там. Третьи советовали отлавливать соболей там, где они еще остались, и переселять в места, пригодные для их обитания.

Слабым местом всех «клеточных» теорий было одно — будет ли соболя размножаться в неволе?

Сторонники клеточного разведения вначале терпели неудачу за неудачей. Соболя в клетках не давали приплода. Лишь в 1929 году в Московском зоопарке уральская соболюшка по кличке Кривой Зуб родила соболят.

Зверофермы одна за другой тоже докладывали о своих успехах. Клеточное соболеводство стало бурно развиваться.

Одновременно проводились большие работы и по расселению соболей. Узнав сроки размножения зверька, охотоведы научились правильно проводить отлов и выпуск его.

Самых дорогих, смолисто-черных соболей отлавливали в Баргузинской тайге и возили во многие районы Сибири.

Две партии баргузинских соболей были выпущены и у нас, в междуречье Пелыма и

Лозьвы. Прижились они хорошо, но оказалось, что местные уральские соболи, взятые под охрану закона, так быстро восстанавливались в числе, что «ложка баргузинского дегтя» растворилась в бочке «уральского меда» — горсточка темных зверей растаяла в массе светлых уральских.

— А ведь и у нас охотники пытались разводить соболей в клетках, — рассказывал старый охотник Дымков из поселка Портах. — Поймают весной соболюшку и держат в клетке. Случалось, что и соболят она в ней принесет. Тогда их всех кормят до осени, а как шкурка поспеет — забьют. Да только теперь ни к чему нам это дело, соболями богаты стали. На что я старик, и то штук до восемнадцати в год ловлю, а есть которые и по семьдесят промышляют.

Старик говорил правду, сегодня соболь стал одним из самых многочисленных зверей Пельмской тайги. В этом мы убеждались на каждом шагу.

Идешь по тропе и почти на каждой колодине видишь соболиные пометки. А в тех местах, где еще сохранился снег, встретишь целые дорожки, протоптанные зверьками.

И собакам нашим соболя доставляли немало забот. Обычно в весеннюю пору собак в лес не берут, но нам они были необходимы (мы проводили учет зверей и птиц). Уйдет собака за соболем и полдня не возвращается. Приходилось или ждать или идти на лай и уводить от дерева, на котором спрятался зверек: занимайся делом, для которого тебя взяли!

Однажды было так. Проснувшись на утренней заре, мы услышали метрах в пятидесяти от нас характерное

глухариное «скерканье». Наша собака бросилась в сторону звука. Насторожились и мы.

Хотя, по правде сказать, на этот раз нас интересовали не столько наблюдения над глухарем, сколько наши желудки. Вот уже двое суток как в рюкзаках остались лишь сухари, соль и немного сахара.

Проходили минуты, но Лапка молчала. «Неужели не нашла, ведь глухарь где-то рядом?» — думали мы. Наконец далеко-далеко послышался приглушенный расстоянием лай. Ай да Лапка, нашла все-таки!

Я схватил ружье и побежал к собаке. Вот она уже совсем рядом. Вытянувшись в струнку и лишь слегка помахивая колючком хвоста от нетерпения, Лапка устремила взгляд на вершину кедра и лает — звонко, с азартом.

Завидев меня, она перебегает на противоположную сторону дерева и лает еще громче, взалхлеб.

Стрелять мне не пришлось. С вершины кедра раздавалось совсем не глухариное рычание. Гру-у-у, гру-у-у!

Это был соболь. Хвост его, тронутый весенней линькой и совершенно потерявший былую пышность, тускло желтел среди зеленой хвои и раскачивался в такт рычанию.

Долго мы с Валерием гоняли соболя с дерева на дерево, пытаюсь сфотографировать с помощью нашей далеко не совершенной оптики, а потом, отчаявшись, взяли Лапку на поводок и ушли искать глухаря.

Оказалось, что глухарь, голос которого мы слышали, кормился на земле вытаявшей из-под снега клюквой. Соболю попытка подкрасться к нему, но неудачно. Глу-

У мотора скверный характер — пора в путь, а он не заводится.

харь заметил зверька и, взлетев на дерево, тревожно «скеркнул».

Лапка, бросившись на голос, перехватила соболиный след и ушла по нему. Все это удалось выяснить по следам.

Так один таежный житель предал другого. К счастью для соболя, это случилось весной, когда убивать его нельзя.

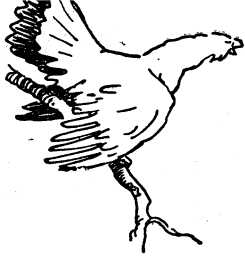
А предателя-глухаря, к нашему большому сожалению, так и не удалось отыскать. Мы довольствовались чаем, крепко заваренным березовой «чагой» с сухарями.

К вечеру Лапка нашла нам другого глухаря.

* * *

Самый трудный маршрут мы решили отложить до второй половины мая, когда будет теплей. Дело в том, что на протяжении всей реки Атымь нет ни одной избушки, и заболоченные берега в полую воду почти непроходимы. Нам с Валерием нужно было подняться в вер-

ховья реки и от туда спуститься до устья, изучая встреченные бобровые поселения. Частые завалы на реке не дают возможности пользоваться лодкой, и поэтому весь путь туда и обратно, всего около ста пятидесяти километров, предстояло пройти пешком. Мы рассчитывали, что за семь суток сумеем справиться.

Через несколько дней мы достигли верховьев речки. Вечером сильно похолодело, солнце спускалось к горизонту каким-то темно-красным грибом. По небу неслись низкие рваные облака, а далеко на юго-западе мерцала и переливалась узкая полоса зеленоватого цвета — где-то на Уральском хребте выпал снег.

Надвигалась непогода.

Три дня с утра до вечера мы мяли снег, проваливаясь в скрытые под ним промоины и ямы. Но сколько радости было, когда, наконец, удалось найти и описать поселения бобров, тех самых бобров, которых два года назад мы с Валерием выпустили в этих местах. Десятки поваленных берез по берегам, погрызы на кустах ивы и следы на снегу рассказывали нам о жизни этих удивительных зверей.

Через несколько месяцев мы вновь вернемся сюда, привезем пелымским бобрам пополнение — сорок сородичей, пойманных под Воронежем.

Когда мы подходили к деревне, было тепло, ярко светило солнце, заливались на разные голоса птицы.

Завтра домой. До свиданья, край кедра и соболя, край нетронутых лесов, край непуганых зверей и птиц. До скорого свиданья!

Уральские писанцы

4. Камень

Автор многих интересных детских книг об Урале краевед А. Бармин опубликовал в «Уральском следопыте» в 1935 году очерк «Край, делающий свою историю». В нем он дал описание Вишерского писанца. Печатаем отрывок из очерка и отзыв ученого-археолога В. Н. Чернецова на объяснение Барминым наскальных рисунков.

Есть на Вишере Писаный Камень. Это целая гора высотой с девятиэтажный дом, которая отвесно обрывается в реку. В одном месте из горы выступает узкий наклонный карниз, он начинается у самой воды и кончается вверху, на полугоре.

Писаным этот камень назвали потому, что на нем видны изображения: разные фигурки и значки, сделанные красной краской. Должно быть, очень прочная эта краска. Лет двести назад один пленный швед, попав на Вишеру, рисовал эти изображения. И сейчас на горе видны те же самые рисунки.

Я бы в них ничего не понял, да, на мое счастье, повстречался мне на Вишере Пушвинцев — краевед, лесовод и геолог. Он не то сдавал, не то принимал какие-то лесные участки.

Пушвинцев перевел мне картинку на понятный язык. Оказывается, левым рисунком увековечен спортивный рекорд, поставленный сотни лет назад.

Можно даже по фамилии назвать героя этого подвига. Кружок с крестиком — это тамга (родовой знак) манси Бахтиаровых. Их потомки и сейчас живут на восточном склоне хребта. А хвостик сбоку тамги обозначает женщину. Значит, рекорд поставила женщина из семьи Бахтиаровых. Что же она сделала? Она въехала на нарте, запряженной оленем, на самый верх карниза и благополучно спустилась вниз.

Мне стала понятна старинная легенда, которую я слышал на Вишере, о мансийской княжне, полюбившей богатыря и брошенной им. Она будто бы запрягла в нарту шестерку белых оленей, завязала себе «шары» (глаза), помчалась по карнизу и «сдвинулась» с обрыва в реку. Конечно, легенда должна быть всегда красивее были. Но только на шестерке оленей уж никак не въехать на узенький карниз.

На другом рисунке рассказана печальная история шести пловцов и трех собак, на которых напали разбойники.

Давно сделаны эти рисунки. Наверно, еще до того, как проехал Вишерой есаул Иван Кольцо по пути из Сибири в Москву. А ведь это когда было! — Кольцо из царю Ивану Грозному известие от Ермака о покорении сибирских городов.

А. Бармин

См. №№ 5, 7 и 10 за 1959 год.

на Вишере

О каком-нибудь правдоподобию объяснения Барминым изображений на вишерском Писаном Камне говорить, конечно, не приходится. Это очень поздний объяснительный рассказ, не имеющий ничего общего с возможным происхождением наскальных изображений. Олени у манси, даже у северных, появились лишь в XIII веке, а здесь, на юге, вероятно, еще позднее. Что касается изображений на Писаном Камне, то самые поздние из них, видимо, относятся не позднее, чем к началу первого тысячелетия нашей эры.

Тамга Бахтияровых ни в одном из известных мне вариантов не имеет и отдаленного сходства с «кружком с крестиком». Один из знаков в левой нижней части Писаного Камня похож скорее на родовой знак Сампильталова.

Бармин пишет: «Она въехала на нарте, запряженной оленем...» Но на одном олене манси никогда не ездят.

Весь рассказ (в менее приукрашенной форме) приведен в очерке Н. Ончукова «По Чердынскому уезду», напечатанном до революции: «Ничего не знают о ней (то есть писанице — В. Ч.) и вогулы, у которых я также спрашивал о иероглифах. Не описана ли здесь примитивным способом легенда про Писаный Камень: на нем до сих пор показывают карниз, начинающийся от воды и под углом, градусов 45, идущий до вершины одного из камней. Карниз 1—1½ сажени шириной... По нему будто бы некогда зимой поднялась снизу вверх и спустилась вниз вогулка на оленях. «Билась об заклад», на бутылку водки; вогулка, чтобы не было страшно, завязала платком глаза».

Думаю, что этот рассказ скорее русского происхождения.

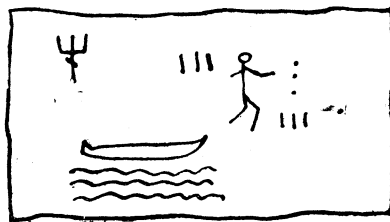
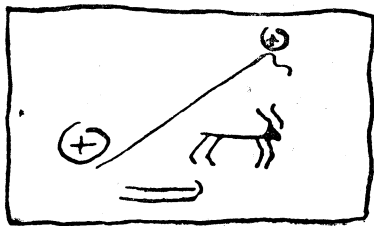
Еще более сомнительна «печальная история шести пловцов и трех собак, на которых напали разбойники».

В. Чернецов

* * *

Итак, два мнения: объяснение краеведа Бармина, отзыв ученого Чернецова. Каково же настоящее происхождение наскальных изображений на Вишере?

Может быть, кто-нибудь из наших читателей слышал другое объяснение этих рисунков?

Оказывался...

Баобаб — одно из самых толстых деревьев на земле. Ствол его бывает до 45 метров в поперечнике.

Оказывается, это гигантское дерево не горит в огне. У жителей Африки есть даже такая поговорка: «Хорош баобаб, но костра из него не разведешь».

Многие считают, что название сибирской реки Лены произошло от женского имени. Но ни о какой знаменитой девушке Лене, связанной с сибирской рекой, нигде в истории не упоминается.

О к а з ы в а е т с я, название этой реки произошло от якутского слова Елюёна, что означает в переводе на русский язык Большая река.

ПРОИСШЕСТВИЯ...

ПРОИСШЕСТВИЯ...

ЧУЖИЕ ДЕТИ

На звероферме колхоза имени Карла Маркса, Верхне-Уральского района, в декабре прошлого года появились лисята. Но лисица-мать не признала своих детей. Она настойчиво отказывалась от беспомощных малышей, не хотела их кормить. Тогда лисята подложили кошке. Она обнюхала крошечные комочки и тут же удовлетворенно их облизала.

Кошка начала носить малышам мышей, птиц. Лисята быстро подросли и стали больше матери. Они бегали, кувыркались, прыгали, иногда вдруг начинали лаять. Кошка тогда вскакивала на что-нибудь высокое и подозрительно смотрела на своих питомцев.

Вскоре лисят унесли на звероферму, кошка заскучала, заскучала и лисята. И как они радовались, когда к ним «в гости» приносили мать!

Рисунки Л. Полстоваловой

ОДНАЖДЫ зимой мы с соседом Ванюшкой Ермаковым возвращались с охоты. Вышли на полотно железной дороги. И тут Ванюшка, выстрелив навскидку, убил наповал зайца. Связав ему веревкой ноги, Ванюшка приладил зайца себе на спину, и мы двинулись дальше.

Прошли шагов сто, вдруг слышу крик. Оглядываюсь: мой приятель лежит на шпалах между рельсами и, обхватив голову руками, кричит благим матом. А на нем «убитый» заяц со связанны-

ми ногами забился, заверещал.

Ну, помог я Ванюшке подняться. В чем дело?

— Мне показалось, — говорит Ванюшка, — что на меня паровоз налетел и я попал под колеса. Как начал меня колотить по спине!..

Почему же заяц был убит и вдруг ожил?

Осмотрели его. Раны нигде не было. Только около ушей чуть сорвана шерсть вместе с кожей. Оказывается, выстрел только оглушил бедного косога.

А. АНДРИАНИ

* * *

ОДНАЖДЫ поздним вечером охотники устроили привал.

— Помдги-ите! — эхом прокатилось по лесу.

Они схватили ружья и побежали к реке. На лужайке, на другом берегу, огромный филин стремительно налетал на девушку. Парень, что был с нею, махал палкой, защищаясь. Хищник увернулся от удара, налетел сзади и клюнул парня в голову, затем набросился

опять. Парень вскрикнул и зажал раненое ухо.

Что делать? Стрелять? Дробь пойдет россыпью — поранит людей. А вот-вот будет совсем темно, птица станет еще сильнее.

Один из охотников кинулся с берега в воду и через несколько минут вернулся с громадным филином в руках. Клюв его был необычайно загнут и покрыт костяными наростами, словно какими-то лишаями. Ему было лет пятьдесят — филины живут и дольше.

Почему же он на людей напал?

— Ясное дело — разбойник! — объяснил один старый охотник. — Увидел, что люди с готовой рыбкой сидят, ну, и захотел отнять. Не лови рыбу на филиновом месте!

* * *

ОДНАЖДЫ в диком, мрачном лесу, когда я шел с охоты, где-то совсем рядом со мною раздался звук «бгээа-бгэээ!» Я знал, что так кричит бекас. Но сколько я ни вертел головой,

увидеть птицу не мог. Я остановился недоумевая. Блеяние возобновилось с такой силой, словно стадо овец окружило меня. «Что за диво!» — растерялся я, окончательно сбитый с толку, чувствуя, как холодные мурашки бегут по моему телу.

Невольно вспомнились мне страшные истории о «лешеньке - барашеньке», слышанные в детстве. Говорили, что это нечистая сила кричит в лесу голосом, похожим на баранье блеяние. И она может погубить человека в болоте.

Готовый поверить в сказку о лешеньке-барашеньке, я заспешил из мрачного леса, полез напролом через заросли кустарника.

Не сразу я догадался, что меня пугало. Наконец, я увидел бекаса. Высоко над лесом трепетала в небе черная точка. Это был он. Набрав высоту, бекас сложил свои узкие крылья и камнем пошел вниз. «Бгээа-бгэээ», — раздалось возле меня у самого уха...

Развлекается, лешак!

В. СМЕРНОВ

I. Что рассказал старик

Началась эта история в вагоне пригородного поезда.

Мы ехали на Шунут-Камень. Завязался обычный дорожный разговор с нашими спутниками по тесно набитому купе. Узнав о том, что туристы Свердловского Дворца пионеров едут выполнять какое-то специальное задание и организуют свой краеведческий музей, пассажиры с интересом расспрашивали нас.

— Раз вы открыватели, — вмешался в общий разговор сидевший напротив старичок, с хитринкой в глазах, — то вам бы следовало найти Планидин клад, что находится близ Шунут-Камня.

— Клад? — все головы повернулись в сторону старика.

— Именно... Найти его не так просто. Да и слыхивали ли вы о Планиде-то?

В глазах юных следопытов загорелся огонек интереса.

— Ведь и рассказывать вам, поди, не следует, безбожники вы все нынче, а те места святые. Лет сто ходят туда люди на поклонение. Сказывают, помогает это от хворостей. Самому мне там побывать не довелось, а родители мои ходили, когда я еще был мальчиком. Годков поди, шестьдесят прошло с тех пор. Слышал, что верст тридцать надо пройти от Верхних Серег по лесу и дойти до каменных ворот, что близ Шунут-горы. Неподалеку дерево старое, сразу от других отличить можно, в два обхвата толщиной, и знак на нем. Тут и тропу искать надо. Только не каждому дано той тропой дойти до места, где девка Планида живет. Отметины на деревьях надо искать. Одним словом, места те святые,

— Смейтесь, смейтесь,— продолжал старик, увидев наши иронические улыбки,— а народ-то не зря туда ходит, да и история с Планидой не совсем обычная. Вишь ли, девка жила в селе одном, что над Утом. Видная собою была да статная. И полюбился ей молодец с их же села, а отец против был. Ну и выгнал ее из родного дома. Много лет прошло с тех пор, люди уже и забывать стали о том случае, но однажды охотник из той же деревни встретил в глухом лесу девку, лицом похожую на Планиду. Все, кто ее помнил, стариками стали и умерли многие, а она, как была красавица, такой и осталась. Говорят, ключ, в котором она умывалась и воду брала, святым оказался. Узнав про это, много народу стало ходить к тому ключу и молиться около него. И после этого в знак благодарности деньги в ключ бросали — кто медные, кто серебряные, а кто и золотой бросит, смо-

Что в яме?

тря по достатку. Старец один совсем больной пришел и тот здоровым стал. И еще шире пошла молва о Планиде, еще больше богатства скопилось в ее ключе. Так до самой революции продолжалось, а потом меньше стало ходить людей к ключу, все больше старики да старухи.

Другие времена пошли, да и сама Планида занемогла, ведь ей больше ста лет было от роду. Перед смертью гроб себе заказала мраморный и каменный крест около ключа велела поставить. А куда золото спрятала — никому неизвестно.

Рассказ старика мы слушали с интересом. Что тут правда и что нет? Ясно, что в основе этой легенды лежит доля истины: вероятно, здесь был целебный минеральный источник, а шарлатаны использовали религиозный фанатизм темных людей в своих целях — для личного обогащения.

Мы решили единодушно: разыскать «клад» и раскрыть его «тайну» для тех, кто еще верит в его «сверхъестественную» силу, кто легко попадает на удочку всяких обманщиков и шарлатанов.

2. Каменные ворота

Переночевав в Полевском, утром мы вышли на Азов-гору и пошли дальше на запад. Спустя сутки, углубились в дремучий лес Коноваловского увала.

Нависшие от сырости ветки ельника и поваленные друг на друга стволы деревьев, с вздыбившимися высоко корнями, мешали движению. К вечеру мы изрядно устали. Пришлось заночевать. На следующий день вышли к Шунут-Камню. По крутым отвесным скалам, помогая друг другу, добрались до вершины.

На десятки километров вокруг простирались дымчато-зеленые леса, кое-где прорезанные голубыми нитями рек и зеркальцами озер. Грозными стражами тайги казались зубцы диких скал Шунут-Камня.

Двигаясь вдоль гряды скал, мы тщательно осматривали все расщелины, надеясь найти каменные ворота. Но ничего похожего не встретили. Долго бы продолжались поиски, но помог случай: мимо нас стрелой пролетела и взмыла высоко на скалы, держа в когтях какую-то добычу, огромная птица. Ребятам захотелось поймать редкий экземпляр сокола-бала-

бана: юннатам дворца пригодится. По глубокой расщелине, промытой в граните вешними водами, с большим трудом Олег, Толя и я поднялись к вершине скалы.

Кажется, мы достигли цели, уже близко гнездо, из которого выглядывают головы птенцов с широко раскрытыми клювами. Но впереди еще десять метров отвесной скалы, преодолеть которые невозможно. Разочарованные, мы присели отдохнуть. И вот тут-то, с высоты, Олег обратил внимание на скалу с причудливыми очертаниями — прямо напротив нас. Она стояла отдельно от основного массива и имела форму буквы «Г», образуя небольшой проход среди гранитного хребта.

— Так это и есть каменные ворота!

3. Тайник в лесу

Рассыпавшись цепочкой по склону горы, мы стали прочесывать лес, подступивший к скалам, тщательно осматривать каждое толстое дерево. На черном от времени стволе одной сосны, наконец, увидели светлую полоску. Похоже на записку. Так и есть! Под слоем серы — химическим карандашом написано слово «Планида» и нарисован крест.

Через несколько минут нашли еще такой же знак.

Определив по компасу направление меток, осторожно двинулись дальше. Метки стали попадаться через каждые сорок — пятьдесят метров. Они были хорошим ориентиром.

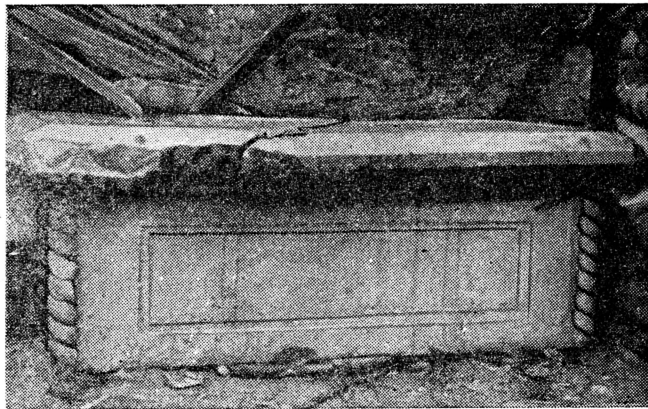
Внезапно Слава и Юра, наша передовая разведка, остановились, подав условленный знак: «Скорей, к нам!» Весь отряд бросился к ним.

— Смотрите, следы!

Около свежерытой ямы виднелись отпечатки чьих-то сапог. А вот и две ямы правильной овальной формы.

— Кому понадобилось копать ямы в такой глуши?

Стали искать ключ к этой загадке. По следам определили направление, куда мог уйти человек, поднялись на склон оврага — посмотреть, нет ли следов там. И вдруг еще находка: под корнями дерева, в углублении, Толя обнаружил тайник, в котором лежали какие-то предметы. Расчистив проход в тайник, проникли в него. Кайло, лопата, самодельные охотничьи лыжи, топор, котелок и

Есть под плитой клад или нет?

одежда — вот что хранилось в нем. Голубая, выцветшая от времени рубашка с косым воротом была покрыта ржавыми пятнами.

— Да это кровь!

Неожиданно для себя мы стали свидетелями какой-то тайны.

Тщательно описав найденное и уложив все на место, мы двинулись дальше.

4. У Планиды

Через два километра метки исчезли. Обескураженные направляющие растерянно бросались то вправо, то влево, но меток нигде не было. Решили продолжать движение по тому же азимуту.

Скоро на обрывистом берегу лесной речушки показались крыши двух изб. Со всех сторон они были окружены лесом, только в сторону ручья, журчащего внизу, вилась едва заметная тропинка.

Никто не вышел нам навстречу, кругом безлюдно. В первой избе, кроме печи, лавок да стола, ничего нет. Под крышей другой избытки стоял большой мраморный гроб с витой резьбой по углам и надгробию. На массивной крышке его лежал череп.

Мы вышли и стали спускаться по тропинке к ручью, где заметили двери маленьких землянок, выкопанных в обрывистом берегу. Открыли дверь одной из них и попали в тесную келью.

В подвешенном к потолку мешке нашли хлеб. Был в келье и каминчик. Значит, кто-то еще недавно здесь жил.

Близ землянок мы увидели ключ, стиснутый бревенчатым срубом. Дно ключа

ча было покрыто слоем позеленевших монет. Виднелось много серебряных рублей.

— Вот здорово! Сказка-то правдой оказалась,— ахнул Гера и полез, как был: в ботинках и лыжном костюме, в родник. А вскоре невдалеке Саша, провалившись ногами в какую-то яму, обнаружил потайной подземный ход.

Освещая фонариком крутые ступеньки, мы спустились в мрачное подземелье. Остатки восковых свечей, кресты на стенах и лампы. Выходит, мы в подземной церкви.

— Вот тебе и клад,— протянул разочарованно Алеша.

— Стоило ли сюда лезть?

Тем временем Слава сделал еще одну находку. Под слоем сухой травы лежала большая чугунная плита. С трудом сдвинули ее в сторону и обнаружили выложенный из камня, скрепленного известковым раствором, склеп. Рычагами, сделанными из толстых сучков, попробовали открыть. Безрезультатно. Надо было обстоятельно копать землю вокруг склепа. Решили, что лучше спрятать все и сообщить о находке в музей, а в будущем году продолжать поиски.

5. Снова в путь

Целую зиму ребята с нетерпением ожидали нового похода на Планиду.

Кружковцы работали в архиве, в библиотеке, но никаких материалов о существовании сект в районе Шунут-Камня не нашли.

— Кыш ты, проклятый! —
взмахнула палкой старуха.

— Нужно поразузнать у местных жителей, — предложили они.

— Правильно! Маршрут разрабатывайте через населенные пункты, чтобы побольше расспросить старожитов, — поддержал я ребят.

И вот мы снова в пути. На второй день отряд подошел к речке Ревде, на берегу которой раскинулись палатки геологов. Из ближайшей палатки навстре-

чу нам вышла девушка. Мы узнали в ней Риту Поторочину, инженера-геолога, в прошлом активного кружковца нашего общества «Глобус». Рита рассказала, что этой ночью у нее в палатке переночевали две старушки, идущие с «Планиды».

Удивительные старушки! Приехали из Нижнего Тагила, прошли десятки километров по тайге, чтобы выкупаться в ледяной воде. У одной из них после такой холодной купели поднялась высокая температура, отнялись ноги. Она еле дошла до нашего лагеря, а утром пришлось отправить ее на машине в больницу. Но старушка не ропщет, а наоборот, считает, что ей послано наказание за грехи.

— Удивительный фанатизм и привязанность к этому месту! Ведь там, если верить старухам, и сейчас живут люди! — заключила девушка рассказ.

Взволнованные рассказом Риты, ребята тронулись в путь.

И вот, наконец, пятидесятикилометровый трехдневный поход позади. Отряд по заросшей травой тропинке подошел к дремучему лесу, стеной окружившему Планиду.

По знакомым меткам медленно спускаемся вниз по склону Шунут-Камня.

Ребята внимательно смотрят по сторонам, стараются шагать без лишнего шума.

Неожиданно мы увидели силуэт старухи, одетой во все черное. На миг она появилась в зелени кустов и исчезла за раскидистой елью.

— Кто это? — тихо проговорил Толя.

— Люди с Планиды! — отозвалась Тамара.

— Пойдем следом, — предложил Сергей.

Весь отряд двинулся за ним.

Впереди его послышался треск сучьев под чьими-то ногами.

— Боится нас, смотрите, спешит!

Увлечшись преследованием, ребята выскочили на светлую поляну.

6. Неожиданная встреча

— Здесь прошла! — показал Сережа на проложенный в высокой траве след.

По этому следу мы вышли к Планиде. Вынув из рюкзаков саперные лопатки, мы двинулись к месту замаскированного склепа. Лопатками вырубали высокую

траву, выросшую над склепом, с огромным усилием подняли тяжелую плиту. Юра опустился в яму, встал на колени, стараясь нащупать что-нибудь в склепе.

— А вдруг там золото,— громко зашептала Люся на ухо Наде, — что тогда делать будем?

— Сдадим его, а на деньги в Крым поедим,— тихо проговорил кто-то.

Все, затаив дыхание, наклонились над ямой, не спуская взгляда с Юриных рук.

— Вы что тут озоруете, проклятые?— раздался скрипучий голос. Рядом с нами выросла фигура старухи в черной одежде с глубоко запавшими острыми глазами, с посохом в руке.— Откуда вас нечистая сила принесла?— зло процедила она сквозь сжатые губы.— И что за напасть такая! Каждый год чужие люди ходить стали!

Ребята плотным кольцом окружили нас со старухой.

— Кыш ты, проклятый!— вдруг встрепенулась старуха и замахнулась посохом на Мишу, который нацелился на нее своим «Любителем».

— Бабушка, расскажите нам о Планиде,— попросили ребята.

Старуха повторила знакомый нам сказ.

— Бабушка, а правда, что здесь Планида похоронена? — спросила Надя.

— Люди святые знают, где она покоится,— ответила старуха,— а эту могилу ноне разгульной поп Ларион обворовал. Явился весной нивесть откуда и на Планиде свой скит открыл. Образина рыжая! — старуха, с ожесточением, совсем не по-святому, плюнула на землю.

— Ход в склеп нашел с другой стороны и украл все святыни, окаянный. А вы, ребятки, идите своим путем, нечего вам здесь делать,— добавила она, спохватившись, что сказала лишнее.

Мы взяли рюкзаки и пошли в Краснояр.

— А как же проба? Ведь нам нельзя без нее возвращаться,— вдруг проговорил Толя. Он спустился к ручью и набрал бутылку прозрачной ключевой воды.

7. Рассказ о Маланьином кладе

Через сутки наш отряд подошел к старинному уральскому селу Краснояру и разбил близ него палатки. Ребята начали совещаться.

Екатерина Борисовна Скрябина рассказала о Маланье много интересного.

— Старухи не расскажут ничего, если пойдем все вместе,— горячо доказывала Люся.— Надо разбиться по группам.

На том и порешили. Ребята остались готовить обед, а девочки пошли в село.

— Скажите, пожалуйста,— обратились девочки к группе пожилых женщин, оживленно разговаривающих у входа в магазин,— вы не знаете, бывают ли здесь люди, идущие на Планиду?

— А зачем это вам, девоньки, уж не хворы ли часом? — с участием стали спрашивать их женщины.

— Идите к Екатерине Борисовне Скрябиной, вон в тот домик с белыми наличниками, что стоит последним по дороге к Увалу. Она вам дорогу к матушке Маланье и покажет,— посоветовала женщина в голубом фартуке.

Поблагодарив ее, девочки зашагали к указанному домику. На их стук вышла старушка с серым, пепельного цвета лицом. Узнав, зачем они пришли, старушка зашептала:

— Вы, красавицы, на Планиду собираетесь, или так вам что надобно?

— Нам бы, бабушка, про Маланью что-нибудь узнать: откуда она родом, как ее фамилия.

— Неведомо мне, откуда приехала Маланья, а народ говорит, раньше Антонидой Колтышевой ее звали и будто ро-

дом она из Вязьмы. Приехала она в Краснояр и на квартиру ко мне встала. На краю я живу, боязно одной-то, вот и пустила ее. Зимой-то у меня она квартирует, а летом божьими делами на Планиде занимается. Холодно лютой зимой на Планиде, так Маланья собирается в Краснояре избу отдельную ставить,— продолжала словоохотливая старушка,— с садом надумала ставить. Деньги-то бог ей посылает, верующие вон каким скопом к ней идут. Сказывают, лонись (прошлый год) на девятую пятницу более двух тысяч христиан на поклон к матушке Маланье приходило. Кто десятку, кто четвертну на божие дело дарил. Вот и скопились у Маланьи деньги изрядные. Только тут нечистый ее попутал. Приютила она попа рыжего, отца Лариона. Из Чернушки, говорят, пришел. Думала, помощником в деле будет. А тот блудным каким-то оказался. Бражничал все больше, да молоденьких девиц, что на молебны приходили, к этому подбивал. А после одного молебна забрался в гроб сваятой Планиды, смекнул, рыжий черт, где матушка Маланья деньги хранила, и украл пять тысяч. Другие-то деньги матушка в надежном месте в городе держала. Вот так и утек, бессовестный.

Теперь девочкам стало ясно, почему так проклинала на Планиде злая Маланья (ведь это была она!) косматого попа Лариона.

— А коли на Увал пойдете, у нас так Шунут-Камень зовут, дорогу спросите у Виндия Степановича. Он кротоловством у нас занимается. Все тропинки вокруг знает. Дом его стоит неподалеку,— Екатерина Борисовна указала на большой дом в центре улицы, где жил Виндий Степанович Демков.

8. «Тайна» Планиды раскрыта

— Часто я бываю в тех краях, где народ на молебны собирается,— начал свой рассказ Виндий Степанович.— Больше все больные приходят. Сначала книги священные читают все вместе, а потом по группам к воде спускаются. Сотворив молитву, мать Маланья пропускает через ледяную купель всех собравшихся мужчин и женщин. Может, болезни у них и разные, а в ключе они в одном моются. После этого одни лучше себя

чувствуют, потому что холодная вода освежает их, а другие еле ноги домой доносят. Бывали случаи, и умирали люди в дороге. Обман все это. Недаром для поднятия настроения верующих бабка Маланья после ледяного душа брагой их угощает. Здесь, неподалеку от Краснояра, Катерина Вялова живет. Заболела летом тяжело. И нет, чтобы в больницу обратиться, в Мариинское, так решила на Планиду сходить. А там эти чудо-святые чуть не уморили ее своими псалмами. Когда привезли ее домой да вызвали доктора, то узнали, что было у нее воспаление легких. Чуть было не умерла девка.

Прикурив, Виндий Степанович продолжал:

— Наши, красноярские, теперь про все «чудеса» бабки Маланьи знают, не раз убеждались в ее жадности, и поэтому предпочитают лечиться в больнице. А вот из дальних мест едут и едут: из Перми, из Саратова, из Курска и Москвы, да и из более близких — из Свердловска и Ревды, например. И более ста лет это продолжается.

— А что, если в газету об этом написать? — вымолвила Тамара.— Ведь какая польза будет!

— Верно, ребятки, надо всем рассказать о «чудесах» святой Планиды и бабки Маланьи, которая ее именем деньги загребает. А то мы живем на отшибе, молодежи у нас мало, вот и привыкли ко всему этому,— поддержал Демков.— Сам я писать не мастер. А вы все опишите обстоятельнее. Разнесите далеко всю правду о Планиде, отбейте у людей охоту ходить в эти места.

* * *

В эту ночь в палаточном городке никто не спал.

— Ну и тайна! — разочарованно говорили одни.— Никакой романтики, только старики да старухи.

— Эх вы, романтики! — протянул Сережа.— Да разве это не замечательно, что мы расскажем всем о жутьничестве бабки Маланьи и попа Лариона? Ведь к ней никто ходить больше не будет. А на этом месте курорт можно построить, если вода окажется целебной,— и он нежно погладил рукой бутылку с водой, взятой на Планиде.

П. ИСТОМИН,
руководитель общества «Глобус»
Свердловского Дворца пионеров.
Фото автора.

МОЙ АКБАР

Записки бригадмильца

Если рассказывать по порядку, с чего это началось, то прежде всего надо вспомнить о Лидии Ивановне. Она у нас главный закопёрщик, как говорит бабушка, с нее все и началось...

Лидия Ивановна — общественный инструктор клуба ДОСААФ по служебному собаководству. Она живет с нами по соседству. У нее громадный черный пес Акбар. Каждый вечер Лидия Ивановна водит своего Акбара мимо нашего дома, а утром — обратно. Акбар охраняет меховой магазин.

В магазине, оставшись один, Акбар ложится на стол и, положив голову на передние вытянутые лапы, молча глядит на улицу. Ребята соберутся у витрины, свистят, улюлюкают, чтобы он залаял. А он смотрит с пренебрежением: «Лайте сами, если вам делать нечего...»

Зря он никогда не тьякнет.

Лидия Ивановна сама обучала Акбара. Когда наши собаководы едут на Всесоюзные соревнования в Москву, возглавляет делегацию обязательно Лидия Ивановна. В Москве она делится опытом с бакинцами, киевлянами, уральцами.

Не сдадут зачет какие-нибудь любительские собаки на испытаниях — потом у Лидии Ивановны очередь: она за ме-

сяц может выучить любую собаку на медаль.

Мне захотелось завести себе такого же друга, как Акбар у Лидии Ивановны.

Недалеко от нашей квартиры есть больница. Однажды выходит оттуда старуха-сторожиха, плачет и ведет овчарку, а в фартуке что-то несет, прижимает к себе.

— Что, — спрашиваю, — случилось, бабуся?

— Да вот, — отвечает, — велят продавать. Сколько годов жила, сад караулила. А новый главный врач гонит: при больнице, говорит, собак держать не полагается. Не стерильно.

А в фартуке у старушки щенки копошатся.

— Тоже на базар? Продай мне одного, бабуся?

Акбар у Лидии Ивановны черный, как сажа. И я взял черного за десять рублей. И кличку дал такую же — Акбар.

Мой Акбар — «искусственник»: пришлось выкармливать соской, очень маленького отняли от матери. Однако вырос он большой, крепкий. Говорят, от хорошего ухода.

Как-то встречаюсь с Лидией Ивановной, мой Акбар сзади переваливается. Она меня остановила, спрашивает:

— От кого щенок?

Она всегда так: если встретит на улице незнакомую собаку — непременно постарается выяснить, кто такая, откуда привезли.

А я и что сказать, не знаю. Овчарка из больницы, и все...

— Эх ты, а еще собаковод! — сказала Лидия Ивановна и пошла дальше. Но потом оглянулась: — Приходи ко мне в кружок.

В кружке у нее и взрослые и подростки. Занимаются при любой погоде. Неженка Лидия Ивановна терпеть не может.

Ребята от ее занятий в восторге. Особенно когда начинается дрессировка «на злобу», охотников изображать «преступника» хоть отбавляй. Упрашивают наперебой: «Лидия Ивановна, самых злых — на меня!» А потом хвалятся друг перед другом, у кого покусывание сильнее.

Все кружковцы Лидии Ивановны учатся на «отлично», недисциплинированный делается дисциплинированным, слабый — закаленным.

Отец у нас геолог, вечно в разъездах. То на Алтае руду ищет, то на Кольском полуострове, то в Сибири. Мать — диспетчер треста — по суткам на дежурствах. Мы живем с бабушкой, маминой мамой. «Мы» — это я и моя младшая сестренка Танюшка.

Матери некогда, бабушка не всегда досмотрит. Я и учился кое-как.

Сперва бабушка приняла моего Акбара в штыки: «Сам возись с ним». А после, смотрю, заботится: утром чашка уже полна, с едой, к вечеру — тоже. Мне напоминает, чтоб выводить на прогулку не забывал. Танюшку ругает, чтобы не лезла лишняя раз к собаке, не надоедала.

Стал я пропадать на дрессировочной площадке — бабушка тоже заворчала было вначале. Потом видит, что я и про уроки не забываю, даже хвалить меня начала. А хвалить-то надо не меня, а Лидию Ивановну.

Не будешь хорошо учиться — из кружка вон! Поневоле перевоспитаешься... Переменил привычки. Прежде кутался, теперь хожу в одном свитере, презираю холод. Родители счастливы: не кашляю, не чихаю, круглый пятерочник.

Соседний двор слыл у нас беспокой-

ным. Жильцы жаловались: хулиганство, бьют окна. Однажды там пропала детская колясочка. А меня давно интересовало попробовать Акбара на серьезном деле. Подговорил ребят. Решили попытаться помочь соседскому двору.

Пошли втроем, у всех собаки. Собаки выдрессированные, а не просто «тяв-тяв». Овчарка, боксер и дог.

Едва показались мы в воротах — с разных сторон нам навстречу высыпало с десятков мальчишек и давай в нас камнями. Я даже не успел спустить Акбара с поводка — булыжник угодил ему прямо в глаз. Хорошо, что Акбар мотнул головой и удар пришелся скользом. А дог, дурак, решил, что это поноски бросают, — носится за камнями. Совсем не ученый оказался. Ему кричат «фасс!», а он думает «аппорт!»

Дураки-то, впрочем, были мы, а не собаки...

В самый разгар сражения вдруг появилась Лидия Ивановна. Услышала собачий лай, гвалт — прибежала узнать, что случилось. Ее вмешательство спасло нас от окончательного позора. С ее Акбаром шутки плохи. Как пригрозила, что сию минуту приведет его, сразу все утихомирилось. Уняла страсти. И спрашивает нас:

— Вы что здесь делаете?

Ну, мы признались. Думали, сейчас будет разнос под первое число. И вдруг слышим:

— В принципе вы это правильно придумали. Но не с того конца начали.

А на завтра — хлоп! — повестка из милиции. Явиться всем нам троим — владельцам собак. Понятно: за скандал. Заработали, голубчики! Пришли — там уже Лидия Ивановна сидит. Конечно, свидетель.

Нас провели к начальнику отделения.

— Зачисляем вас в бригаду содействия милиции.

— Как в бригаду? Почему?

— Вот так раз: «Почему?»! А в чужой двор с собаками зачем ходили? Или не хотите учиться с собаками работать?

— Нет, хотим.

— Так в чем же дело? Идем навстречу вашему желанию. Собак своих учили?

— Учили...

— Теперь самим надо поучиться, — вставила Лидия Ивановна, улыбаясь. — А то собак своих испортите...

Так мы с моим Акбаром и начали работать в бригадмиле.

Глядя на нас, стали записываться и другие. Первое время собаководов-бригадмилцев включали («придавали», как выражается Лидия Ивановна) в обычные бригадмилские бригады при участковых уполномоченных. Потом возникли специальные бригады.

Работа бригадмилской собаки — это все равно, что работа профессиональной милицейской собаки. Патрулировать ночной порой по пустынным улицам, задерживать нарушителей общественного порядка и спокойствия — нужна собака злобная, как говорят собаководы, и смелая.

Парни-комсомольцы словно с ума посходили. Осаждают Лидию Ивановну: давайте травить! Хоть на телеграфный столб! Увлечены были необычайно. Еще бы! Впервые — настоящая работа!

Для начала за нами закрепили большой общественный сад. Приходим туда незадолго до закрытия. Надо обойти аллеи, предупредить граждан, что сад закрывается, будут спущены собаки. Собаки — на поводках. После закрытия обходишь еще раз. Теперь собаки не на привязи и по команде «иди!» прочесывают все кусты. Это — «профилактическая работа».

Прежде в саду дежурили старушки-сторожа. Процветало хулиганство. После того как мы задержали нескольких человек и сдали в милицию, хулиганство прекратилось.

Как-то обнаружили большую кипу краденого толя. В темном углу сада, за павильоном-раковиной мой Акбар учуял новый запах, стал рыть, царапать лапами, и под кучей мусора оказалось несколько рулонов толя. Толь принадлежал музею, где шел ремонт.

В другой раз нашли детскую качалку. Унес кто-то у зазевавшейся мамы и припрятал.

Мне досталось ходить в паре с Попудрипкой.

Это девчонка, из секретарш. Зашла как-то в наш клуб со своими знакомыми ребятами. Собак боялась до слез. Потом ничего, привыкла. Ходит и ходит. Ну, нам-то что, пускай ходит. Пользы от нее нет, но и вреда тоже не видно.

Волосы у ней были по моде — хвостом. Губы — фиолетовые. И пудрилась со страшной силой. На каждом шагу. Вот мы ее и прозвали Попудрипкой. Хотя у нее, конечно, свое имя есть.

Глядим, вскоре завела она собаку, овчарку Лукрецию. Стала посещать с нею дрессировочную площадку.

И вот, когда стали формировать бригады помощи милиции из молодежи, эта фифа попросила записать и ее.

Правда, к обязанностям она относилась очень добросовестно. И Лушу — Лукрецию то есть — хорошо выучила.

Однажды поздно вечером патрулируем мы с Попудрипкой, и вдруг слышу — заливаются тревожные свистки: сторож в саду на помощь зовет.

— Бежим скорее!

Прибежали. Там трое стилиг с огромными букетами. Наломали сирени, и двое будто дерутся, а третий кричит:

— Он его убьет, у него нож!..

Потом оказалось, что это они нарочно: пока мы разнимали двоих, третий с сиренью удрал. Я спустил на него Акбара. Тогда эти двое — на меня. А Попудрипка, не будь плоха, сейчас же Лушу отцепила с поводка — «фасс!» Собака вмиг всех и успокоила.

Тут подоспел участковый милиционер, забрал всех троих нарушителей, а сирень повертел-повертел в руках и преподнес нашей Попудрипке.

С той поры мы больше и не вспоминаем ее смешного прозвища, а зовем девушку по имени — Валя.

Но все это в общем были мелочи, пу-

ЯШКИНА СОСНА

В двух километрах от поселка Пролетарский, Обвинского рейда, Пермской области, на самом берегу небольшого безымянного озера, которое сейчас соединяется с Камским водохранилищем, стоит одинокая приземистая сосна. Обхватить ее могут только три взрослых человека. Ее крона в диаметре достигает тридцати метров. Ее ветвей, отводков и вершинок невозможно сосчитать.

Много разных легенд ходит об этой сосне. Рассказывают, что в незапамятные времена, неизвестно кто завещал: тот, кто найдет вершину сосны, откроет клад под ее корнями. Нашлись будто бы два смельчака, решили добыть клад, но только залезли на дерево, как вдруг занялось оно огнем. Упали мужики на землю, смотрят, а сосна снова, как ни в чем не бывало, стоит. Снова полезли они на-

верх, и опять то же самое повторилось. Так они и ушли ни с чем от заколдованного дерева.

А позднее кто-то снова решил попытать легкого счастья, ствол подрывать ствол дерева, целую пещеру выкопал, обрубая и перепиливая огромной толщины корни, а клада не нашел.

С той поры прошло много лет. Поросли дерном и мхом подковы, обрубленные корни заплыли сосновой смолой. Перевелись охотники до сказочных кладов, в другое счастье начали верить люди и по-другому стали его добывать. И новые легенды, куда более похожие на быль, рождались вокруг гигантской сосны.

Рассказывают, что недалеко от дерева сорок лет тому назад жил мужик по имени Яков. В годы гражданской войны, когда рабочие и крестьяне Урала боролись за Советскую власть, под этой сосной принял бой красноармейский отряд. Сосна служила бойцам хорошим местом для наблюдения, а мощный ствол и ямы у корней — надежным прикрытием от пуль белых. А Яков тот прятал потом от беляков в доме и под сосной оставшихся в живых красноармейцев. С тех пор стали называть могучую красавицу не иначе как «Яшкина сосна».

И. БОГДАНОВ

стяки, в некотором роде подготовка к большим делам.

Начальник отделения милиции как-то сказал нам: «Если бы все взялись за это, давно бы и никаких жуликов не было! Чье это дело-то? Общее, народное».

Это подтвердилось на примере с ликвидацией шайки домовых воров, гнездившихся на кладбище.

Долгое время их никак не могли выловить. Несколько «домушников» орудовали в жилых кварталах. А в старинном полуразрушенном склепе на кладбище у них был устроен тайник. Здесь же, после очередной кражи, они укрывались неделями, пережидая, пока уляжется шум. Некоторые из них были вооружены ножами.

Их выследили. Продумали тщательно и подготовились к их поимке.

Незадолго до рассвета мы — усиленный наряд милиции и бригадильцы с собаками — окружили кладбище. Кру-

гом тьма. Лишь слышны осторожный шепот людей, тихий шорох шагов да дыхание собак. В такие моменты собаки почему-то непременно начинают учащенно дышать: волнение им передается.

Убедившись, что все на местах, начальник отделения скомандовал:

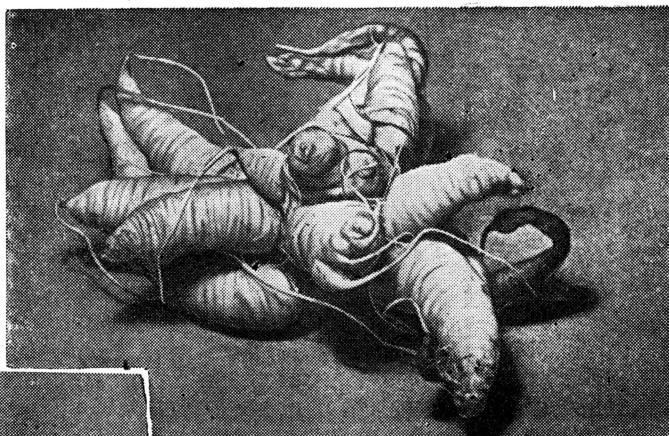
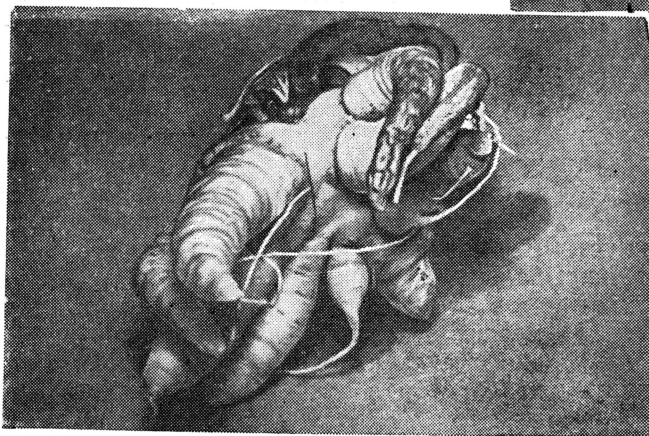
— Выходи!

Зажглось несколько электрических фонарей. Свет направили на темную лазейку под плитой склепа. Оттуда один за другим стали вылезать кладбищенские «жильцы». Если бы увидела какая-нибудь набожная старушка, она решила бы, что из-под земли лезут покойники.

Нам удалось взять всех разом. Наиболее рьяные бандиты пытались сопротивляться, подстрелили одну собаку. Главарь банды, когда ему предложили сдать оружие, набросился на меня с ножом (я стоял к нему ближе других), но тут же, закричав от боли, упал: мой Акбар прокусил ему руку.

ВЕТВИСТАЯ МОРКОВЬ

Бывает, люди тратят долгие годы, чтобы вывести необыкновенный сорт плодов, злаков, вроде яблока без косточек, ветвистой пшеницы. А иногда природа сама приготовит такой подарок, что диву даешься.

Живет в поселке Маян около города Талица Федоскин Степан Михайлович с внуком Валей Елисеевым. Убирали они прошлым летом урожай на своем огороде, и попались им три морковки невиданной формы: настоящая морская звезда или краб. Самую крупную вы видите на снимке. Э. Ермакова.

С той памятной ночи кражи в районе прекратились.

Наш успех в районе кладбища имел еще одно хорошее последствие: стали быстро расти ряды бригадмила. Я уж не говорю о молодежи, молодых у нас больше всего. Но идут и пожилые.

Пришел один дяденька: «Хочу состоять в бригадмиле». И сам, и пес его — оба какие-то нескладные. Я знал их еще по дрессировочной площадке: он собаку водил на цепи. Потешный. Лидия Ивановна объясняет ему, как надо приучать собаку брать барьер, а он возражает: «Она же у меня удерет, удерет!» А вместо команды «барьер!» он приказывал: «Сигай!...»

Пришла одна пенсионерка. У нее собака Джек. Она ехала с ним на пароходе. Когда сходили на пристани, какие-то типы затеяли потасовку на берегу. Милиционер растерялся, свистит, а они никакого внимания. Старушечка взяла и ско-

мандовала Джеку: «Фасс!» Он похватал за что придется одного, другого — драка прекратилась. Все тихие, как ягнята, отправились в отделение милиции. А старушке это настолько понравилось, что она прямым ходом к нам: «Запишите меня в бригадмил».

За короткий срок количество бригадмильцев-собаководов в нашем районе возросло в несколько раз.

Как-то среди бела дня милиционер гнал за двумя злоумышленниками. Это увидел дворник и по таксофону позвонил в отделение. Мы с Акбаром как раз пришли на дежурство. Вместе с двумя милиционерами мы бросились наперерез беглецам. Расстояние было с квартал. Я спустил Акбара с поводка. Один из жуликов увидел нас и сразу нырнул в ближайший подъезд, там его и задержали. А другой прыгнул в проходивший трамвай.

Мой Акбар за ним. В вагоне, конеч-

но, поднялся крик, пассажиры перепугались: «Безобразия!» Жулик, расталкивая людей, пробежал через весь прицепной вагон, прыгнул и мгновенно вскочил в первый вагон. Акбар, не отставая ни на шаг, сделал то же самое и на площадке задержал его. Это оказался крупный преступник.

Акбара моего расхваливают на все лады, милиционеры на улице приветствуют меня, здороваются.

Трамвайным кондукторам и вагоновожатым очень нравится, что Акбар не позволяет входить с передней площадки.

Едем как-то с Акбаром в первом вагоне. Народу — не протолкнешься. Псу обступали лапы, он жметя, но не огрызается: понимает, что надо вести себя культурно. Я загородил его собой, приказал сидеть в углу.

На остановке какой-то нахал полез в вагон с передней площадки, толкнул женщину с ребенком, всем мешает. Я сделал ему замечание.

— Ты дурак или умный, не все ли тебе равно, откуда я войду? — кричит он. Продолжает толкаться, мешает выходящим, взбирается на подножку.

Я предупредил его еще раз.

— Осторожно, гражданин! Не нарушайте порядка.

Но нахалы обычных слов не понимают. Пришлось мне посмотреть на Акбара. И только мужчина, ругая меня, стал подниматься в вагон, навстречу ему оскаленная собачья морда: «р-р-р!» — нахал так отскочил от трамвая, что даже упал.

Откуда ни возьмись, милиционер. На-

хал поднялся и стал жаловаться: собака его, дескать, чуть не укусила.

А милиционер всмотрелся и говорит:

— А, Акбар! — И обращается к нахалу: — Скажите спасибо, что он не может вас оштрафовать за нарушение общественного порядка.

Зима, лето, — для нас всегда есть работа.

Гулял как-то с Акбаром по набережной. Вдруг Акбар бросился от меня к проруби на середине пруда.

Оказалось, тонул малыш. Катался на коньках и заскочил в прорубь. А лед толстый, прорубь, как колодец. Акбар прыгнул в воду, схватил малыша зубами за шиворот и работал лапами, чтоб продержаться, пока не подоспел я.

Как нас благодарили родители малыша, можно не говорить.

Между прочим, от некоторых скептиков, далеких от собаководства, иногда приходится слышать, что нельзя держать собаку, когда есть маленькие дети. Но, будь у этого малыша четвероногая нянька, не пришлось бы ему бултыхаться в проруби, а потом еще лежать два месяца с воспалением легких.

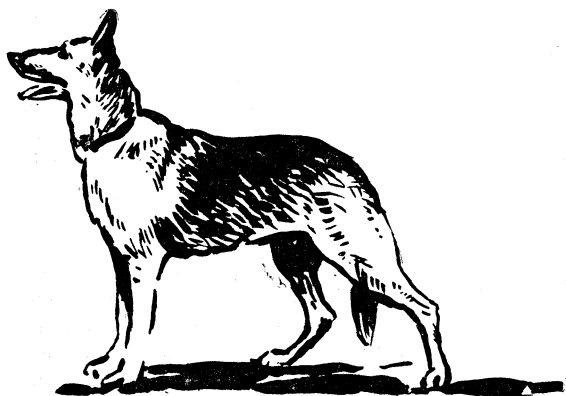
Прежде, когда моя сестренка Танюшка была поменьше, Акбар часто провожал ее в школу. Берет портфель в зубы и идет. Она, держась за ошейник, шагает рядышком. Эта привычка сохранилась у Акбара и по сей день, хотя Танюшка уже большая.

Страсть к охране у Акбара теперь настолько сильна, что это сказывается в каждом деле. Приехали мы как-то на дачу — первые три дня пес бродил и собирал все мои вещи. Сложит в кучу, да еще проверяет, роется носом.

И вот — необычайный день. Дома называют меня именинником. Не знаю, кто из нас больше «именинник» — я или Акбар. А я на седьмом небе: поглядываю на маленькие, с черным светящимся циферблатом часы на руке. На крышке выгравировано: такому-то... моя фамилия, полное имя-отчество, дата.

Часы — премия министра за активную работу в бригадмиле.

К тому же меня вызвали в военкомат. Подоспело времячко идти служить в армию. Когда я предстал перед призывной комиссией, то попросил направить меня служить вместе с Акбаром на государственную границу. Мою просьбу удовлетворили.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Буря

В УРАЛЬСКИХ ГОРАХ

Рисунки Ю. Ефимова

Главы из романа «Михаил Строгов»

На страницах «Уральского следопыта» уже говорилось о большом внимании Жюль Верна к России, в частности к Уралу и Сибири. Небезынтересно еще одно произведение французского писателя, где также имеются главы, посвященные Уралу.

Роман «Михаил Строгов», написанный в 1876 году, основан на вымышленных событиях. В нем рассказывается о мифическом восстании каких-то среднеазиатских татар, сумевших под предводительством Феофар-хана и полковника Ивана Огарева захватить значительную часть Сибири.

Несомненно, наш читатель заметит и то художественное преувеличение, которое допустил автор, описывая путешествие своих героев через Уральский хребет. Несмотря на совершенно неправдивый сюжет, Жюль Верну удалось убедительно показать благородство, мужество и верность долгу фельдгегера Михаила Строгова, отправленного со специальным посланием из Петербурга к иркутскому генерал-губернатору.

На русском языке этот роман — библиографическая редкость.

Путники в беде

Уральский хребет тянется на протяжении почти трех тысяч верст между Европой и Азией. Название «Урал» — татарского происхождения, означает «пояс». Начинаясь на побережье Северного океана, горы эти тянутся до Каспийского моря.

Такова была граница, которую Строгов должен был переехать из России в Сибирь, и, взяв

путь от Перми на Екатеринбург, идущий по восточному склону Урала, он поступил вполне благоразумно. Это был наиболее легкий и безопасный путь, который служил также для ввоза товаров из Центральной Азии. Ночи было достаточно, чтобы переехать горы, если не произойдет никакого приключения. К несчастью, первые удары грома предвещали грозу.

Надя заняла свое место в глубине тарантаса, а Строгов поместился рядом с нею. Впереди их

висели кожаные занавеси, которые можно было сдвинуть вместе, чтобы защитить путников от дождя и ветра.

Два больших фонаря, укрепленные с левой стороны козел, бросали вкось бледный свет, мало освещавший путь. Но этот свет указывал положение тарантаса и, если не разгонял мрака, то по крайней мере мог помешать столкновению со встречным экипажем.

— Ну, теперь мы готовы, Надя,— сказал Строгов.

— Едем,— ответила девушка.

Тарантас тронулся, подымаясь на передние отроги Урала...

Строгов знал, что такое гроза в горах, испытав уже ее, и не без основания находил грозу не менее ужасной, чем страшные зимние метели. При отъезде дождя не было. Строгов приподнял кожаные занавеси и смотрел вперед, озираясь также и по сторонам дороги, которые при мерцающем свете фонарей полны были фантастических силуэтов.

В воздухе стояла полнейшая тишина, но тишина угрожающая: ни одна частица воздуха не двигалась. Можно было подумать, что природа, полузадохнувшись, как бы замерла. Тишина была бы безусловная, если бы не трение колес о дорожный песок, не скрип экипажа, не тяжелое дыхание лошадей, которым не хватало воздуха, и стук подков о каменистую почву.

К тому же, дорога была совершенно пустыня. Тарантас не встретил ни пешеходов, ни всадника, никакого экипажа в этих тесных ущельях Урала в такую грозную ночь. Не видно было ни огня угольщика в лесу, ни помешений рудокопов в разрабатываемой каменоломне, ни одной хижины в роше. И нужны были важные причины, которые не допускали ни промедления, ни колебания, чтобы предпринять переезд при таких условиях. Строгов и не колебался. Это было для него невозможно.

— В котором часу мы будем на вершине перевала?— спросил он у ямщика.

— В час утра... если только туда доедем,— ответил тот, покачивая головой.

— Скажи, приятель, ты, чай, не в первый раз в грозу в горах?

— Нет, но дай бог, чтобы теперь было не в последний.

— Разве ты боишься?

— Я не боюсь, но напрасно, барин, ты поехал.

— Было бы гораздо хуже, если бы я остался.

— Эй, вы, голубчики!— ответил ямщик, показывая этим, что его дело слушаться, а не спорить.

В этот момент послышалось отдаленное сотрясение, как будто тысяча острых и оглушительных свистов пронеслась в воздухе, до тех пор спокойном. При ослепительном свете молнии, за которой немедленно последовал ужасный удар грома, Строгов заметил огромные сосны, торчавшие по сторонам. Ветер точно с цепи сорвался. Сухой треск указывал, что некоторые деревья, старые или неглубоко сидящие, не выдержали первого же вихря. Несколько сломанных верхушек перекатились через дорогу и исчезли в пропасти, в двухстах шагах впереди тарантаса.

Строгов едва успел задернуть кожаные занавески. Вихрь налетел с быстротою молнии.

Ямщик, соскочив с козел, схватил лошадей за узду, чтобы их задержать, иначе тарантас неизбежно опрокинулся бы и полетел в глубокую пропасть, которая находилась в левой стороны дороги. Лошади, толкаемые порывом ветра, становились на дыбы, и ямщику не удавалось их успокоить. После дружеских слов успокоения последовали самые обидные прозвища. Ничто не помогало. Несчастные животные, ослепленные электрическим светом, перепуганные непрерывным громом, который можно было сравнить с грохотом артиллерии, могли оборвать постромки и умчаться. Ямщик не в состоянии был более с ними справиться.

В этот момент Строгов одним прыжком выскочил из тарантаса и помог ямщику сдерживать лошадей. Но сила урагана увеличивалась. Дорога в этом месте расширилась в форме воронки, и ветер дул здесь с необыкновенной мощью.

В то же время гряда камней и стволов деревьев катилась из леса.

— Мы не должны тут оставаться, — сказал Строгов.

— Мы и не останемся, ни в коем случае! — воскликнул перепуганный ямщик. — Вихрь нас скоро спихнет вниз.

— Держи правую лошадь, трусишка, а я отвечаю за левую, — приказал Строгов.

Новый порыв ветра прервал Строгова; он и ямщик пригнулись к земле, чтобы не быть опрокинутыми. Но экипаж, несмотря на усилия людей и лошадей, которых они держали, стоя на ветру, откатился назад довольно далеко, и, если бы не ствол дерева, он полетел бы с дороги.

— Не бойся! — крикнул Строгов Наде.

— Я не боюсь, — ответила девушка, и голос ее не обнаружил ни малейшего волнения.

Раскаты грома на минуту прекратились; а ужасный вихрь, пройдя поворот, исчез в глубине ущелья.

— Мы спустимся? — спросил ямщик.

— Нет, надо подниматься. Надо пройти этот поворот; выше мы будем под защитой леса.

— Но лошади отказываются.

— Поступай, как я, и тащи их вперед.

— Ну, касатки! — воскликнул ямщик, ухватив правую лошадь, пока Строгов справлялся с левой.

Поддерживаемые таким образом, лошади с трудом подвинулись вперед. Они не могли свернуть в сторону, и коренная лошадь медленно шла посреди дороги. Но люди и животные, застигнутые вихрем, не успевали сделать и трех шагов, как приходилось отступать назад шаг или два. Они скользили, падали, снова вставали.

Строгов и ямщик употребили более двух часов на подъем по этой части пути, длиною, самое большое, — полверсты. Опасность заключалась не только в страшном урагане, боровшемся с экипажем и его двумя жокаками, но и в граде камней и слсманных деревьев, которые стряхивали и сбрасывали на них горы. Вдруг при блеске молнии они увидели одну из глыб, движущуюся с возрастающей быстротой и катящейся по направлению экипажа.

Ямщик громкими криками, а Строгов сильным ударом кнута старались заставить лошадей двинуться, но тщетно. Еще несколько шагов, и сзади налетела тяжелая глыба!

Кинувшись назад, Строгов, опершись спиной в ось, а ногами в землю, с нечеловеческой силой двинул тяжелый экипаж на несколько футов.

В этот момент упала огромная глыба. Задев чуть-чуть за одежду молодого человека, она раздробила большой кремь, который разлетелся, разбрасывая искры.

— Братец! — воскликнула испуганная девушка, увидев всю эту сцену при блеске молнии.

— Надя! — ответил Строгов, — Надя, не бойся ничего!..

— Да не за себя я боюсь!

Толчок, данный тарантасу усилиями Строгова, не остался без результата; он помог обездомленным лошадям снова идти вперед. Строгов и ямщик тянули тарантас, пока не взобрались до узкого перевала, расположенного с севера на юг, где они должны были укрыться против непосредственного напора ветра. Откос с правой стороны образовал нечто вроде уступа, благодаря выпуклости огромной скалы. Там ветер не крутился, и возможно было продержаться, тогда как в области этого вихря ни человек, ни лошади не могли бы сопротивляться.

Буря в это время была во всей своей силе. Молния сверкала непрерывно, гром не прекращался. Земля глухо дрожала под этими ужасными ударами.

К счастью, тарантас мог, так сказать, укрыться в глубокой расщелине, куда вихрь попадал только боком. Но все-таки он не был настолько защищен, чтобы на него не мог налететь какой-нибудь боковой порыв, отклонившийся вследствие выступа откоса.

Наде пришлось выйти из экипажа. Строгов при свете фонаря заметил яму, вероятно, от кирки рудокопа, и молодая девушка забилась туда в ожидании, пока можно будет продолжать путь.

Был уже первый час ночи; пошел дождь, и вскоре порывы ветра достигли необычайной силы. Это осложнение делало отъезд невозможным.

— Дождаться тяжело, — сказал Строгов, — но этим, без сомнения, мы избегнем большой опасности. Сила бури заставляет надеяться, что она не будет продолжительна. С трех часов начнет светать, и спуск, на который мы не можем рискнуть в темноте, станет, если не легким, то по крайней мере возможным после восхода солнца.

— Подождем, братец, — ответила Надя. — Но если ты задерживаешь свой отъезд, то только не заботься о том, чтобы мне избежать опасности и усталости.

— Сестра, я знаю, что ты решила пренебречь всем; но, поставив в опасное положение нас обоих, я рискую более чем своей и твоей жизнью, я не исполню задачи, которую я должен выполнить прежде всего.

— Долг!.. — прошептала Надя.

В этот момент огромная молния прорезала небо; тотчас же раздался глухой удар; воздух наполнился душливым, серным запахом, и группа высоких сосен, пораженная ударом молнии, загорелась, как гигантский факел, в двадцати шагах от тарантаса. Ямщик, отброшенный на землю этим ударом, встал, к счастью, даже без царапин.

Затем, когда последние раскаты грома потянулись в глубине гор, Строгов почувствовал, что рука Нади крепко оперлась на его руку, и услышал ее слова, сказанные шепотом:

— Крики, братец...

Англичанин и француз

И, действительно, в момент затишья послышались отчаянные крики в верхней части дороги, довольно близко от извилины, которая защищала тарантас.

— Зовут на помощь! — воскликнула Надя.

— Если они рассчитывают только на нашу помощь, — сказал ямщик, — то вряд ли ее дождутся...

— А почему бы и нет? — воскликнул Строгов. — И то, что они сделали бы для нас, в случае несчастья, мы должны сделать для них.

— Не станете же вы рисковать лошадьми и экипажем?...

— Я пойду пешком, — ответил Строгов, прерывая ямщика.

— Я пойду с тобою, брат, — сказала девушка.

— Нет, оставься, Надя; ямщик будет возле тебя. Я не хочу его оставлять одного...

Дождь перестал, но вихрь удвоил свою силу. Крики, доносившие ветром, становились все яснее. С места, где Строгов оставил Надю, ничего нельзя было различить. Дорога становилась извилистой, и свет молнии обнаруживал только выступы откосов, которые пересекали зигзаги дороги. Ветер, прорывавшийся на всех этих углах, сильно затруднял движение, и Строгову надо было затратить немало силы, чтобы сопротивляться ветру.

Скоро стало очевидно, что путешественники, чьи крики были слышны, уже недалеко. И хотя Строгов не мог еще их видеть, оттого ли, что они были сброшены с пути, или оттого, что мрак скрывал их от глаз, но слова их долетали до него довольно ясно. И вот что пришлось ему услышать.

— Дуралей, придешь ли ты?

— Я тебя выпорю на следующей станции!

— Да слышишь ли ты, чертов кучер! Эй, ты там!

— Вот как возят в этой стране!

— Это они называют телегой!

— Эй, скотина! Он себе улепетывает и, кажется, не замечает, что оставил нас на дороге.

— Поступать со мною таким образом, со мною, англичанином! Я буду жаловаться в канцелярии и настаю, чтобы его повесили!

Тот, который так говорил, был действительно в большом гневе. Но одновременно раздался самый неожиданный взрыв смеха:

— Ну, нет, положительно это смешно!

— Вы еще смеетесь! — кисло отвечал гражданин Соединенного Королевства.

— Конечно, дорогой собрат, и от всего сердца.

Это самое лучшее, что я могу сделать. И вам предлагаю поступать так же. Честное слово, это слишком смешно; это невиданная вещь!..

В этот момент сильный удар грома наполнил ущелье ужасным грохотом, который эхо гор увеличило в грандиозном размере. Когда затих последний раскат, веселый голос послышался снова:

— Да, необычайно смешно! Вот чего, конечно, не случилось бы во Франции!

— И в Англии! — добавил англичанин.

На дороге, ярко освещенной в это время молнией, Строгов увидел в двадцати шагах от себя двух путешественников, сидевших один против другого на заднем сиденье странного экипажа, который, казалось, глубоко засел в какую-то выбоину.

Строгов подошел к ним и узнал иностранных журналистов, с которыми вместе плыл на пароходе «Кавказ» от Нижнего Новгорода до Перми.

— А! Здравствуйте, сударь! — воскликнул француз. — Рад видеть вас при таких обстоятельствах. Позвольте представить вам моего задушевного врага, господина Блунта.

Английский репортер поклонился и, может быть, в свой черед представил бы своего собрата Алкида Жоливе, согласно правилам вежливости, но Строгов сказал:

— Бесполезно, господа, мы знакомы, потому что вместе ехали по Волге.

— А, это превосходно, господин!..

— Карпанов, купец из Иркутска. Но, скажите, что это приключилось с вами, — печальное для одного и столь веселое для другого?

— Будьте судьей, господин Карпанов, — ответил Алкид Жоливе. — Представьте, что наш кучер уехал с передком своего проклятого экипажа, оставив нас дожидаться на задке этой глупейшей машины! Худшая часть телеги для двоих, без проводника, без лошадей. Разве это не смешно в высшей степени?

— Все не смешно!.. Как же будем мы продолжать наш путь? — проворчал Гарри Блунт.

— Нет ничего проще, — засмеялся Алкид Жоливе. — Вы запряжетесь в то, что у нас осталось от экипажа, я возьму вожжи, назову вас «голубчиком», как настоящий ямщик, а вы поедете, как настоящая почтовая лошадь!

— Господин Жоливе,— сказал англичанин,— эти шутки переходят границы, и...

— Успокойтесь, коллега. Когда вы разобьете себе ноги, я вас заменю, и вы имеете право называть меня улиткой, черепахой и чем угодно, если я не повезу вас с надлежащей скоростью!

Алкид Жоливе говорил все это с таким благодушием, что Строгов не мог удержаться от улыбки.

— Господа, можно лучше сделать. Мы здесь добрались уже до вершины перевала Уральского хребта, а следовательно, теперь остается только спускаться с гор. Мой экипаж там, на пятьсот шагов позади. Я вам дам одну из моих лошадей, и ее пристегнут к кузову вашей телеги, а завтра, если не произойдет ничего особенного, мы приедем в Екатеринбург вместе.

— Господин Карпанов, вот предложение великодушного сердца!— сказал Алкид Жоливе.

— Я должен прибавить, господа,— ответил Строгов,— что не предлагаю вам сесть в мой тарантас, потому что в нем только два места, которые занимаю я с сестрой.

— Что вы,— ответил Алкид Жоливе,— мой коллега и я с вашей лошадей и задком нашей полутелеги поедем хоть на край света!

— Милостивый государь,— сказал Блунт,— мы принимаем ваше любезное предложение. Что же касается до ямщика...

— О! Поверьте мне, что с ним это не впервые,— сказал Строгов.

— Но, в таком случае, почему же он не возвращается? Ведь он прекрасно знает, негодяй, что оставил нас позади.

— Он? Он и не подозревает этого.

— Как! Этот парень и не знает, что его телега разделилась надвое?

— Он этого и не подозревает и самым добросовестным образом доставит передок своей телеги в Екатеринбург.

— Разве я вам не говорил, что это презабавно, приятель?— воскликнул Жоливе.

— Если вы желаете последовать за мной,— сказал Строгов,— то пойдемте к моему экипажу, и...

— Но телега!— воскликнул англичанин.

— Не бойтесь, она не улетит, мой дорогой Блунт!— воскликнул Жоливе.— Она так хорошо, плотно ушла в землю, что будущей весной на ней, наверно, вырастут листья.

— Пойдемте же, господа,— сказал Строгов,— мы приведем сюда тарантас.

Француз и англичанин слезли с заднего сиденья, которое теперь становилось передним, и пошли за Строговым. Дорогой Жоливе по привычке продолжал болтать с благодушием, которое, кажется, было неиссякаемо. Вдруг совсем близко раздался громкий выстрел.

— Выстрел?.. Господа, вперед!— воскликнул Строгов. Несколько минут спустя все трое добижали до выступа. Дорога была пуста. Строгов не мог ошибиться: звук огнестрельного оружия ясно долетел до него.

Послышалось ужасное рычание, и раздался второй выстрел.

— Медведь!— воскликнул Строгов, который не мог ошибиться в этом случае.— Надя! Надя! Вытащив свой нож из-за пояса, он кинулся за выступ.

Сосны, горевшие от вершины до корня, ярко освещали эту сцену.

В тот момент, когда Строгов добрался до тарантаса, к нему скатилась какая-то неопределенная масса. Это был огромный медведь. Бура выгнала его из лесу, покрывающего склоны Урала, и он, по-видимому, искал убежища в той же выбоине, которую в это время занимала Надя.

Две лошади, испуганные близостью огромного зверя, оборвав постромки, убежали, ямщик, заботясь только о лошадях и забыв, что молодая девушка остается одна со зверем, кинулся вдогонку за лошадьми.

Смелая Надя не потеряла головы. Зверь, не заметив ее вначале, кинулся на оставшуюся в упряжке лошадь. Девушка вылезла из ямы, направилась к экипажу, взяла один из револьверов Строгова и, идя прямо на медведя, выстрелила в упор.

Зверь, легко раненный в плечо, повернулся к молодой девушке, которая собиралась спрятаться за тарантас. Но тут же, вспомнив об оставшейся лошади, она остановилась и с поразительным хладнокровием спустила курок как раз в тот момент, когда лапы зверя готовились опуститься на ее голову.

Это и был второй выстрел, раздавшийся в нескольких шагах от Строгова.

Одним прыжком он очутился между медведем и молодой девушкой. Его рука сделала энергичное движение снизу вверх, и огромный зверь, распоротый от брюха до горла, упал на землю.

Это был образцовый удар охотников-сибиряков, которые стараются убивать медведя, не испортив его ценной шкуры.

— Ты не ранена, сестрица?— спросил Строгов, спеша к молодой девушке.

— Нет, брат,— ответила Надя.

В это время подошли и оба журналиста.

— Черт возьми!— воскликнул Жоливе.— Как купец, вы слишком хорошо владеете охотничьим ножом, господин Карпанов.

— Превосходно!— прибавил Гарри Блунт.

— В Сибири, господа, мы принуждены быть мастерами на все руки,— ответил им мнимый купец.

Алкид Жоливе с любопытством взглянул на молодого человека. При ярком освещении, с окровавленным ножом в руке, высокий, смелый, гордо держа одну ногу на туше убитого зверя, Строгов был прекрасен.

— Вот смельчак!— сказал себе Алкид Жоливе.

Затем, приблизившись, почтительно, со шляпой в руке, он раскланялся с молодой девушкой. Надя ответила легким кивком.

Повернувшись к своему спутнику, Жоливе прошептал:

— Сестра стоит брата. Если бы я был медведем, я не рискнул бы приблизиться к этой страшной и очаровательной парочке!

Гарри Блунт, прямой, как палка, стоял поодаль, низко надвинув шляпу. Развязность его спутника усилила его обычную чопорность.

В этот момент появился ямщик, которому удалось поймать обеих лошадей. Он прежде всего с сожалением посмотрел на валявшегося на земле великолепного зверя, которого придется бросить на съедение хищным птицам, и занялся исправлением упряжи.

Когда Строгов сообщил ему о положении иностранных путешественников и о своем желании предоставить им одну из лошадей, ямщик ответил:

— Как хочешь, барин. Только тогда придется считать два экипажа, вместо одного.

— Хорошо, приятель,— сказал Алкид Жоливе, который понял намек,— тебе заплатят вдвое.

— Ну, касатки!— крикнул ямщик.

Надя села снова в тарантас, за которым пешком пошли Строгов и оба спутника.

Было три часа. Буря в ущелье начала стихать и уже не бушевала так сильно; подниматься было гораздо легче.

При первых лучах света тарантас подъехал к телеге, которая глубоко засела в грязь до самых ступиц. Одна из пристяжных лошадей тарантаса при помощи веревок была пристегнута к кузову телеги. Оба журналиста уселись в свой необычайный экипаж, и повозки двинулись в путь.

Шесть часов спустя оба экипажа прибыли в Екатеринбург без всяких приключений.

Первое же лицо, которое журналисты увидели на пороге почтовой станции, был их прежний ямщик. Он, казалось, их поджидал.

Этот достойный человек имел действительно доброе лицо и без всякого замешательства, с улыбающимися глазами, приблизился к путешественникам. Протягивая руку, он, как ни в чем не бывало, просил на чай.

Однако Гарри Блунт думал иначе: его гнев разразился с чисто британской свирепостью, и если бы ямщик благоразумно не отошел, то получил бы изрядный удар кулаком.

Видя иступленые коллеги, Алкид Жоливе хохотал до упаду, как, может быть, не смеялся никогда.

— Но ведь он прав, этот бедняга!— воскликнул он.— Он прав, ведь не его вина, что мы были не в состоянии следовать за ним!

И, вынув несколько копеек, он добавил:

— Возьми, приятель!

Это усилило негодование Гарри Блунта, который хотел жаловаться станционному смотрителю и начать судебный процесс.

— Процесс в России!— рассмеялся Алкид Жоливе.— Но если положение вещей не изменилось, коллега, то вы никогда не дождетесь конца. Вы, верно, не знаете истории той кормилицы, которая требовала от семьи своего вскормленника вознаграждение за год кормления.

— Я этого не знаю,— ответил Гарри Блунт.

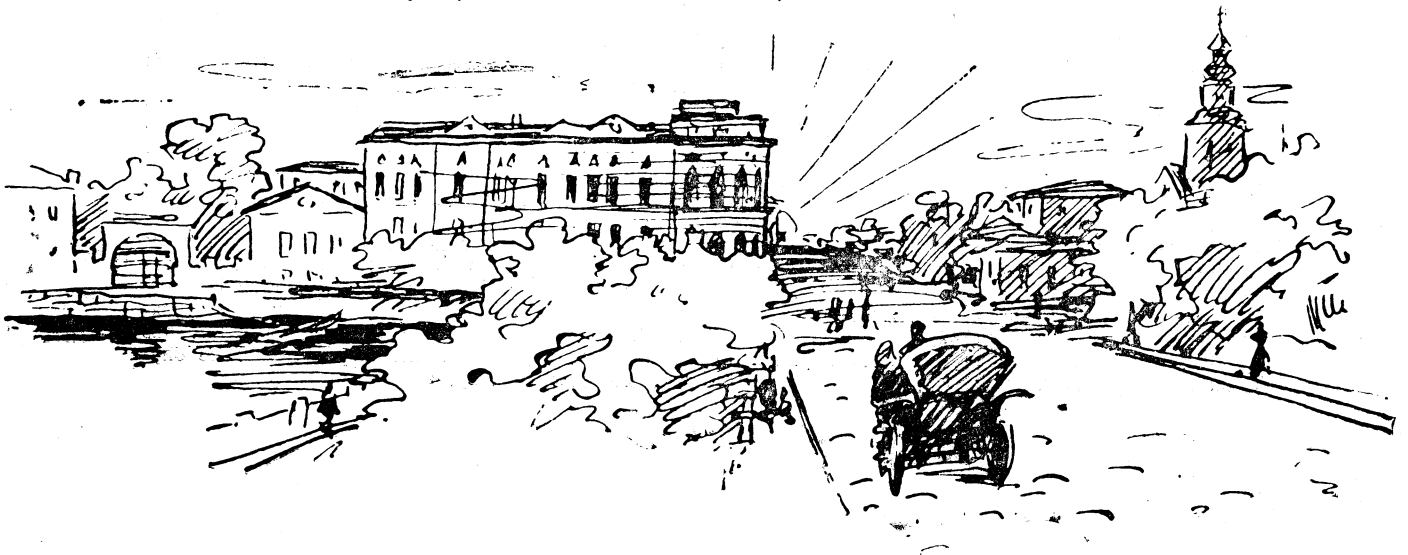
— Тогда вы, значит, не знаете, кем был ее питомец, когда процесс, наконец, окончился в ее пользу.

— А кем он был, позвольте узнать?

— Гвардейским полковником.

Все разразилось веселым смехом. Что же касается до Жоливе, весьма довольного такой остроотой, то он вынул блокнот и записал:

«Телега — русский экипаж на четырех колесах, когда она отправляется, и на двух — когда приезжает».

Музыка М. Гальперина
Слова Г. Варшавского

ОТВАЖНЫЕ ТУРИСТЫ

Весело, подвижно

ПРОЩАЕТСЯ СО ШКОЛОЮ ВЕСЕЛЫЙ, ДРУЖНЫЙ КЛАСС, КАНИКУЛЫ, КАНИКУЛЫ
ЗОВУТ В ДОРОГУ НАС. ПЕРЕД НАМИ ОТКРЫВАЮТСЯ ШИРОКИЕ ПУТИ,
ОТРЯД НАШ СОБИРАЕТСЯ ВСЮ ЗЕМЛЮ ОБОЙТИ.
ТРУБИ, ГОРНИСТ, ЗОВИ РЕБЯТ В ДОРОГУ!
ЗА РЯДОМ РЯД ИДЕТ ОТРЯД, ШАГАЕТ ЧЕТКО В НОГУ.
НАД НАМИ НЕБА СИНЕВА БЕЗ КРАЯ.
СТРАНА ЛЮБИМАЯ, ЗЕМЛЯ РОДНАЯ.
ЗЕМЛЯ РОДНАЯ.

Прощается со школою
Веселый, дружный класс,
Каникулы, каникулы
Зовут в дорогу нас.
Перед нами открываются
Широкие пути,
Отряд наш собирается
Всю землю обойти.

Припев: Труби, горнист,
Труби, горнист,
Зови ребят в дорогу!
За рядом ряд
Идет отряд,
Шагает четко в ногу.
Над нами неба синева
Без края.
Страна любимая,
Земля родная.

Зари полоска к вечеру,
Как радуга, пестра,
Поляна вся расцветена
Сиянием костра.
Туристы — люди крепкие,
Хоть за день устают,
На зорьке поднимаются
И весело поют.

Припев.

Не вся еще изучена
Родной земли краса,
Могучих рек излучины,
Уральские леса.
Гористыми отрогами
Шагает дружный класс,
Отважными туристами
Зовут недаром нас.

Припев.

В ноябрьском номере журнала рассказывалось о переходящем призе лучшему отряду уральских следопытов за самые интересные и значительные успехи в следопытских делах.

За дела 1959 года переходящий приз нашего журнала и нагрудные значки «Следопыт» получает

Смотри следующую страницу.

ОТРЯД СВЕРДЛОВСКОЙ

СЛЕДОПЫТЫ

На слете

ДЕДОВ И ВНУКОВ

В сентябре прошлого года на школьной доске объявлений мы прочитали: «Организуется клуб туристов. Первое занятие состоится сегодня, в 6 часов вечера».

Пролетел учебный год. Для нас он был не только учебным, но и первым туристским годом. Научились мы за это время многому, были в нескольких походах, работали по темам «История Уралмаша» и «Комсомольцы 30-х годов». В июне выступили на XIV областном слете туристов, первом слете в жизни нашего клуба, и заняли... 23 место.

— Это поражение? — спросили мы у себя. — Нет, не поражение. — Главное, не падать духом и не терять хорошее настроение. Впереди краеведческий Слет дедов и внуков. Будем же самими достойными внуками!

Мы заново оформили выставку, пересмотрели коллекции, приготовили новые газеты и альбомы, переделали старые, о которых жюри областного слета неодобрительно отозвалось. Перед слетом сходили еще в один поход, в котором собирали материалы по революционной борьбе и по гражданской войне в городе Полевском, изучали бажовские места.

В походе почувствовали себя настоящими туристами. Многому научились и подучились. Особенно порадовали нас повара и санитары. Первые стали блестящими кулинарами. Санитары у нас на глазах превратились в универсальных врачей».

Теперь все умели молниеносно ставить палатку, безошибочно ориентироваться, разжигать костры в дождливую погоду, варить походную пищу, без сожаления о сне рано вставать и поздно ложиться.

Маршрут нашего похода заканчиваясь в Кашино, на месте Слета дедов и внуков. Сюда мы прибыли точно к началу слета, но позднее других, пришлось без передышки включиться в работу. Мы старательно ставили палатки, боясь оставить хоть ничтожную морщинку, изо всех сил натягивали веревки, за что были наказаны: одна из палаток порвалась. Только успели оформить выставку, как раздался требовательный призыв горна, он звал внуков на торжественное открытие слета.

Давно мы мечтали услышать этот звук, но тут расстроились: не успели позавтракать, значит, плохо начали слет. В душе поклялись, что впредь будем проворнее, отбросили невеселые мысли и побежали на линейку.

Наш отряд считался одним из главных претендентов на кубок, а главным нашим соперником была ту-

Устанавливать палатки научились все.

ристская группа 86-й школы Уралхиммаша. Мы очень подружились со своими противниками и от души помогали друг другу: они нас консультировали по топографии, мы их — по истории революции, гражданской войне на Урале, по геологии.

Вечер принес большую победу: по краеведческой выставке мы набрали 64 очка и заняли первое место. Это нас воодушевило. На следующий день мы победили в эстафете, первое место заняли в конкурсе наши геологи, второе — топографы.

На слете не обошлось и без огорчений. Краеведческая викторина показала, что наш кругозор не очень уж широк. Никто из нас не мог хотя бы догадаться, какое направление преобладает у ветров, дующих в Свердловске. Дошло до смешного: мы забыли, что существует северо-запад. Это было хорошим уроком.

Вечером на Костре дружба нашему следопытскому отряду присвоили имя 28-й стрелковой дивизии, освободившей Свердловск в гражданскую войну. А на следующий день нас объявили победителями слета и вручили много грамот и подарков. Радовались мы не только за себя, но и за наших главных соперников, ребят из 86-й школы. Мы сосчитали, что наш и их капитаны пробежали равное число раз от своего отряда к трибуне и обратно.

Мы получили переходящий кубок и стали участниками VI Всероссийского слета в Орле.

Инна МЕЛЬНИКОВА.

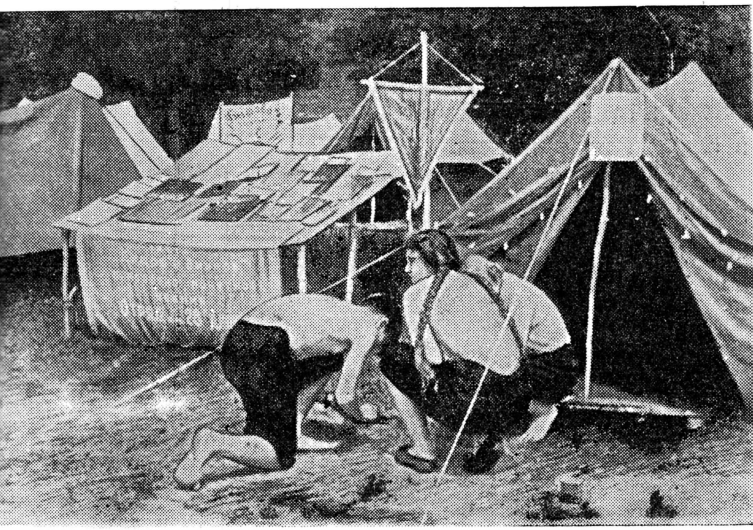
ПО ОРЛОВЩИНЕ

Орел! Со всех концов Советского Союза сюда съехались туристы. Прибыли и мы и сразу расстроились: изменили наш маршрут, который мы разработали в Свердловске. Мы мечтали пройти дорогами, по которым шестнадцать лет назад шли наши отцы, братья — бойцы и командиры Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса.

Новый маршрут лежал через места, где сто лет тому назад любил охотиться Тургенев, где в Великую Отечественную войну шли крупные бои партизанских соединений с гитлеровскими оккупантами.

Пока наш топограф Костя вычерчивал карту нового похода, мы познакомились с работой детской туристской станции. И тут неожиданное открытие: орловский краевед Бонкс сообщил нам, что в Орле живет бывший командир Уральского добровольческого танкового корпуса генерал-лейтенант в отставке Георгий Семенович Родин. Прошел какой-то час, и мы сидим в квартире Родина. Наш приход сначала удивил Георгия Семеновича, но, узнав, что мы уральцы, он очень обрадовался встрече. Георгий Семенович рассказал нам о формировании корпуса, о его боевых делах, показал фотографии и документы тех времен, шашку, подаренную ему золотоустовскими рабочими, газеты «Уральский рабочий» за 1943 год, карты боевых операций корпуса. Он подарил нам несколько редких фотографий: вручение корпусу гвардейского знамени, групповой снимок бойцов и командиров Свердловской бригады и другие. Все мы передали в Музей боевой славы Урала.

Первый день нашего похода по Орловщине. Машина подвозит нас к небольшому поселку, привольно раскрывшемуся на живописных холмах Среднерусской равнины. Хотынец. Здесь есть пенькозавод, маслозавод, птицефабрика и РТС. Выбираем пенькозавод. Главный инженер завода рассказал нам об истории пенькозавода, о технологии производства, провел по цехам, где мы познакомились с рабочими, помогли им сортировать снопы конопля.

77-Й ШКОЛЫ РАССКАЗЫВАЮТ:

Фото Вадима БУЛАТОВА.

Следующая остановка в знаменитом селе Льгов. «Помните босоногого, оборванного и взерошенного Сучка? Кем только он не был по барской капризной воле», — начал свой рассказ учитель литературы льговской школы Е. Д. Лаврухин. — Газета «Орловский вестник» за 16 января 1896 года сообщала: «Жизнь льговского крестьянина сложилась крайне неблагоприятно... курная, с маленьким, заставленным вместо стекла шепками и тряпками окном изба, вросшая в землю, обставлена снаружи и внутри подпорками... Рухляди, в смысле одежды и добра, никакой нет. У многих крестьян Льгова нет ни скота, ни имущества». Сейчас от старого Льгова осталось лишь здание церкви, у которой почти 100 лет назад Иван Сергеевич Тургенев беседовал с Сучком. Егор Дмитриевич показал места, где любил охотиться Тургенев, познакомил с партизанами Льгова.

Бывшим партизанам, а сегодняшним колхозникам некогда было разговаривать с нами: стояла горячая пора уборки. Вместе с ними мы пошли на колхозный ток везть зерно. Работа не из легких. Пшеницу нужно носить в ведрах к веялке и там сыпать в приемный бункер. Печет солнце «Оказываеся, хлеб-то не булками растет», — шутит Вадим «Молодцы, хорошо поработали», — благодарит бригадир и просит нас выступить с концертом. Мы устали, но отказать не в силах.

Незаметно пролетели все пять дней слета, до отказа заполненные соревнованиями и концертами, эстафетами и встречами у костра. Многому мы научились за эти дни, много приобрели новых друзей. Гордились успехами своих земляков, туристов Свердловской области, которые заняли общее четвертое место на слете, вместе со всеми аплодировали краеведам Уфы, спасшим жизнь колхознице, радовались каждому удачному выступлению своих новых друзей из Азербайджана. Вместе с трудя-

Здесь Тургенев встречался с Сучком.

В гостях у Георгия Семеновича Родина.

щимися Орла праздновали шестнадцатилетие освобождения Орловщины от фашизма.

Слет закрыт. С каждым часом все меньше и меньше остается в нашей гостинице туристов. В разные концы страны разъезжаются они... Вот и наш поезд, набирая скорость, отходит со станции Орел. В Свердловск!

Алексей ЧЕКАСИН.

СВЕРДЛОВ В РЕЖЕ

Летом мы получили задание от музея имени Я. М. Свердлова: установить место пребывания Якова Михайловича в городе Реже.

Приехали в Реж. Старый большевик Василий Петрович Мельников рассказал нам об организации и деятельности подпольной группы в городе, о ее руководителе Ф. Е. Полякове. Он назвал имена и фамилии участников первой русской революции и гражданской войны на Урале. Мы решили познакомиться с ними, узнать побольше об их партийной работе, о встречах с Я. М. Свердловым.

Старожил А. П. Таланкин рассказал нам о митинге, который проходил около бывшей заводской конторы. (Сейчас на этом месте стоит школа № 5). На митинг собралось почти все население Режа. Здесь впервые в городе прозвучал голос «товарища Андрея». Полиция рвалась к Свердлову, хотела арестовать его. Но у «товарища Андрея» было много друзей. Они незаметно вывели его через заводской двор. На следующий день товарищ Баряхнин — «Яша-коляса» в телеге с сеном вывез Якова Михайловича из города.

В. И. Мионов видел Я. М. Свердлова два раза. Первый раз — на организационном собрании у реки Быстрой. Второй раз он слышал выступление Якова Михайловича на митинге.

Мы установили, что Свердлов был в Реже два раза. В 1905 году он проводил организационные собрания руководителей подпольной группы, а в 1906 году выступал на митинге, проходившем у заводской конторы.

Секретарь райкома партии посоветовал нам сходить к дочери фотографа Матвеева. Большая стопка старых негативов, которые она нам подарила, рассказывает о революционных днях Режа. Здесь предположительно запечатлен и митинг у заводской конторы в 1906 году.

Мы выполнили задание городского музея и собрали много интересных экспонатов для школьного музея.

Вера СЫСОВА,
Тамара ВАСИЛЬЕВА.

Итоги игры читателей нашего журнала
„НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ“

Еще в майском номере журнала закончилась наша игра, а письма с ответами продолжали приходить в редакцию вплоть до поздней осени. Только теперь можно подвести итоги игры.

В «Необыкновенном путешествии» приняло участие около 700 читателей. Больше всего среди них, конечно, школьников, учащих ремесленных училищ, но немало оказалось и взрослых — студентов, рабочих, служащих, пенсионеров. Участники игры живут в самых различных районах страны: Боря Ивлев — в Выборге, Слава Терентьев — в Сталинграде, Наташа Снитко — в Свердловске, Сережа Старцев — в Новосибирске, Лена Волкова — в Дагестане, Таня Любушина — в Сыктывкаре, Толя и Коля Барановы — в Москве, работница Н. А. Набукина — во Владивостоке, пенсионер Л. Т. Шестаков — в Тобольске. Посмотрите на карту — во всех концах СССР есть участники игры.

Правильные ответы на все вопросы всех пяти серий игры прислали:

А. Ермолин, В. Трусов, М. Барков, В. Первушин, Н. Бенцева, Л. Онищук, Т. Ворошилин, Е. Остроухова, А. Тюков, Н. Снитко, Б. Пачов, А. Барабанов, Н. Яковлев, Е. Александрова, А. Селин, А. и Р. Иваненко, С. Шайнов, В. Бардыга, Н. Пантелеева, А. Базун, Н. Радионова, В. В. Золотушкина, Ю. Поздеев, Ф. Мощенников, А. Киселев, П. Д. Капитанов, В. Палкин, В. Хомяков, А. Парышев, Н. Виноградова, А. Булыгин, В. Щетинин (СВЕРДЛОВСК).

В. Перечепаев, Т. Калинина, А. Погребняков, В. Вохмяков, П. Колдомов, В. Кобзев, Л. Крутик, Л. Ведрова, В. Бойков, В. А. Порунов, Н. П. Алексеев, В. Сушон, И. Серова, С. Рябков, Е. Рыжов, Т. Звездина, М. Меринов, Е. Воробьев, Г. Шатов (Н. ТАГИЛ); Л. Суворкова, В. Белоусов, Л. Калашникова, З. Толмачева, В. и Ф. Медведевы, Л. С. Бусов, В. Лыкосова, А. П. Тащин, В. Верцов (КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ); В. Анисимова, В. Богов, А. Пухешов, С. Толмачев, В. Щегоцкий, Т. Ялунина, Н. П. Каменских (КУШВА); В. Парухин, В. Коваленко, В. Симонов, А. Курочкин, Л. Дитятев (РЕВДА); Т. Шукшина, Н. Бороздина, Л. Векслер, Л. Бобошина (ПОЛЛЕВСКАЯ); Ю. Чуманов, А. Горшков, Б. Колбин, В. Ефремов, Л. и Н. Полосухины, В. Книщенко (СЕРОВ); Л. Стафеева, О. Гольянов, В. Черемных, А. Харлов (АЛАПАЕВСК); В. Крутиков, Н. Мингаева (ТУРИНСК); В. Башкиров, Е. Серебряков, В. Ильянков, В. Зольников (ПЕРВОУРАЛЬСКИЙ); В. Погудин, Г. Давыдова (КРАСНОУРАЛЬСКИЙ); Г. Драгачева, Е. Мязина (СУХОЙ ЛОГ); Ю. Важенин (В. ТАВДА); В. Шилиев (СЕВЕРОУРАЛЬСКИЙ); А. Гаренских (КИРОВГРАД); Л. Блехарская, Д. Заголовцев (КАРПИНСК); В. Савкин (ВЕРХОТУРЬЕ); П. Авдеев (АСБЕСТ); Э. Старов (ИВДЕЛЬ); А. Демидов (ИРБИТ); В. Бабешко (В. ПЫШМА); В. Верещагин (ШАЛЯ); П. Козионов, В. Вохмяков (МАНЧАЖ); Ю. Таланов, В. Удилов (СЫСЕРТСКИЙ РАЙОН); М. и Г. Копырины, Л. Лобанова, М. Ю. Оловеников, А. И. Медяков (БЕЛОЯРСКИЙ РАЙОН); Л. Солнцева, А. Хорохов, Н. Ильина (КАМЫШЛОВСКИЙ РАЙОН); С. Вуль, Г. Рыбин, А. К. Бабенко, Т. Кузьмина (НЕВЬЯНСКИЙ РАЙОН); Е. Капустина, Г. Ильина (БОГДАНОВИЧСКИЙ РАЙОН); Г. Жулимов, А. И. Логинов (КОПТЕЛОВСКИЙ РАЙОН); К. Леднев (ТУГУЛЬМСКИЙ РАЙОН); А. Малков (СИНИЦХИНСКИЙ РАЙОН); Ю. Ковырзин (НОВОЛЮЛИНСКИЙ РАЙОН); И. Журавлева (КРАСНОУФИМСКИЙ РАЙОН); В. Плотников (Ст. ИСЕТЬ); Л. и В. Вернго (Пос. АЗАНКА); А. Шарин (БИЛИМБАЙ); В. Южиков (Пос. АРТЕМОВСКИЙ); Г. Пономарева (Н. РУДЯНКА, СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ).

Ю. Нестеренко, С. Морозова, И. Савулина, М. Гитис (ЧЕЛЯБИНСК); Т. Губарева (ШАДРИНСК); В. Васильев (МИАСС); Б. Крапивин, М. Тарынин (ЗЛАТОУСТ); Б. Тимофеев (КАСЛИНСКИЙ РАЙОН, ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).

Н. Антонова (ЧУСОВОЙ); В. Плюснин (С. ЕЛОВО ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ).

Г. Михляева (КУРТАМЫШ); Ю. А. Лесников (КАТАЙСК, КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ).

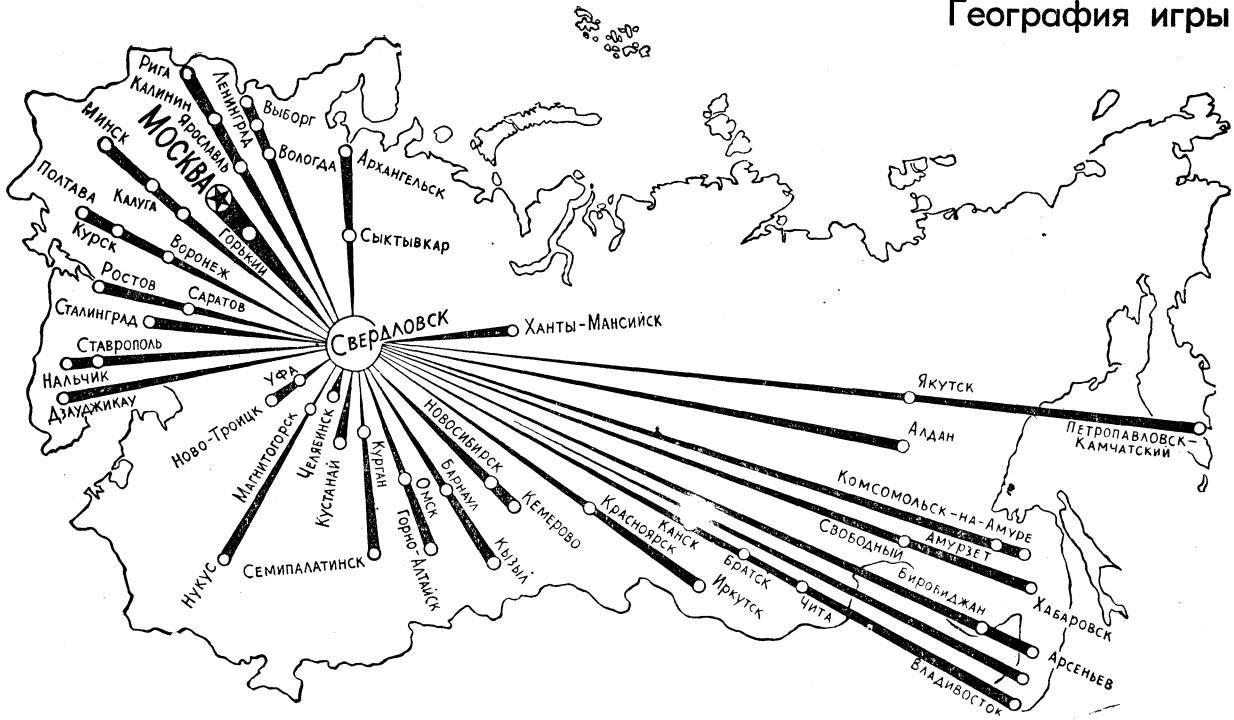
В. Андреев (ТЮМЕНЬ); Л. Т. Шестаков (ТОБОЛЬСК, ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ).

Г. Казанцев (ОМСК); Б. Вяткин, В. Сухоруков (ИСИЛЬ-КУЛЬ, ОМСКОЙ ОБЛАСТИ).

С. Рыбин, Ю. Туманевич, Н. Киселева (МОСКВА); В. Ахмелюк (МЫТИЩИ, МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ).

Н. Сальтонс (ЛЕНИНГРАД); Б. Ивлев (ВЫБОРГ); Н. Эерлин (ЛУГА); В. Иванов (ВОРОНЕЖ); Н. Рождественский (БАТУРЛИНОВКА, ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ); Э. Репина (КИРОВ); В. Лапшевцев, В. Воробьев (С. ШУРМА); Т. Зубарева (ЯРАНСК, КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ); Г. Рубцова (ТУЛА); Г. Рашупкин (ШЕБЕКИНО, БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ); С. Терентьев (СТАЛИНГРАД); Л. Филимонова (РЯЗАНЬ); В. Ушаков (ЯРОСЛАВЛЬ); Э. Мельникова (ПЕТРОВСКИЙ РАЙОН, ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ); И. Тухтина (УЛЬЯНОВСКО-НАВОЛГЕ); П. Гостев, А. Ширшов (САРАТОВ); В. Грошев (АТКАРСК, САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ); И. Трефилина (Ст. КУЧИНО); В. Сажин, А. Грачев (С. ПЕРЕВОЗ, ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ); Н. Максимов (КАЛИНИН); Р. Разумовский (КАЛУГА); Е. М. Шенякина, М. Миссеров (РОСТОВ-НА-ДОНУ); Д. Цой (НЕВИННОМЫССК, СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ); В. Чухров (КРАСНОДАР); С. Старцев (НОВОСИБИРСК); Л. Кедрова, А. Семенова (СТЕРЛИТАМАК); А. Замулин (БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ РАЙОН, АЛТАЙСКОГО КРАЯ); И. Шухман, А. Веселовская (СТАЛИНСК); Н. и В. Конвельс (Б. ПЕСЧАНКА, КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ); А. Благовидов (СВОБОДНЫЙ, АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ); В. Иванов (КРАСНОЯРСКИЙ); О. и М. Бобриковы (ЗАОЗЕРНЫЙ, КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ); М. Петрухин, В. Бородин (СПАССК-ДАЛЬНИЙ, ПРИМОРСКОГО КРАЯ); М. Систер (АМУРЗЕТ, Евр. Авт. ОБЛАСТИ); Н. А. Набокина (ВЛАДИВОСТОК); С. Матлес (ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ); С. Яковенко (Ст. ТАВТИШАНОВО); Ю. Чиглинцев (МЕЛЕУЗ, БАССР); А. Казаков (ГРАХОВСКИЙ РАЙОН, УАССР); Т. Любушина, В. Игнатов (СЫКТЫВКАР); Н. Старикова (ВОЛОЖСК, КОМИ АССР); Л. Барабанова (ЧЕБОКСАРЫ, ЧУВАШСКАЯ АССР).

Во многих из 3000 писем, полученных от участников игры, высказано желание начать в новом году новую игру. В редакции сейчас придумывают ее. Но, может быть, кто-нибудь из вас, читатели, придумает?

Многие участники игры попытались написать рассказ по мотивам «Необыкновенного путешествия» — объяснить, что же было написано в листочках, найденных в банке.

Уже одни названия присланных рассказов говорят о разнообразии замыслов их авторов. Тут есть и «Дневник Григория Рагозина», и «Алмазная пещера», и «Записки геолога», и «Сохраненная тайна», и многие другие. Конечно, они неравноценны. Одни лишь пересказывают заново все то, о чем говорилось в самой игре; другие — растянуты в длинную и скучную повесть, третьи — очень короткие и бедны по выдумке. Есть и интересные рассказы. Лучшим признан рассказ Михаила Кругликова из города Кургана — «Да здравствует грядущее!». Его мы и публикуем.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРЯДУЩЕЕ!

Рассказ Михаила Кругликова

С волнением развернули мы пожелтевшие от времени листки, добытые из консервной банки. Вот что было написано в них торопливым, нервным почерком:

«Дорогие друзья, товарищи!

Кому бы ни попали в руки эти записки, не ругайте нас за то, что в этой истории так тесно переплелись шутка, игра и серьезное дело. Таковы уж были контрасты этого дня.

Еще утром мы, молодые геологи, студенты-практиканты, закончив свои дела, веселились и дурачились в окрестностях так полюбившейся нам деревеньки. А сейчас...

Впрочем, нужно рассказать все по порядку,

хотя мы и очень торопимся. Остались считанные часы до отъезда машины, с которой мы попадем на станцию, а оттуда — на фронт.

Несколько дней назад наша геолого-поисковая партия закончила свои работы, а мы, практиканты, остались на день-два, чтобы уточнить по замечаниям начальника партии одно неясное место нашего отчета. Вчера полностью законченный отчет был выслан, а мы решили остаться еще на один день (благо это было воскресенье) попутать и побродить в окрестностях.

С утра вся компания двинулась на свое любимое место — к Вишневой горе. Еще в самом начале практики мы нашли в ее ущелье вход в

забытую всеми пещеру. Оказалось, что пещера — искусственная, ее строили скрывавшиеся здесь некогда беглые «рабочие люди». Нашелся даже старенький сундук — он стоял в центре пещеры, — но уже пустой. Мы его использовали для хранения взрывчатки, взятой для проходки глубоких шурфов.

Особенно изучили пещеру наш весельчак и постоянный выдумщик Гриша и его дружок Семен. Они составили план ее и знали весь лабиринт как свои пять пальцев.

Я и Володя отправились порыбачить у мельницы, а Гриша с Семеном — побродить по ущельям. Условились, что к обеду встретимся у пещеры.

Когда мы с Володей, вдоволь порыбачив и досыта накупавшись, стали одеваться, Володя увидел нечто такое, что заставило нас надолго задержаться здесь.

Нынешней бурной весной высокие воды подмыли берега речки, в некоторых местах обвалились целые глыбы земли, обнажив скрытые доселе пласты. В одном из таких случайных обнажений оказался коренной выход шеелита — ценной руды редкого минерала вольфрама. Это уже замечательная находка!

О том, что найти здесь шеелит вполне возможно, не раз твердил нам руководитель партии Василий Павлович. Он говорил Володе, носившемуся с романтической, но беспочвенной в данных условиях мечтой — найти алмазы: «Не увлекайтесь зря, юноша. Мечта инженера должна иметь под собой какую-то почву. Алмазов здесь нет и по геологическим условиям района быть не может. А вот шеелит — вполне возможно. Мечтайте найти его — и найдете. Вот это и будут ваши алмазы!»

Шеелит мы, конечно, искали; называя его с тех пор в шутку алмазом. Но, увы, безрезультатно.

Отбив несколько образцов шеелита и наспех задокументировав обнажение, счастливые удачной находкой, мы помчались к ребятам. Но где их искать теперь? Время обеда давно уже прошло. Может быть, они, не дождав нас, пошли на мельницу? Но и здесь их не было.

— Ах, так! — сказал Вовка. — Ну, если мы разойдемся с ними, пусть пеняют на себя. Оставим этим любителям загадок свою загадку.

Так появилась на жерновах зашифрованная надпись: «Нашли алмазы. Отчеты у Гриши дома». Мы выбили ее на внутреннем и на внешнем жерновах, а потом сместили их положение.

Но и у пещеры никого не оказалось. Больше того, мы увидели, что эти чертенята решили разыграть нас. Железные двери у входа были испещрены таинственными письменами. Пришлось разгадывать, где их искать.

Из левой надписи явствовало, что авторов ее нужно искать. «Кто ищет, тот всегда найдет», — намекали ребята. Средняя надпись гласила: «Терпенье и труд все перетрут» — без труда, дескать, не найдешь. Правая надпись — «Не стыдно не знать, стыдно не учиться» — была явным намеком на недавнее нравоведение, полученное Вов-

кой от руководителя партии Василия Павловича. Он до сих пор не мог простить себе своего конфуза и потому, поняв намек, так и ринулся в пещеру, мечтая поскорее намылить шею насмешникам.

Скоро мы доползли до центрального «зала» пещеры. Здесь нас ждал лишь сундук, закрытый хитроумным Гришиным замком. Секрет нам был известен: стоило повернуть кольца, чтобы буквы образовали надпись «А ларчик просто открывался», и замок открыт.

В сундуке нашелся только разорванный план пещеры. Сложили его, пользуясь ключом — фамилией автора одного из зашифрованных на дверях текстов — Лебедева-Кумача. На обороте оказалась нехитро зашифрованная записка: «Карта в дупле у глубокого оврага».

Розыгрыш продолжался — нам следовало идти к запасному выходу, у которого росла старая липа, и в дупле ее искать какую-то карту, по которой, надо думать, ребята собирались еще погонять нас по полям и оврагам.

Можно было бы плюнуть на все это и идти прямо домой. Но хорошо сказать «прямо», а мы ведь в пещере — волей-неволей выйдешь туда, где назначена встреча. И не прямо, а криво, и не идти, а ползти по подземному лабиринту. Бросив в сундук листочки, поползли, чертыхаясь, к выходу.

И вот здесь-то, когда мы выползли из узкого лаза в пещеру, нас и ждала та потрясающая новость, которая так неожиданно повернула по другому руслу всю нашу жизнь.

Гриша и Сенька сидели у дерева, понурые и взволнованные. В их мрачном молчании, с которым они встретили нас, было что-то напряженное и зловещее. Полчаса назад от проскакавшего мимо всадника они узнали о начале войны.

Раздумье наше было недолгим. Конечно, мы должны быть там, где сейчас решаются судьбы страны. Надо идти на фронт. Добровольцами. Сегодня же! Тем более, что, как сказал всадник, машина с первыми добровольцами деревни сегодня же вечером уезжает в военкомат. С ней мы и поедем.

Но как быть с нашей находкой — с шеелитом? Конечно, письмо и план местности в управление пошлем. Но вдруг в суматохе оно затеряется? Как тогда? Возможно, на будущий год поисковая партия снова явится сюда, чтобы продолжить работы. Пожалуй, на мельнице снова будут хранить инструменты и тогда найдут нашу надпись, дающую путь к поискам материалов. А если с партией будет Василий Павлович, то он непременно использует пещеру для хранения взрывчатки и, значит, тоже найдет наши шифровки, а по ним придет к этому дуплу.

К дуплу! Значит, здесь надо оставить какую-то записку. Но Гриша уже заложил в дупло шутовскую записку — для нас. В ней шифром, проверяя нашу сообразительность, ребята предлагали искать их по ломаному пути к мельнице, куда они направились ждать нас.

Пришлось лезть на дерево и вытаскивать из дупла эту записку. Поколдовав над ней — заменив на компасе одни буквы другими, он положил планшетку обратно. Теперь на плаче значилось: «Ушли на фронт. На жерновах оставлен след». Стрелка указывала на мельницу.

Теперь — бегом в деревню. Здесь на сборы ушло каких-нибудь час-полтора, во время которых я и пишу эти записки.

Остается только выйти из последнего за-

труднительного положения. Через полчаса машина уходит, а мы еще не решили, куда спрятать записки, чтобы они надежно сохранились.

Вот уже прибежали со своей квартиры Вовка и Сеня. Уже собрал свой и мой рюкзаки Гриша и прикрыл за собой дверку нашего жилища — амбарушки под навесом сарая. А мы все еще ничего не решили...

Надо было бы распроститься с дедом, нашим хозяином. Но он еще с утра ушел в лес, и теперь этого непоседу не дожدهшься до луны. И избу закрыл Мокенич, а то бы положили записки за зеркало — в наш постоянный «сейф».

А тут еще Гриша «обрадовал» сообщением, что утром, собираясь весь день разыгрывать нас, он заготовил шифрованную записку и сунул ее в «сейф» — за зеркало. Если ее прочитать в зеркале, прислонив к нему каждую строчку под углом, то получится: «Соедините линиями на плане топографические знаки по порядку номеров, соответствующих их ориентирам на рисунках, и прочитайте слова из букв, расположенных по направлению этих линий».

Выполнив это, на плане прочтешь слова: «Ройте шурф, глубиной метр, на пересечении диагоналей огорода».

Вот так штука! Еще кто-нибудь найдет записку и будет копать пустой огород.

А, впрочем, это идея! Она родилась только сейчас. Тот шурф, о котором писал в записке Гриша, есть в натуре! История его такова. Желая отблагодарить нашего хозяина за его доброту к нам, мы с Гришей решили выкопать в огороде колодец — давнее желание старика. Вода должна быть неглубоко, метра два, и за день свободно можно справиться с этим. Утром мы уже выкопали шурф, глубиной с метр, а осталь-

ное собирались закончить после обеда, когда вернемся с Вишневой. Гриша шутливой запиской в зеркале хотел закончить розыгрыш призывом докопать шурф до конца. Деду осталось бы только сделать сруб колодца.

— Туда их, наши записки, в шурф!

Скорее!.. Нужно достать металлическую банку, вложить в нее эти записки и схематический план места находки шеелита. И зарыть шурф!

А пока ищут подходящую банку, я напишу, на всякий случай, в своей ненужной теперь рабочей тетради еще одну шифрованную записку. Тетрадку можно оставить на крыльце — может быть, передадут нашим геологам.

Итак, еще записка. Что написать в ней? Составляем коллективно: «Друзья! Мы уходим добровольцами на фронт. Отчет о работе вчера выслан в Управление. Сегодня случайно нашли алмазы. Сведения спрятали в огороде. Приезжайте продолжать поиски. План в зеркале».

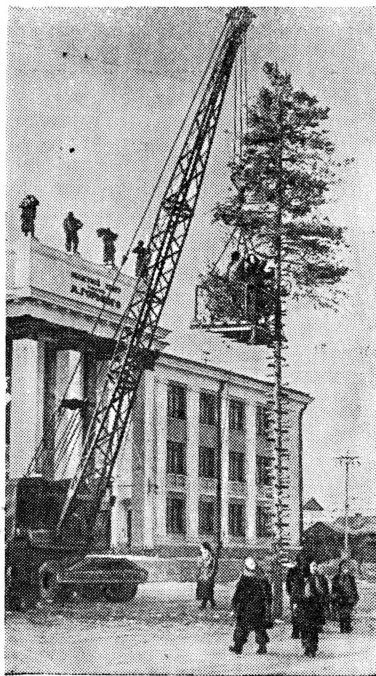
Теперь как будто все кончено. Через несколько минут шурф скроет эти записки, а с ними нашу драгоценную находку. Мы уверены, что их найдут и доставят геологам, и, может быть, недалеко то время, когда в этих местах зажгутся огни мощного рудника. Если судьба не позволит нам разделить вместе с вами эту радость, то вспомните в этот день и о нас, друзья!

А пока — мы идем туда, где мы нужнее всего, — на фронт! Прощайте, товарищи! Да здравствует победа!

Гриша, Володя, Сеня, Игорь».

Да, пусть не скоро, но записки молодых геологов попали в руки советских людей. И, кто знает, может быть, действительно находка студентов изменит лицо этих мест. Мы вспомним в этот день о вас, друзья!

ЕЛКА ИЗ ВЕТОЧЕК

В Магадане для школьников каждый год устраивается на площади большая праздничная елка. Однако она многим отличается от своих подруг, которые бывают в других городах.

Дело в том, что на Дальнем Севере, где расположен Магадан, растет только одно хвойное дерево — лиственница, но она еще с осени теряет свой зеленый наряд. Зато здесь много кедрового стланика. Это вечнозеленый кустарник с метелками длинной красивой хвои.

Магаданские школьники делают свою елку из веточек. Для этого они берут металлическую трубу с приваренными к ней со всех сторон небольшими патрубками, а в патрубки втыкают ветки стланика. Украшенная разноцветными лампочками, игрушками, такая елка выглядит ничуть не хуже своих настоящих подруг.

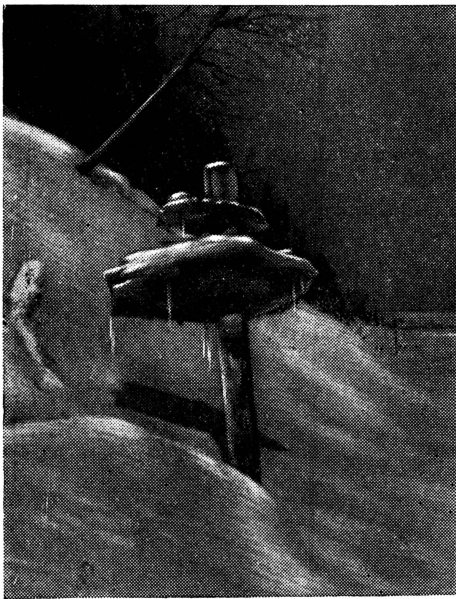
Ю. РЯБОВ

ЛЬДИНЫ НА ДЕРЕВЬЯХ

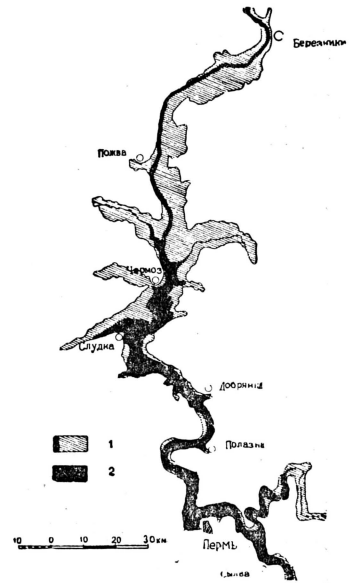
В начале весны на Камском водохранилище, раскинувшемся к северу от города Перми, можно наблюдать на первый взгляд не совсем понятные вещи: на многих деревьях и столбах, стоящих у берега, висят крупные льдины. Иногда они находятся на высоте семи-восьми метров. Под лучами весеннего солнца льдины тают и сбрасывают снизу сосульками. Днем около таких столбов и деревьев идет настоящий дождь.

Как же льдины оказались на такой высоте?

Это своеобразные отметки уровня воды, сохранившиеся с начала зимы. Зимой воды из водохранилища вытекает гораздо больше, чем притекает с верховьев Камы и ее притоков. В результате объем водоема к началу половодья сокращается почти в пять раз. В соответствии с этим понижается и уровень. Лед, образовавшийся на водохранилище в начале зимы, опускается все ниже и ниже, а на столбах и деревьях, стоявших осенью в воде, часть льда остается и повисает в воздухе.

С понижением уровня воды значительно сокращается и площадь водохранилища. Осенью оно занимает около 1700 квадратных километров, а в начале весны — всего лишь шестьсот — семьсот квадратных километров. Лед ложится на грунт и обсыхает. Изменяется в это время и форма водохранилища, особенно в северной мелководной части. Кама на значительном протяжении снова приобретает свой прежний

Камское водохранилище:
1 — после наполнения водой; 2 — в начале весны.

облик, превращается в реку с сильным течением и перекатами. Исчезают обширные заливы в устьях рек Косьвы и Иньвы, заметно уменьшается Обвинский залив. И только в южной приплотинной части изменения не так велики. Ширина водохранилища остается здесь почти такой же.

Л. Дубровин.

БОКСИТ и мебель

Боксит — сырье для алюминия. На Урале есть несколько крупных месторождений этого ценного ископаемого. Но боксит нужен не только металлургам.

В Североуральске размолотый и растворенный боксит используют для покраски. Бокситовая окраска

придает деревянным изделиям приятный вид. Они становятся похожими на мебель, сделанную из настоящего красного дерева. А если в раствор добавить немного саж и синьки, то столы, шкафы, тумбочки будут выкрашены «под орех».

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров, Ю. Койнов, Ю. Курочкин, Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор А. С. Асс. Технический редактор Т. Меньщикова.

Подписано к печати 30/XII 1959 г. Бумага 84×108 1/16=2,5 бум. л.—8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 10,2. НС48434. Тираж 50 000.
Заказ 374. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ТОМУ, КТО В ЛЕС СОБРАЛСЯ

ОБДУМАЙ
КАЖДЫЙ
ШАГ!

С
РУЖЬЕМ
НЕ
БАЛУЙ!

БУДЬ
ОСТОРО-
ЖЕН!
СОГНЕМ!

БЫСТРО ПОЙДЕШЬ —
БЕДУ ДОГОНИШЬ,
ТИХО ПОЙДЕШЬ — БЕДА ДОГОНИТ.
ПРЯМО В ЛЕСУ
ТОЛЬКО ВОРОН ЛЕТАЕТ.
РУЖЬЁ САМО
РАЗ В ГОД СТРЕЛЯЕТ.
КОСТЁР ГРЕЕТ СПИНУ,
НО ЖЖЁТ ЛОПОТИНУ.
ОГОНЬ, ЧТО ЛИСЁНОК,
УПУСТИЛ — НЕ ПОЙМАЕШЬ.
КАК НАТРЁТ ВОЛКУ ХОЛКУ,
НАБЕРЁТСЯ ВОЛК ТОЛКУ.

